

Вальтер Тробиш
С ТОБОЮ...

Вальтер Тробиш

С тобою...

«Не хорошо быть человеку одному»
Бытие 2:18

Trobisch, Walter

I married you

Original edition © Walter Trobisch, Mannheim 1971

Тробиш Вальтер

С ТОБОЮ...

Text copyright © 1986 Licht im Osten

This edition copyright © 1992 Licht im Osten

© Издательство «Свет на Востоке», 1986

Предисловие

События, изложенные в этой книге, действительны, и беседы – подлинно состоявшиеся. Однако я стремился передать их так, чтобы невозможно было установить ни места событий, ни главных лиц, участвовавших в них. Мои африканские собеседники знакомы с этой книгой и хотели бы, чтобы она оказала помощь еще многим людям в мире. Мы глубоко убеждены, что основные проблемы, существующие между мужчинами и женщинами, во всех странах идентичны. Обнадеживающий опыт, описанный в этой книге, не должен, однако, вводить нас в заблуждение относительно того, что мы в состоянии разрешить все эти проблемы, чтобы помочь всем. Но все же этот эксперимент подает надежды.

Вальтер Тробиш,
А-4880 Ст. Георген,
Австрия

1.

Земля приближалась. Кустарниковую поросль и траву сменила бетонированная поверхность взлетно-посадочной полосы. Колеса коснулись бетонки, самолет чуть-чуть подпрыгнул, затем колеса опять коснулись земли и покатались. Моторы ревели. Пилот резко затормозил, повернув в направлении здания аэропорта. Машина остановилась.

Мы прибыли.

Я отстегнул привязные ремни и, перебросив зимнее пальто на левую руку, взял ручную кладь и начал медленно продвигаться к выходу.

Стюардесса-африканка приветствовала меня улыбкой. Ее светло-коричневый наряд прекрасно гармонировал с темно-коричневой кожей.

– Гуд бай, сэр! Надеюсь, полет был приятный?

Я поблагодарил ее и начал осторожно спускаться по узкому трапу. Знойная волна обдала меня. Я был в Африке.

Автобуса не было. Поэтому я присоединился к ослепленным ярким солнцем пассажирам, которые направлялись к зданию аэропорта.

На полпути к аэровокзалу нас встретила девушка. На ней была та же форма, что и на стюардессе в самолете; она присматривалась к пассажирам, как

будто встречая знакомого, и вдруг она обратилась ко мне и назвала меня по имени. Я был удивлен:

– Откуда вы меня знаете?

– По фотографии на обложке вашей книги. Я Мириам. Я однажды написала вам письмо.

«Мириам... Мириам...» – я пытался вспомнить ее.

– Я вам ответил?

– Да, конечно.

– И что же я ответил вам?

– Вы написали мне, что расторжение обручения в сравнении с разводом – меньшее зло.

Тут я медленно начал вспоминать. Я поставил на землю ручную кладь и посмотрел на Мириам. Она была невысокая, красивая, с тонкими чертами лица. Живые карие глаза ее светились на умном лице. Длинные темные волосы, почти синевато-черные, были гладко причесаны и сзади высоко заколоты, как любят носить современные африканки.

– Вы писали мне о том, – вспоминал я, – что вы не совсем доверяете своим чувствам; вы не знаете, достаточно ли они глубоки для брака.

– А вы ответили мне, что я должна распознавать свои чувства, так как у девушки тоньше интуиция.

Постепенно я вспомнил всю переписку. Она была на год старше своего жениха, уже четыре года посещала школу и зарабатывала больше его. Все это заставляло ее задуматься.

– Понимаете, я не могу так просто оставить его! Я знаю, что он меня любит, и мне даже кажется, что и я люблю его. Однако порою я не уверена в своих чувствах.

– Знаете что, Мириам, мы не можем обсудить всего этого здесь. Я не прошел еще через паспортный контроль.

– Извините, пожалуйста.

Она взялась за одну ручку моей сумки, я – за другую, второй рукой держа портфель. Так мы вошли в здание аэропорта.

Я все еще не мог справиться со своим удивлением. Так просто заговорить с незнакомым женщиной, да еще с иностранцем – белым – это не в обычаях африканской девушки. Начать с ним разговор о личных проблемах на летном поле – вообще что-то необычное. Однако Африка быстро меняется, подумал я.

– Извините меня, – начала она опять, когда мы шли рядом, – но мне так необходимо поговорить с вами. Наш пастор сказал мне, что вы здесь пробудете только четыре дня. Вот я и решила опередить других. Я работаю в авиакомпании. Поэтому и могла пройти сюда.

– Вы член церкви пастора Даниила?

– Да, кстати, и он здесь, чтобы встретить вас. Вы увидите его, как только пройдете паспортный контроль и таможенный досмотр.

Вдвоем мы подошли к паспортному контролю. У меня создалось впечатление, что ей хотелось

продолжить начатый разговор. Конечно, продолжение беседы ей стоило определенных усилий. Поэтому, чтобы не разочаровывать ее, я вернулся к прерванной беседе.

– Мириам, а почему вы, собственно, обручились с этим молодым человеком, не узнав его поближе?

– В нашей стране девушке разрешается встречаться с молодым человеком только в том случае, если она с ним обручена. У нас не принято иметь «друзей»!

– Да, действительно.

– Вы пишете в своей книге, что обручаться следует только тогда, когда молодые люди ближе познакомятся. Для африканок это немыслимо.

– Да, это вы правильно сказали.

– Как же мне выйти из создавшегося положения?

– Я этого не знаю.

Подошла моя очередь предъявить паспорт.

– Вы турист? – спросил меня африканский полицейский.

– Мне нужно прочитать несколько лекций в здешней церкви.

– О чем?

– О вопросах брака.

Он бегло взглянул на меня. Затем, не спрашивая более ни о чем, поставил печать в моем паспорте.

Мириам сопровождала меня и в таможенное отделение, куда мне нужно было идти за сданным багажом.

– Он говорит, что, если я его оставлю, он покончит с собой.

– Покончит с собой? Он говорит это серьезно?

– Кто знает? Во всяком случае, я опасуюсь.

– Может быть, мне с ним побеседовать?

– О, это было бы прекрасно! Он тоже будет сегодня вечером в церкви.

– Тогда представьте мне его сразу после лекции.

– Спасибо, – сказала она, – большое спасибо.

Она вздохнула с облегчением. А я пришел к выводу, что у нее и прежде было намерение устроить встречу своего возлюбленного со мной.

Принесли мой большой чемодан. Мириам на своем родном языке что-то сказала таможеннику, которого она, казалось, знала. Он махнул рукой, показав, что я могу быть свободным. Носильщик с чемоданом последовал за нами в вестибюль, где ожидали родственники и друзья прибывших.

Пастор Даниил подошел ко мне, взяв меня, по африканскому обычаю, за обе руки, а затем обнял.

– Приветствую, – сказал он, – сердечно приветствую!

Он отошел на шаг в сторону, позволив мне взглянуть на женщину с живыми темными глазами, стоявшую позади него:

– Это Эстер.

Ей было за тридцать. Ее длинное темно-зеленое платье с черным рисунком гармонировало с желтой повязкой на голове. На левой руке у нее был младенец, а правой рукой она держала маленького

мальчика лет трех. Она отпустила его и подала мне руку по европейскому обычаю, смущенно поглядывая в сторону.

– Приветствую вас в нашей стране, – сказала она.

Мальчик посмотрел на меня с любопытством. Однако, когда я наклонился к нему, чтобы поздороваться с ним, он спрятался за свою маму, крепко ухватившись обеими ручками за ее платье. К моему ужасу, я вспомнил, что не взял с собой никаких подарков.

– Мы были в ресторане на первом этаже и видели, как ты вышел, – сказал Даниил.

– Точно минуту спустя после прибытия ты уже начал трудиться. Откуда тебе знакома Мириам?

– Только по письмам. Мы переписывались.

Мириам несколько смутилась. Она быстро простилась с нами, отправляясь на службу: «Но сегодня вечером я приду на вашу лекцию».

Мы покинули здание аэропорта и направились к стоянке автомобилей. Даниил погрузил мой багаж и расплатился с носильщиком.

Эстер села с ребятами на заднее сидение, а я рядом с Даниилом.

– Сколько, собственно, времени миновало с тех пор, как мы видели друг друга в последний раз, Даниил?

– Точно два года.

Я встречался с Даниилом только однажды на

какой-то конференции. Тогда он приглашал меня весьма настойчиво, чтобы я прочитал несколько лекций в его церкви. Однако до сих пор я не мог следовать этому приглашению.

Мы ехали молча. Затем я попытался облегчить свое сердце:

– Немного побаиваюсь сегодняшнего вечера, Даниил. Начать бы мне свои лекции завтра.

– Если ты задержишься у нас всего на четыре дня, тогда мы вынуждены начать сегодня. Ты впервые в нашем городе?

– Да, к сожалению. Я бывал уже во многих африканских странах, но в вашей – еще никогда. Мне известно кое-что об обычаях и нравах вашего народа, но почти ничего не известно о ваших особых проблемах.

– Это, может быть, даже хорошо, – подметил Даниил, подмигнув мне. Молодежь наша с нетерпением ожидает твоих выступлений.

– А старшее поколение?

– Оно не столь воодушевлено. Для них брачные договоры – не дело церкви. На сексуальные проблемы они наложили табу.

– Я знаю.

– Для Африки это закономерно. А как у вас в Европе?

– По сути дела, немного иначе. Христианам неприятно говорить об этом, а те, что много говорят об этом, в большинстве не христиане.

– Во всяком случае, необходимо быть осторож-

ным. Мне бы очень хотелось, чтобы, по крайней мере, в первом своем выступлении ты не слишком много говорил о сексе.

– Постараюсь.

– И выражайся, пожалуйста, по возможности проще, если можно, без абстрактных понятий и специальных терминов.

– Это не так просто для немца.

– Я верю, но ведь ты говоришь по-английски. Тогда искушение употреблять эти термины не будет слишком большим. Говори, пожалуйста, короткими предложениями, чтобы я мог переводить тебя слово в слово.

– Постараюсь, – сказал я, но опасения мои стали расти.

– Имеется ли у вас в церкви доска?

– Найдется.

Мы прибыли в центр города. Если бы не чернокожие повсюду, представившаяся картина не очень отличалась бы от европейской: тротуары для пешеходов, светофоры, неоновые рекламы, высокие здания банков и страховых обществ, гостиниц, ресторанов, бюро путешествий, универмаги и непрерывный поток уличного движения.

– Как ваша семья? – это была Эстер.

– Спасибо, здоровы все.

– Сколько у вас детей?

– Пятеро, только они несколько старше ваших.

– Не было ли им грустно, когда вы уезжали?

– Они с удовольствием отправились бы вместе

со мной в путь. Четверо из них родились в Африке. Поэтому Африка для них – родина.

– Ваша жена тоже приедет?

– Полагаю, что к концу недели она будет здесь.

– Как бы это было хорошо!

Мне пришлось подумать о своей жене, а также о том, насколько легче было бы мне сегодня вечером, если бы она была здесь. И чем больше я думал о ней, тем более одиноким я себя чувствовал.

– Мы хотели пригласить тебя остановиться у нас, – сказал Даниил, – но затем решили, что в гостинице тебе спокойнее, так как в нашем доме слишком шумно. У нас постоянные визиты. Кроме того, может быть, кто-нибудь из тех, которые не особенно охотно посещают дом пастора, хотел бы побеседовать с тобою.

– Я с радостью остановился бы у тебя, – ответил я, – но очень хорошо понимаю твои соображения.

– Но могу ли я пригласить вас к ужину? – спросила Эстер.

– Благодарю, Эстер, только опасаюсь, что у меня не окажется времени. Я еще одет по-зимнему. Кроме того, я хотел бы немного подготовиться к сегодняшнему вечеру. Лучше бы перекусить после лекции.

– Хорошо, я только хотела знать. Даниил никогда не сообщает мне заранее, будут у нас гости к обеду или нет. Поэтому я сама решила спросить об этом.

Наступило краткое молчание.

– Когда ты придешь к ужину, Даниил? – спросила Эстер своего мужа.

– Не знаю. Я обещал еще кое-кого навестить перед лекцией и не могу сказать, сколько времени потребуется для этого.

– У тебя всегда так. Я никогда не знаю, во сколько ты придешь и с кем.

– Эстер делится с тобой нашими семейными проблемами. – Даниил попытался сказать это шутя. Я не мог видеть лица Эстер, а потому не знал, серьезно ли она говорит. Голос ее звучал несколько возбужденно.

Мой номер в гостинице оказался чистой, опрятной комнатой, с кроватью, письменным столом и телефоном. У окна был маленький уголок с диваном, креслом и журнальным столиком. Комната производила приятное впечатление. Да, здесь можно беседовать.

– К сожалению, я сам не смогу отвезти тебя на вечернюю лекцию, – сказал Даниил, – но пришлю кого-нибудь за тобой, чтобы привезти в церковь.

Я подошел к окну и выглянул. Моя комната находилась на четвертом этаже, так что я мог посмотреть на крыши соседних домов. Я видел их уже сверху, с самолета. Теперь они были вблизи.

Затем я принял душ, переоделся, вынул из портфеля свои заметки по первой лекции и разложил их на письменном столе.

Я читал их, а они почему-то в ответ молчали.

Все казалось пресным и скучным. Почти через строчку я наталкивался на пресловутые абстрактные понятия, о которых меня предупреждал Даниил. Уныние все более и более овладевало мною.

Внезапно раздался телефонный звонок. Кто бы мог позвонить мне в чужом городе?

Это была телефонистка из гостиничного коммутатора: «Минуточку, пожалуйста, вам звонят». Прозвучал женский голос и, спрашивая, действительно ли это я, назвал мое имя. Я подтвердил.

– Я прочла в газетах, что вы сегодня вечером будете говорить о проблемах брака. Верно ли это?

– Да, но как вы узнали номер моего телефона?

– Я позвонила в церковь, и секретарша дала мне его. У меня к вам вопрос.

– Пожалуйста.

– Всегда ли неправильно оставлять своего мужа?

«Что же это за вопрос», – подумал я.

– Но почему же, собственно, вы хотите его оставить?

– Он не хочет вступить в брак.

– Но вы же сказали, что он ваш муж?

– Мы живем вместе. Он утверждает, что если он живет со мной, то мы как будто состоим в браке. И все же не хочет вступать в официальный брак. Он часто обещает, что мы сыграем свадьбу, но постоянно отодвигает сроки. Поэтому я замужем и все же не замужем. Я в полнейшем смущении. Что фактически делает брак браком?

- Сколько времени вы уже живете совместно?
- Уже больше года.
- Имеются ли у вас дети?
- Нет, он не хочет.

Жить вместе больше года, не желать детей и не состоять в браке. Я представлял себе эту проблему.

– Он очень добр ко мне, – произнес голос. – Он вносит плату за мое обучение. Он отвозит меня каждый день в школу, а вечером увозит меня обратно.

– Он привозит вас в школу? Сколько же вам лет?

– Двадцать два. Мои родители были слишком бедны, чтобы отправить меня в высшую школу. Теперь мне необходимо все наверстать.

– У человека, с которым вы живете, должно быть, много денег?

– Больше, нежели у моих родителей.

– А где же живут ваши родители?

– В деревне, несколько сот километров отсюда.

– Не могли бы вы отправиться к своим родителям и вернуться только при условии, что он женится на вас?

– Не получится. Мои родители прогнали меня, когда я сошлась с ним. Они против этого брака.

– Почему же?

– Он белый.

– Вот как.

Это уже многое разъясняло: у него были деньги, он не хотел детей и практиковал так называемую «свободную любовь».

– Да, вы действительно в тяжелом положении. Не хотели бы вы как-нибудь прийти, чтобы побеседовать?

– Нет, он этого не разрешит. Он вообще не разрешает мне свободно выходить и, конечно, не разрешит навестить незнакомого человека в гостинице.

– Не могли бы вы прийти с ним вместе?

Она рассмеялась:

– Он никогда не придет.

– Можете ли вы прийти сегодня вечером на мою лекцию?

– У меня сегодня занятия в школе. Кроме того, он не рад, когда я иду в церковь.

– Чем же вы занимаетесь в выходные дни?

– Остаюсь дома. Когда он уходит, он запирает меня на ключ.

– Куда же он уходит?

– Этого я не знаю. Он не говорит мне.

Наступила пауза. Весьма возможно, она боролась со слезами. Но затем я опять услышал ее голос:

– Но что же мне делать? Что делать?

Старый вопрос.

– Я не знаю, – сказал я, – я действительно не знаю.

И я вспомнил, что именно это я сказал уже сегодня на летном поле в аэропорту.

– Могли бы вы, по крайней мере, помолиться вместе со мною?

– Помолиться?... А вы разве христианка?

Едва только я произнес этот вопрос, как тотчас же пожалел об этом. Но последовал ответ:

– Нет, мои родители мусульмане. Однако я посещала христианскую народную школу. В нашей деревне не было другой школы.

Молиться. Но я должен был признаться, что я еще никогда не молился по телефону. А сейчас предстояло молиться с человеком, которого я даже никогда не видел.

Но затем я подумал: «Почему, собственно, не помолиться? Важно ли, видел я человека или нет? Не видит и не знает ли всего Бог?»

Я произнес короткую молитву. После молитвы она положила трубку.

Тишина комнаты опять одолела меня; охватило чувство беспомощности. Я смотрел на лежащие передо мною заметки, но они не отвечали мне и, на мой взгляд, были мертвы. Мои абстрактные заметки не имели отношения к этой жизни. «Боже мой, – размышлял я, – если у людей, которые соберутся сегодня вечером, такие проблемы, то что же я им скажу?»

Затем я внезапно вспомнил, что совсем забыл спросить у этой девушки номер ее телефона. Позвонит ли она еще раз? Опять телефонный звонок. Но это была всего лишь телефонистка:

– В вестибюле ожидает вас какой-то господин, он приехал за вами.

– Скажите ему, пожалуйста, что я сейчас приду.

Я собрал в портфель заметки своего вечернего выступления и спустился в вестибюль. Меня ожидал африканец приятной внешности, в элегантном костюме. Ему, казалось, было чуть больше тридцати. Звали его Морисом. Он подвел меня к автомобилю, до блеска отполированному, и открыл дверцу.

Я спросил его: «Это ваш собственный автомобиль?»

– Да, – ответил он с едва скрываемой гордостью. У нас еще есть время, и я хотел бы проехаться с вами, чтобы показать наш город.

Мы покинули центр. Асфальтированные улицы уступили место немощенным. Почти без сумерек наступила африканская ночь, как будто вдруг опустился занавес. Морис ехал по слегка поднимающейся в гору проселочной дороге. Уже не было больше ни каменных, ни кирпичных домов. С обеих сторон дороги ютились маленькие глиняные домики-хижины под соломенными крышами. Большинство из них имели маленькие лавочки, в которых продавались различные алкогольные напитки. Они были освещены керосиновыми лампами.

– Это район наших красных фонарей, – сказал Морис. – Во всяком случае, так называли бы этот район в Америке.

– Хотите ли вы сказать, что обитательницы этих хижин в основном проститутки?

– Да.

– Тогда их должно быть тысячи!

– Да, даже несколько тысяч.

– И все они живут на средства от проституции?

– Да.

– А что является причиной процветания проституции?

– Часто девушки, прибывшие из деревни и не нашедшие в городе работу, становятся проститутками, ими же становятся и женщины, страдающие бесплодием, которых оставили мужья их, потому что они не родили им детей.

– А что делает женщину бесплодной?

– Чаще всего венерические заболевания, как утверждают врачи.

– Где же они заражаются?

– У своих мужей.

– А мужья?

– У проститутков.

– А затем жены их становятся проститутками и опять заражают других мужчин?

– Да.

– Следовательно, какой-то заколдованный круг.

– Да. Многие из посетителей – холостые мужчины, чаще всего студенты, которые не могут еще жениться, потому что учатся.

– Следовательно, они уже больны, еще до брака?

– Во всяком случае, многие из них. А у вас, в Германии, тоже есть проститутки?

– Да, конечно. И мы также еще не решили этой

проблемы. Только им приходится регистрироваться в полицейском участке, и их подвергают медицинскому осмотру.

Морис рассмеялся:

– Тогда здесь следовало бы построить пять новых больниц и принять на работу армию врачей, чтобы осматривать проституток.

– Боюсь, что да. Но и это не решило бы проблемы.

– Некоторые из этих женщин – вдовы, – сказал Морис. – Они отказываются быть второй или третьей женой своего деверя. Потому что, по нашим обычаям, дети принадлежат брату умершего мужа. Если же вдова выйдет замуж за другого мужчину, она теряет своих детей. Поэтому многие вдовы предпочитают зарабатывать на содержание своих детей проституцией.

– Ужасно, – сказал я.

– Да, но что же им делать?

– Я не знаю. – И в третий раз я сказал сегодня это слово.

Мы покинули эту часть города и опять возвратились на асфальтированную дорогу. По мере того, как мы приближались к центру, улучшалось и освещение улиц.

– Женаты ли вы? – спросил я только ради того, чтобы переменить тему разговора.

– Нет, еще нет.

– Сколько же вам лет, разрешите спросить?

– Тридцать четыре.

Тридцать четыре и еще не женат. С чем это сопряжено? Морис сам начал говорить:

– Я потерял своего отца, будучи еще маленьким ребенком. Мне необходимо было позаботиться о своей матери. Я не хотел, чтобы она превратилась в проститутку. Кроме того, мне хотелось закончить образование и найти хорошее место. Я управляю делами в одной строительной компании. Совсем нелегко найти девушку, на которой можно было бы жениться.

– Но почему же это трудно?

– Самое трудное дело – это знакомство. Я просто не знаю, где бы я мог встретиться с девушкой.

– Вы имеете в виду определенную девушку?

– Да, конечно.

– И что она говорит?

– Не имею представления. Я не спрашивал ее об этом.

– Почему же не спрашивали?

– Единственное место, где я могу ее встретить, – автобус. Я знаю, каким автобусом она едет, когда утром отправляется в школу. Я сажусь в этот же автобус, и тогда только мы можем поговорить с ней в течение нескольких минут.

– Сколько же ей лет?

– Я точно не знаю. Предполагаю, что не более шестнадцати.

Неужели возможно, чтобы этот приятной внешности, благородный, зрелый мужчина, занимающий ответственное место, бегал за школьницей! И

единственное место, где они могли встречаться, всего лишь автобус?

– Почему же вы нашли себе такую молоденькую девочку?

– Неужели вам кажется, что это плохо? Девушки постарше или испорчены, или уже замужем.

– Когда вам будет шестьдесят, вашей жене будет только сорок два.

– О таком далеком будущем я еще не думал.

Мы остановились у церкви.

– Я с нетерпением жду вашей лекции, – сказал он.

– И я.

Когда мы вошли в церковь, все скамейки были уже заняты. Мужчины сидели слева, женщины – справа. Почти незаметно несколько голов с любопытством повернулось в мою сторону, когда Морис проводил меня вперед. Даниил сидел на первой скамейке и движением руки пригласил меня занять место рядом с ним. Он подал мне песенник и указал псалом, который собирались петь. Слова я мог прочесть, но не понимал их значения. Мелодия показалась мне знакомой. Поэтому и я стал петь вместе с ними. Было как-то особенно приятно петь вместе людьми, к которым мне предстояло обратиться с речью.

Во время пения последнего куплета Даниил отложил песенник в сторону и попросил меня пройти вперед. Я поднялся по немногим ступень-

кам невысокой кафедры. Он последовал за мною и остановился рядом.

Я посмотрел на собравшихся: на передних скамейках сидели много пожилых людей. Младшее поколение, превосходя количеством, разместилось преимущественно на задних местах. Люди сидели, тесно прижавшись друг к другу, по обычаю африканцев. Головы их с густыми черными волосами напоминали мне плюшевый ковер. Никто не смотрел на меня. Я прошептал Даниилу те места Священного Писания, которые хотел прочесть. Для перевода он раскрыл свою Библию на родном языке, а я – свою английскую Библию. Затем я услышал свой голос, прозвучавший в тишине церкви.

2.

«В Библии существует одно предложение, высказывающее решающую истину о браке. Высказывание это трезвое, вещественное и столь неисследимой глубины, что недостаточно человеческой жизни для того, чтобы исчерпать его.

Библия мало говорит относительно брака, и это единственное высказывание о нем. Поразителен тот факт, что это предложение четырежды повторяется в Библии, и притом в весьма решающих местах.

Оно является выводом из повествования о сотворении мира во второй главе Библии (Быт. 2:24). В Новом Завете Иисус отвечает этим высказыванием на вопрос учеников о разводе (Мф. 19:5 и Мк. 10:7). Наконец, Апостол Павел пользуется этим высказыванием в послании к Ефесянам и относит его непосредственно к Церкви Христовой (Еф. 5:31-32). Поэтому в библейском мышлении о браке этому высказыванию принадлежит ключевая роль.

Мы не знаем имени того свидетеля Библии, который написал это предложение. Нам лишь приблизительно известно, когда он жил. Но несомненно одно, что было время, которое во многих отношениях было похоже на наше. Это время социальных переломов и общественных изменений...»

До сих пор Даниил переводил мою лекцию слово в слово, не задерживаясь. Слова он произносил легко, быстро и естественно. Это было своеобразное переживание, казалось, будто я слышу самого себя, говорящим на другом языке. Когда же я употребил выражения «социальные переломы» и «общественные изменения», возникла первая заминка и потребовалось больше времени для объяснения. Мне стало тяжело, что я воспользовался одним из тех выражений, которых должен был бы избегать. Поэтому я старался по возможности конкретнее описать времена царей Давида и Соломона:

«Открылись пути сообщения: Израиль встре-

тился с людьми из других народов и других культур. Через них он познакомился с другими жизненными обычаями и привычками. Не представлялись ли ему другие люди гораздо внушительнее со своими городами, кораблями и оружием? Не размышляли ли они гораздо прогрессивнее? Собственные обычаи Израиля, существовавшие столетиями, казались отжившими. Рассыпались колена. Возникла новая мораль. Это было волнующее время, время полнейшего смятения. Точно такое же, как наше.

Поэтому я полагаю, что библейское высказывание о браке послужит нам в ближайшие дни основой для наших бесед. Я прочту сейчас это высказывание из книги Бытие 2:24».

До сих пор я не вызывал никакой реакции у своих слушателей. Но после этих слов они начали раскрывать свои Библии, которые у многих лежали на коленях. Я подождал мгновение, а затем прочел: «Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут (два) одна плоть».

Когда я прочел это предложение, то снова понял, каким простым и ясным оно является.

«Это высказывание указывает на три вещи, – продолжал я, – которые весьма существенны для брака: оставить, прилепиться, быть одной плотью. Рассмотрим последовательно каждый аспект в отдельности.

Оставить. Прибытие невесты в деревню мужа

считалось прежде общественным событием. Даже некоторые европейские брачные обычаи указывают еще сегодня на это обстоятельство. В некоторых африканских племенах участники свадьбы иной раз пляшут на протяжении всего многокилометрового пути от деревни невесты до деревни жениха. Здесь нет никаких тайн. Всем известно, что отныне эти двое – муж и жена. Больше выбора не существует. Решение этих двоих вступить в брак требует отделения от родителей. И это публичное бракосочетание превращает брак в окончательный и законный акт.

В Европе этот законный акт ухода от родителей совершается посредством публичного оглашения и гражданского брака. И в Африке случается так все чаще и чаще. В той ли или иной форме, но решающим является осуществление публичного законного акта. Без бракосочетания нет брака.

«Потому оставит человек отца и мать свою». Упоминание отца и матери означает, что брак касается не только этих двух партнеров. Они ведь не находятся на необитаемом острове. Отец и мать представляют семью, которая, в свою очередь, является частью народа и государства. Поэтому брак не является частным делом. Не существует «тайных браков». Почти во всех культурах земли брак праздновался в качестве общественного праздника.

«Оставит отца и мать» – это слова, которые вызывают боль. Я не знаю, как это у вас, но у нас, в Европе, часто на свадьбе плачут».

В зале начали ревностно кивать головами, и прежде всего люди пожилые. Кто-то даже вполголоса сказал: «И здесь точно так же». А я продолжал:

«Когда начинают говорить о браке, мы невольно ожидаем услышать что-то радостное и прекрасное. Однако Библия весьма трезво рассматривает эту действительность. Она не говорит о поцелуях при лунном сиянии. Она не говорит ни о любви, ни о счастье. Она заявляет: «оставит»! Необходимо совершить ясное сечение. Точно так же, как и новорожденный не может развиваться в самостоятельную личность, доколе не отсечена пуповина, так и брак не может совершиться до тех пор, пока фактически не выполнится условие «оставит», пока не совершится несомненное отделение от собственной семьи. Чета только в этом случае в полном смысле окажется брачной четой; ей необходимо выполнить условие «оставит», и внешне и внутренне, и пространственно и духовно.

Это тяжело. Тяжело для обеих сторон. Тяжело как для детей, так и для родителей. Для родителей, может быть, гораздо тяжелее, нежели для детей.

Но именно в этом отношении, – продолжал я, – отец и мать несут ответственность за чету, отпустив ее, предоставив ей возможность создать что-то свое, новое. Там, где не выполняется это условие, где все еще существует «моя» и «твоя» семья вместо «нашей» семьи, там всегда объявляется война между браком и семьей. Там семьи начинают вмешиваться в брак».

В церкви водворилась тишина. Однако в этом молчании чувствовалось сопротивление.

Европейцам не менее тяжело выполнять условие «оставит», нежели африканцам. Одна из часто встречающихся проблем, с которыми обращаются к консультантам по семейным и супружеским делам, – это проблема тещи».

Смех. Оказывается, и здесь реагируют так же, как у нас, когда произносится слово «теща». Я не ожидал этого.

«В Европе чаще всего вмешивается в новую семью мать мужа. Она просто не в состоянии представить себе, что ее любимый сын будет обслужен этим юным созданием, на котором он женился, так, как это ему необходимо и как это может только она, мать. В состоянии ли она правильно приготовить его любимую пищу, выгладить его костюмы? Правда, в Европе нет теперь вена. Однако часто пользуются деньгами, чтобы держать молодую чету в зависимости, чтобы заставить ее разделить с родителями тот же дом или даже ту же квартиру.

Подлинно оставить, фактически отделиться и не только внешне, но и внутренне, – тяжело для всех. В этом отношении нет различий между европейцами и африканцами. Насколько мне известно, в Африке чаще мать супруги вмешивается в молодой брак. В случае семейной ссоры жена часто убегает к своей матери.

Один из моих африканских друзей утверждает,

что этот стих Библии не приемлем для Африки. По крайней мере, его следовало бы дополнить словами: «Так как наши жены убегают домой, к своим матерям», – сказал он. По его мнению, необходимо упомянуть о том, что не только муж должен оставить своего отца и свою мать, но и жена тоже.

Почему же случается, что африканские жены чаще других убегают домой? Ответ: потому что чаще всего только жена оставляет свою семью, тогда как муж остается у себя дома.

У писавшего этот стих автора Библии была та же действительность перед глазами. В Израиле само собой разумелось, что жена должна оставить свою семью и как новый член войти в семью мужа. Поэтому об этом даже не говорили.

Неслыханный, революционный элемент в этой библейской вести состоит в необходимости того, чтобы и муж оставил свою семью. Эта весть могла вызвать тогда преткновение для многих мужей, собственно, как и сегодня. Можно даже сказать, что в этом стихе заключается антипатриархальная заостренность».

Даниил вздрогнул при этом выражении. Однако ему удалось изложить его понятным образом. А я продолжал:

«Этот стих выражает и права жены. Она не просто входит в семью своего мужа, с ней следует обращаться как с равноправным членом. Им обоим надо прилепиться – не только жене к мужу, но и мужу к жене. Об этом сказано совершенно ясно.

Итак, мы приступаем ко второму существенному признаку брака – к необходимости «прилепиться».

Оставить и прилепиться – это два взаимосвязанных признака брака. Если слово «оставить» касается более общественно-правовой сферы, то слово «прилепиться» касается более личной сферы брака.

Обе сферы сопряжены друг с другом и обуславливают друг друга. Никто не сможет по-настоящему прилепиться, кто еще не оставил по-настоящему, и никто не сможет фактически оставить, кто не готов еще безусловно прилепиться.

Муж и жена «прилепляются» друг к другу, как два куска бумаги. Это значит, что они становятся нерасторжимыми. Кто попытается разделить их, тот просто разорвет оба куска бумаги. Развод ранит обоих – и мужа, и жену, а если имеются дети, то и детей».

В церкви водворилась мертвая тишина.

«Прилепиться» друг к другу чревато и другими последствиями. Это значит, что муж и жена ближе всех друг к другу. Брак важнее друзей, родственников, посетителей и гостей, важнее даже детей.

В молодых семьях часто наступают кризисы после рождения первого ребенка. Почему? Молодая жена совершает ошибку, более приближаясь к младенцу, нежели к мужу. Ребенок становится центром ее жизни, а муж тогда чувствует себя посторонним в своей же семье».

На мужской стороне стали одобрительно кивать головами, что свидетельствовало о том, что это им тоже здесь известно.

«Прилепиться» в этом смысле исключает третью личность. Так называемый «брак треугольником» никак нельзя сочетать с условием «прилепиться». Брак возможен только между двумя личностями. Муж может прилепиться только к своей жене, но никогда не к своим женам. Этот стих обладает не только антипатриархальной заостренностью. Он осуждает многоженство Давида и Соломона, потому что ясно свидетельствует: «И прилепится к жене своей».

Сегодня это острие поражает не только многоженство (одна возле другой) африканского общества, но и многоженство (одна после другой) Запада. Большое число разводов в Европе и в Америке означает, что у человека не несколько жен одновременно, но несколько жен, сменяющих одна другую.

Вместо слова «прилепиться» нам приятнее было бы услышать слово «любовь». Интересно, что Библия не пользуется в данном случае словом «любовь».

Прилепиться – это любовь, но любовь особого рода. Это та любовь, которая не ищет. Эта любовь приняла решение. Любовь, которая способна «прилепиться», – это зрелая любовь, решившаяся на безусловную верность, способная разделить и тягости, и радости с супругом.

Итак, мы подошли к третьему существующему признаку брака: «одна плоть».

Я вспомнил беседу с Даниилом по пути в гостиницу, которая касалась реакции пожилых людей на эту тему. Поэтому я старался не пользоваться словом «секс».

«Телесная сфера столь же существенна для брака, как и общественно-правовая и личная сферы. После условий «оставить» и «прилепиться» следует условие «быть одной плотью», так брак должен отличаться и телесным общением.

Я знаю, что для многих неприятно говорить об этой стороне брака. Полагают, что это что-то неприличное, даже грязное, во всяком случае, что-то такое, у чего нет ничего общего с Богом. Тому, кто так думает, я хотел бы задать тот же вопрос, который Апостол Павел задает Коринфской церкви: «Разве не знаете, что вы храм Божий и Дух Божий живет в вас?» (1 Кор. 3:16). Поэтому и нам следует рассуждать о телесной сфере. Где же еще говорить о ней свободно и с благоговением, как не в церкви?»

Воцарилось молчание, и я чувствовал, что для многих эти мысли совершенно новые.

«Вы говорите, что это возможно только в Европе, но не в Африке. Вы говорите, что касаться даже словом телесной сферы несовместимо с нашими африканскими традициями. Эти слова у нас абсолютное табу.

Все это весьма своеобразно и характерно. Когда

я говорю родителям в Африке, что они должны разъяснить своим детям эту сторону жизни, они говорят мне: «Может быть, у вас, в Европе, это возможно. Родителям-европейцам представляется это естественным. Для нас же, африканцев, это совершенно невозможно». Когда же мне приходится беседовать с родителями в Европе, они заявляют: «Вы прожили слишком долгое время в Африке. Этим народам, конечно, все это легче. А у нас так много всевозможных затруднений морального порядка».

Насколько я знаю, в этой области царит охватывающее весь мир смущение. Традиции многих племен вне Европы считают телесную сферу столь священной, столь близкой к Богу, что даже не решаются касаться ее, а вот многие христиане считают ее столь порочной и далекой от Бога, что стыдятся говорить об этом.

Вопреки тому и другому отношению следует обратить внимание на положение Библии. Она утверждает, что в телесном общении Бог столь же близок к супругам, как и в бракосочетании, и в верности. Поэтому нам не следует замалчивать этот вопрос.

Выражение «плоть» охватывает гораздо больше, нежели только телесную сферу. Оно означает, что два человека делят друг с другом буквально все – не только тело и имущество, но разделяют мысли и чувства, радости и страдания, надежды и опасения, удачи и неудачи. Быть одной плотью –

значит быть одним, всецело одним – и в то же время оставаться двумя.

Да, это тайна брака. Ее нельзя понять, но ее можно узнать. Я увидел однажды, как ее представили весьма своеобразным способом».

Я вынул из портфеля две головки, вырезанные из дерева, – мужскую и женскую, которые соединены были друг с другом деревянной цепью, высоко поднял их обеими руками, заявив:

«Вот символ брака, который дарят в Либерии брачащейся чете в день свадьбы в воспоминание об их брачном обещании. Посмотрите внимательно, и вы увидите, что нигде нет стыка, что их нельзя разделить. Это произведение искусства вырезано из одного куска дерева и свидетельствует нам о том, что то, что сочетал Бог, нельзя разъединить».

Я нигде прежде не видел, чтобы самую сокровенную тайну брака можно было изобразить ярче и нагляднее: эти двое составляют одно, «одну плоть», как будто вырезанную из одного куска дерева, и все же остаются двумя личностями».

У Даниила появились трудности с переводом слова «личность». В то время, как он все еще пытался точнее перевести это слово, я спустился с кафедры и предложил посмотреть резьбу тем, которые сидели на передних скамьях. Удивляясь, они передавали ее из ряда в ряд. Я же подошел к большой доске, которую Даниил велел повесить в стороне от алтаря, взял кусок мела и сказал:

«Три существующих признака брака – оставить,

прилепиться, быть одной плотью – неотделимы друг от друга. Они обуславливают друг друга.

Только те, кто учитывает все последствия «оставить», только те, кто отвечает требованиям исключительности «прилепиться» друг ко другу, могут в полном смысле слова быть «одной плотью».

Три существующих признака брака сочетаются друг с другом, как три угла треугольника».

Я повернулся к доске и нарисовал большой треугольник.

«В верхнем углу, – продолжал я, – можем написать слово «бракосочетание». В левом углу можем написать слово «любовь» или «верность». А вот правый угол мы можем просто обозначить словом «секс» (пол), если под этим словом мы подразумеваем гораздо большее, нежели только половое соединение».

Это был первый раз, когда я решился произнести слово «секс». Однако атмосфера теперь была столь откровенной, что я никого не шокировал этим словом. Указав на три брачных точки, я сказал:

«Кто хочет состоять в браке, заслуживающем этого названия, должен постоянно держать в поле своего зрения эти три вещи, совмещать эти три сферы. Это их ежедневная задача.

Но теперь мне необходимо обратить ваше внимание еще на один важный факт. Кто может сказать, как заканчивается этот стих Библии?»

Они опять раскрыли свои Библии и немедленно

протянули руки вверх. «Словами: «одной плотью», — ответил пожилой мужчина.

«Не совсем точно», — сказал я.

Водворилось длительное молчание. Наконец, один молодой человек сказал: «Точкой».

Многие рассмеялись, а я принял ответ, вернулся на кафедру и еще раз прочел этот стих из Библии: «Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут два одна плоть». Точка. В этом ключевом слове о браке, которое четырежды цитируется в Библии, нет ни одного слова о детях!»

Воздействие этого утверждения на моих слушателей было весьма показательным. Они обеспокоились, кивали головами, начали переговариваться друг с другом. Некоторые шевелили только губами, выражая таким образом свое крайнее неодобрение.

«Прошу вас, разрешите мне объяснить вам!» — воскликнул я, вмешиваясь в охватившее всех возбуждение. При этом я бросил взгляд в сторону Даниила. О чем он думал? Лицо его выражало полное удовлетворение. Активное участие его церкви, казалось, доставляло ему радость. Я опять начал:

«Не поймите меня превратно! Дети являются благословением Божиим. Библия постоянно заявляет об этом. Однако дети составляют лишь дополнительное благословение. Брак по существу является благословением и без детей. Он может проявлять себя в деторождении, но это обяза-

тельно. Поэтому нельзя утверждать, что, скажем, данная чета не благословенна, потому что у нее нет детей.

Библия не упоминает детей, когда говорит о существенных признаках брака. «Оставить», «прилепиться», «быть одной плотью» – превращают брак в полноценный. Больше не требуется. Не дети превращают брак в брак. И бездетный брак является браком в полном смысле этого слова. Поэтому и бесплодие не является причиной для развода. Никто не может сказать: «Эта женщина не подарила мне детей, следовательно, я фактически не состою с ней в браке». А потому муж не имеет права прогнать ее и вынудить стать проституткой».

Даниил произнес последнее предложение особенно настоятельно. Отсюда я заключил, что бесплодие является частым поводом для разводов в этой стране. Поэтому мне показалось целесообразным противопоставить библейскую точку зрения, библейский образ брака, противоположному понятию, чтобы доходчивее объяснить значение и важность этого вопроса.

Мое время подходило к концу, и я тихо осведомился у Даниила, могу ли я еще минут десять побеседовать. Он ответил: «Они слушают тебя. Поэтому можешь говорить столько, сколько хочешь».

«Существует еще другая точка зрения и другое представление о браке. Оно противоречит библейскому образу во всех аспектах и несовместимо с

ним. Я хотел бы назвать его образом брака «Сад». Образ этот широко распространен. Я сталкивался с ним в разных частях света. Разрешите описать вам понимание этого образа в Китае.

Образ брака «Сад» рассматривает мужчину в качестве сеятеля, а женщину – в качестве поля или сада. Мужчина сеет свое семя в женщину. Тело женщины питает это семя. Подобно тому, как колос вырастает из стебля, так дитя появляется из семени мужчины. Поэтому дитя является потомством мужчины. Оно продолжает его жизнь.

Подобное представление покоится, конечно, на превратно толкуемой биологии. Однако подобный взгляд приводит к неправильному пониманию этого вопроса с вытекающими из этого непредвиденными последствиями. Кратко перечислю их:

Прежде всего: мужчины важнее женщин. Носитель семени имеет большее значение, нежели почва, сад. Почва обладает только вспомогательной функцией, является только средством для достижения цели. По своей природе у женщины подчиненное значение. Она является существом второго сорта. Ничто не объясняет так хорошо дискриминацию женщины, как представление о женщине-почве, с которым мы встречаемся не только в Азии, но и в Америке, и в Европе. Встречаются ли они и в Африке – судите сами.

Во-вторых: сыновья важнее дочерей. Посредством сына отец продолжает свою жизнь. Дочери являются только перелетными птицами. Только

сыновья гарантируют существование родословной. Отсюда и стремление почитать предков. Предок, у которого в семье нет сыновей, подобен дереву без корней. Он лишен всякого уважения в царстве мертвых, он увядает и, лишившись мира, блуждает по нему».

Слушатели пришли в движение. Это свидетельствовало о том, что они сильно возбуждены, хотя я говорил им о китайском понимании брака, а не об африканском.

«В-третьих: у сеятеля имеется почва, в которую он сеет. Отношения между мужем и женой похожи на отношение хозяина к своему имуществу. Поэтому обязанность женщины – повиноваться: дочери – отцу, жене – мужу, вдове – сыну. У мужчины право выбирать сад. Масштабом в данном случае является возможная плодовитость.

В-четвертых: бесплодный сад бесценен. В пределах образа брака «Сад» только дети являются единственным смыслом брака, если даже не всей жизни. Бездетный брак бессмыслен и лишен цели, как пустырь. Главная функция женщины – материнство. Если она не выполняет ее, она не достигает своего назначения.

В-пятых: если сад не приносит плодов, то существуют две возможности исправить положение. Или же сад возвращают его прежнему владельцу, требуя возврата отданной за него платы, что означает – развод, или же к одному саду присовокупляют другие сады, что означает – многоженство.

В-шестых: я только что упомянул о вене. Этот обычай сопряжен с образом брака «Сад». В действительности вено не является ценой сада, а каким-то предварительным денежным взносом за плоды, которые должен принести этот сад. Поэтому оно иногда полностью уплачивается только после рождения первого ребенка и чаще всего в том случае, когда этим ребенком является сын. А вдова теряет своих детей, если выходит замуж вне семьи умершего мужа. Ведь его семья уплатила за ее детей. Поэтому они не принадлежат овдовевшей матери. В пределах этих представлений вдова является достойным сожаления созданием – имуществом, у которого нет хозяина.

В-седьмых: образ брака «Сад» объясняет также, почему женщина достойна большего порицания за прелюбодеяние, нежели мужчина. Оба супруга объявляются виновными, когда разрушается брак, но из разных соображений. Прелюбодей сеет в чужой сад и причиняет зло только владельцу его, которое он может возместить ему определенной платой. Но собственной жены это будто не касается, и собственного брака прелюбодей якобы не нарушает.

Иначе обстоит дело с прелюбодейкой. Она причиняет своему мужу величайшее зло, которое себе можно представить в сфере такого брака: она соглашается на чужой посев в саду сеятеля-мужа, ставя под угрозу воспроизведение его жизни, а потому ставит под вопрос и смысл его жизни. Пре-

любодейка нарушает собственный брак. Вина ее несравненно значительнее. Отсюда следует, что образ брака «Сад» порождает двойную мораль.

Наконец: безбрачным вообще не предоставляется никакого места в образе брака «Сад». Не состоящая в браке девушка представляется садом, который может плодоносить, который, однако, не отдан в распоряжение сеятелю. Такое положение едва ли можно представить себе. А холостяк вообще представляется невообразимым. Он подобен сеятелю, у которого имеется семя, но он, однако, не обеспечил себе владения садом, в который он мог бы сеять. Это явный абсурд!»

Громкий хохот среди слушателей. Морис, который привез меня в церковь, сиял всем лицом, тогда как друзья его хлопали по плечам.

«Библейское понимание брака противоречит каждой черте представления о браке «Сад».

Прежде всего Библия правильно представляет извращенное людьми понимание биологии воспроизведения, которое положено в основу образа брака «Сад»: не от мужского семени рождается ребенок, а оттого, что муж и жена стали «одной плотью», а потому они оба равноценны в вопросе возникновения жизни.

Преодолены как патриархальное мышление, так и дискриминация женщины. Так как обоим им надлежит «оставить», а затем «прилепиться» друг к другу и, наконец, превратиться в «одну плоть», то и дети принадлежат им обоим. Итак, жена стано-

вится равноценным партнером своего мужа. Она является человеком, личностью.

Бесплодие не является более основанием для развода, а также оправданием многобрачия. Изменяются и масштабы выбора партнеров. Девушку избирают ради нее самой, а не ради ее детей. Прелюбодеяние в равной мере обвиняет обоих партнеров. Двойная мораль лишена почвы.

Безбрачные, как и бездетные супружества, приобретают новое достоинство.

Итак, является ли твоя жена для тебя садом или же партнером, ради которого ты оставляешь своих родителей, к которому ты прилепляешься и с которым становишься одной плотью?»

Я остановился. Водворилось полнейшее молчание. Многие изучали нарисованный треугольник: в глазах их я прочел какой-то важный вопрос. Я решил опередить их:

«Один вопрос остается еще открытым: где место ребенка в нашем треугольнике? Может быть, кто-то ответит на этот вопрос?»

Множество рук поднялось вверх. Я предложил слово женщине лет тридцати, у которой на руках был ребенок. Она молча встала и подошла к доске. Затем она без промедления показала на центр треугольника.

Многие слушатели живо согласились с ней. А я добавил: «Итак, ребенок окружен любовью и верностью родителей. Он под защитой и покровом законности брачного союза. Это та атмосфера, в

которой он знакомится с жизнью и созревает для собственного брака».

Собравшиеся исполнили заключительный гимн. Я опять занял свое место на первой скамье рядом с Даниилом.

– Слишком затянул, не правда ли? – прошептал я.

– У меня нет такого впечатления. Все ведь внимательно слушали.

– Однако к концу они так притихли.

– Ты еще не знаешь наших людей. Если они захвачены, они реагируют молчанием. И чем глубже, тем больше. Американцы, наверное, выразили бы свое одобрение рукоплесканием. А наши люди становятся все тише и тише.

Я вспомнил, что Даниил получил образование в Америке.

Он подал мне знак. Поэтому во время последнего куплета я последовал за ним к выходу.

Люди не торопились, не толпились. Каждый поочередно приветствовал меня обеими руками, по своему обычаю. Они слегка кланялись, тихо произнося слова приветствия. Мне, по крайней мере, следовало бы запомнить слова приветствия, думал я.

Мириам последней приветствовала меня.

– Могу ли я представить вам своего жениха? Это Тимоти.

Молодой человек в солдатской форме подошел

и подал мне руку. Он был почти совсем черным, не выше Мириам, но силен и хорошо сложен.

– Большое спасибо за вашу лекцию. Мне очень хотелось бы поговорить с вами.

– Мне тоже. Я думаю, что Морис отвезет меня обратно в гостиницу. Может, поедем вместе?

Вместе с Мириам и Тимоти мы подошли к автомобилю Мориса.

– Я все хорошо поняла, что вы сказали мне, – сказала Мириам. – Я думаю, что наши трудности связаны с третьим углом треугольника – с углом «прилепления». Я не знаю еще, достаточно ли прочно мы уже прилепились друг ко другу, чтобы действительно «оставить».

– Хорошо, – сказал я, – я подробно поговорю об этом с Тимоти. – Она, казалось, была удовлетворена.

Тимоти взобрался на заднее сидение, а я занял место рядом с Морисом. Но мы не могли тронуться. Группа молодых людей преградила нам путь. Один из них с моей стороны стучал в окно. Я опустил стекло.

– Неужели вы прибыли сюда, чтобы разрушить нашу африканскую культуру? – Голос его звучал взволнованно. Другие окружили его.

– Вы разрушаете наши африканские семьи, – вызывающе воскликнул другой.

– Я разрушаю ваши семьи?

– Утверждать, что необходимо оставить отца и мать, – это противоречит нашим традициям. Наши

обычаи повелевают нам почитать своих родителей, а не оставлять их. Кроме того, мы обязаны жить не маленькими семьями, а большими.

– Я считаю это весьма ценной традицией, – возразил я. – Европейцам следовало бы многому научиться у африканцев в деле почтения и уважения старшего поколения, а также в деле сильно выраженного семейного чувства. Я сам из последних, кто хотел бы разрушить все это.

Собиралось все больше и больше народу, люди толпились вокруг автомобиля.

– Мы не верим вам. Почему вы требуете, чтобы мы покинули своих родителей?

– Я сказал: вы должны оставить их. Это разница. Оставить – не значит бросить. Совсем напротив.

– Понимаете ли вы это? – обратился мой собеседник к окружающим его. – Для меня все это слишком высоко.

Я попытался объяснить:

– Прежде всего брачащиеся должны получить возможность оставить своих родителей и основать свой дом, и только тогда они уже могут быть помощью семьям мужа и жены. Ребенок только в том случае может понести ответственность за свою мать, если он получит возможность освободиться от нее и внешне, и внутренне. Точно так же и молодая чета только в том случае способна нести ответственность за родителей и позаботиться об их старости, если она оставит их и освободится от прежних связей.

Меня слушали молча и враждебно.

– Потому что необходимость «оставить», – продолжал я, – создает условия для свободного развития любви между родителями и детьми, в которых любовь нуждается, чтобы жить. Став супружеской четой, молодые начинают лучше понимать своих родителей. Формируясь другим образом, они все-таки возвращаются к родителям обратно.

– Чета, чета! – повторяли в толпе. – А большая родовая семья?

– Она способна существовать только в том случае, если живут в мире и согласии малые семьи. Малая семья должна быть независимой и в хозяйственном отношении, чтобы большая семья не могла эксплуатировать ее. Малые семьи не являются паразитами, наоборот, они являются опорой рода.

Однако мои противники не хотели сдаваться:

– Это европейское понимание брака. Вы пренебрегаете достоинствами нашей культуры, – воскликнул кто-то в толпе.

– Дорогой друг, – сказал я по возможности спокойнее, – я прибыл сюда не для того, чтобы предлагать вам европейский идеал брака. Такого, собственно, не существует. Я предлагаю вам библейский образ брака. А такой образ существует. Этот образ предъявляет свои требования ко всем культурам. Оставить своих родителей нам, европейцам, так же горько, как и вам.

– Вы только хотите подчинить нас Западу и погубить нашу культуру, – настаивал он.

– Послушайте, – ответил я, – я проехал через ваши кварталы, где живут проститутки. Вот это влияние Запада, это пренебрежение ценностями вашей культуры. Таким образом вы сами губите свою культуру.

В ответ некоторые рассмеялись. У многих же заметно было осуждение. Иные задумались. Я попросил Мориса тронуться в путь. Он медленно пробирался через собравшуюся толпу.

Кто-то, однако, крикнул вслед: «Мы еще поговорим об этом завтра!»

Мы ехали некоторое время молча. Затем, подмигнув, я спросил Мориса:

– Как же живет сеятелю без сада?

– Он размышляет, – сказал он. – А ведь вы правду сказали о вдовах – они собственность без хозяина. Поэтому я всегда понимал, что моя задача – позаботиться о своей овдовевшей матери. У меня до сих пор не было настоящей возможности «оставить», а потому я не в состоянии был совершить следующий шаг – «прилепиться».

– И у вас не было отца, который мог бы купить вам сад?

– Нет, я вынужден был работать, чтобы платить за учебу и одновременно заботиться о своей матери. Я убежден в том, что я обязан и дальше заботиться о ней. Если вы говорите, что основным условием брака является необходимость оставить мать, то я опасюсь, что никогда не женюсь.

– Но вы ведь слышали, что оставить не значит бросить.

– Да, но как мне практически это осуществить? Если я женюсь, я вынужден буду взять и мать свою в свой новый дом. А как мне оставить ее и в то же время жить с ней под одним кровом?

– Это что-то другое. Если вы останетесь у матери и если ваша жена вынуждена будет жить вместе с вашей матерью, тогда совершенно очевидно, что не избежать трудностей. Если же вы переселитесь и положите основание вашему собственному дому, тогда вы практически «оставите» свою мать. Когда же окажется, что все-таки необходимо предоставить убежище матери в вашем новом доме, тогда опасность трений окажется существенно меньшей. С родителями мужа или жены приблизительно то же, что и с укрощением львов. Когда львы в клетке, тогда очень опасно входить в эту клетку. Когда же укротитель львов приходит первым в клетку, тогда львы не причиняют ему зла.

Морис остановил свой автомобиль перед моей гостиницей.

– Итак, все, что мне нужно, – это девушка, – сказал Морис, когда мы высаживались с Тимоти.

– Я думаю, что у вас уже есть одна.

– Вы имеете в виду ту, в автобусе? Я не знаю. После вашей лекции у меня появились серьезные сомнения, она ли именно та, которая составит со мною «одну плоть», как вы это объяснили.

– Если вы лет на восемнадцать старше ее, тогда

вы ей в отцы годитесь, и у вас будет искушение обращаться с ней, как с дочерью. В лучшем случае у вас окажется послушный сад, но не партнер.

Морис рассмеялся:

– Как раз на этом основании африканцы так охотно женятся на молодых девушках. Они ведь хотят иметь послушные сады. Мне же труднее всего то, что я совсем не знаю: как заговорить с девушкой, как обращаться с ней.

– Об этом мы завтра поговорим. Вы ведь опять приедете за мною?

– Конечно, охотно.

– Тогда, привезите с собой и вашу мать.

– Мою мать? Но зачем же? Ей уже свыше шестидесяти. Не думаю, чтобы она очень интересовалась любовью и сексом.

– И все же привезите.

Он уехал, а я вместе с Тимоти отправился в свою комнату. Он сел в кресло, а я на диван, напротив него. Мы посмотрели друг на друга.

– Мириам говорила со мной сегодня после обеда в аэропорту, – сказал я.

– Да, я знаю. Не правда ли, она красивая девушка?

– Конечно, и даже очень красивая.

– Как вы думаете, правильно ли будет, если я женюсь на ней?

– Уверены ли вы, что Мириам выйдет за вас замуж?

– Как раз в этом-то и проблема. Я знаю, что она сомневается, соответствуем ли мы друг другу.

– Да, она писала мне об этом. Сказала она вам, почему она медлит?

– Нет, мы мало говорим друг с другом. Но я могу представить себе, почему. Я на полтора сантиметра ниже ее, и у меня кожа темнее.

– Разве это недостаток, если человек темнее?

– Да, у нас ведь считают того более красивым, у кого кожа светлее.

– Мириам об этом ничего не писала мне.

– На какие же причины она ссылалась?

– Мне было бы приятнее, если бы она сама о них сказала вам.

– У нас нет возможности поговорить о них. Я уверен, что она даже хотела, чтобы вы мне сообщили об этом. Поэтому она и устроила эту беседу.

– Я знаю. Однако гораздо ценнее было бы, если бы она сама сказала вам об этом.

– Почему?

– Таким образом вы постигли бы, что так необходимо для брака, а именно: говорить друг с другом, обмениваться мнениями.

Он замолчал.

– Сколько же вам лет?

– Двадцать четыре.

– А знаете ли, сколько лет Мириам?

– Нет, она не говорила мне этого.

– Сколько же она зарабатывает?

– Я никогда не спрашивал ее об этом?

– Я предполагаю, что вы оставили школу после восьмого класса. Затем вас призвали в армию?

– Да.

– Какие же у вас планы на будущее?

– Что вы подразумеваете под планами?

– Но ведь у каждого имеются планы, надежды на будущее. К чему вы стремитесь?

– Особенно у меня ничего нет. Через несколько лет я буду унтер-офицером. Я даже не знаю, что вам еще сказать.

– Вот видите, Тимоти, Мириам имеет среднее образование. Она зарабатывает приблизительно на треть больше вас, она и на один год старше вас.

– Неужели? – сказал он, задумавшись. Затем спросил: – Неужели все это препятствия для брака?

– В нормальном случае нет. Я мог бы представить себе более значительные препятствия. Разные религиозные убеждения, например, принадлежность к разным культурам, противоположные интересы и несочетаемые этические масштабы.

– Но все-таки вы думаете, что наш брак мог бы состояться?

– Он может состояться, но не сам собою. Все зависит от того, насколько вы любите друг друга.

– Но я ведь люблю ее, – сказал Тимоти живо. – Я до безумия влюблен в нее. Я даже не знаю, что я буду делать, если не получу ее.

– Самоубийство?

– Я однажды сказал ей об этом.

– Как мне кажется, вы совершили тогда самую большую ошибку. Вы говорите такие вещи, что я начинаю сомневаться, действительно ли вы любите Мириам.

– Почему?

– Потому что вы попытались принудить ее угрозой. Но это не любовь. Любовь никогда не принуждает. Настоящая любовь предоставляет партнеру полнейшую свободу, даже свободу сказать «нет». Если Мириам выйдет за вас замуж только для того, чтобы вы не совершили самоубийства, тогда она поступит так из страха или сострадания, но не по любви.

– Но как же мне заслужить ее любовь? Могу ли я сделать что-нибудь для этого?

– Только одно: убедить ее в своей любви.

– Но как?

– Во всяком случае, не угрозами. Скорее упорным трудом.

– Упорным трудом? – Тимоти несколько испугался.

– Каким же таким трудом?

– Работой над самим собой.

Он в затруднении посмотрел на меня.

– Видите ли, Тимоти, Мириам несколько старше вас, но это мало беспокоит меня. И то, что она дольше вас посещала школу, тоже нет. Меня беспокоит то, что у вас почти совсем нет честолюбия, что у вас нет никакой цели. А мне кажется, что у Мириам впереди еще большие цели. У нее инте-

ресная работа, она бодрствует духовно, она думает и планирует. Я уверен, что в будущем ей хочется еще чего-то достичь в жизни. Вы сказали мне, что вы, весьма возможно, получите звание унтерофицера, но, может быть, и не получите. Вот что заставляет меня думать, что у вас нет честолюбия. Если вы останетесь таким, какой вы сейчас, и женитесь на Мириам, тогда это будет очень трудный брак.

– Но ведь я не могу изменить цвета своей кожи, да и роста своего, и возраста тоже.

– Правильно. Но работайте над достижением своих целей. Измените то, что вы в состоянии изменить, – и тогда у вас будет достаточно дела. Я уверен, что ничто так не убедит Мириам в вашей любви, как то, что вы начнете работать над собой.

Тимоти, задумавшись, глядел перед собой. На этом я решил прервать беседу. У него и так было предостаточно материала для размышлений.

Он выглядел печальным, когда уходил. Бесспорно, он не ожидал такого исхода нашей беседы. Я оглядел комнату. Чемодан мой был еще не распакован. Но я слишком устал за день. Мне хотелось прилечь на несколько минут.

От усталости у меня кружилась голова, я был не в состоянии собраться с мыслями. Отправление из Европы вчера вечером во время снежной бури, затем полет, ожидание связи, дальнейший полет и, наконец, беседа с африканским юношей, который ниже на полтора сантиметра своей подруги. Мне

казалось, что все это кошмарный сон. Я видел людей в церкви, видел Мориса и Даниила. Я даже уснул бы в одежде, если бы меня не разбудил звонок телефона.

– Я та девушка, которая звонила вам уже сегодня после обеда.

Я тотчас же пришел в себя:

– Хорошо, что вы опять позвонили. Я забыл спросить, как вас зовут и номер вашего телефона.

– Я и так не сообщила бы его вам. Ни в коем случае я не хочу, чтобы мой муж узнал, что я о чем-то беседовала с вами.

– Я понимаю. Откуда же вы звоните?

– Из дому. Мой муж только что пошел пить пиво. Когда он вернется, я тотчас же прерву разговор.

Пауза.

– Я была сегодня вечером на вашей лекции.

– Я думал, что вы были на занятиях.

– Я прогуляла два урока, но все же успела вернуться до конца занятий. Таким образом, мой муж не заметил, что я была в церкви.

– И что же?

– Было очень интересно. Только с вашим треугольником я никогда не смогу согласиться. Он мне просто не нравится.

– Но почему же?

– У него слишком много углов, он острый. Колется.

– Так могла бы выразиться и моя жена.

– Все это типично по-мужски. Так только муж-

чина представляет себе брак – одни прямые линии, прямые углы, каждая часть точь-в-точь соответствует другой. Все это весьма неприятно. Для меня лично это совсем непривлекательно.

– Большое спасибо.

– Когда я думаю о браке, мне представляется всегда что-то круглое, мягкое, податливое, что можно погладить, чему можно придать определенную форму, теплое одеяло или защищающая накидка.

– Может быть, мне следовало бы лучше нарисовать круг с тремя секторами?

– У меня несколько лучше идея. Когда я увидела треугольник, который вы нарисовали на доске, я подумала, что он выглядит в профиле, как шатер.

– Шатер?

– Да, шатер. В шатре должно быть, по крайней мере, три стержня, иначе он не будет стоять. Когда он стоит, в него можно войти и укрыться во время бури. Так приятно в шатре, когда идет дождь. Вот такие чувства я испытываю, когда думаю о браке.

Шатер! Но мне никогда в голову не приходила такая мысль.

– Чувствуете ли вы себя в таком укрытии в своем доме?

– Нет, вот именно нет. Мой шатер неполноценный. Верхнего угла, который вы назвали словом «оставить», у меня еще нет. Еще нет публичного акта бракосочетания.

– Но если нет верхушки, тогда дождь льет на головы?

– Да, и даже сильный дождь. Действительно, не очень уютно в нем.

Теперь она уже не могла более скрывать своего отчаяния:

– Видите ли, я оставила своих родителей, но, несмотря на это, я все-таки не вышла официально и по закону замуж. Почему же мой муж не хочет жениться на мне?!

– Я этого не знаю. Я сказал вам уже, что нужно было бы поговорить с ним. Может быть, он не хочет жениться, зная, что вы не можете вернуться домой.

– Однако, по крайней мере, он не обращается со мною, как с садом.

– Уверены ли вы в этом?

– Конечно, в противном случае у меня были бы дети.

– Может быть, он хочет иметь не плодоносящий сад, а своего рода цветник, где мог бы проводить досужее и свободное от работы время?

– Но он не покупал меня. Он не уплатил вена за меня.

– Но ведь он платит за ваше обучение, не так ли?

– Вы думаете, что это своего рода вено, чтобы поставить меня в зависимость?

– Я не стану утверждать этого, пока не поговорю с ним.

– Но я люблю его. И он тоже любит меня. В противном случае он не платил бы за мое обучение.

– Так почему же он не хочет жениться?

Опять рыдания.

– Скажите мне, можете ли вы сообщить мне свой номер телефона, чтобы я мог позвонить вам.

– Ни в коем случае. Он уже идет.

Она быстро положила трубку.

Шатер. Это, должно быть, необычайная девушка. Шатер. Брак – это шатер. Я взял в руки Библию, а затем по симфонии нашел слово «шатер». Имелось более ста мест. Я выбрал место из Иеремии, 10:20.

«Шатер мой опустошен, и все веревки мои порваны; дети мои ушли от меня, и нет их: некому уже раскинуть шатра моего и развесить ковров моих».

Это ее стих, подумал я.

Затем я лег в постель. Когда я одевался ко сну, на пол упала записка с почерком моей жены.

«Шатер мой, – подумал я, – шатер мой». – Затем я уснул.

3.

На следующее утро сразу же после завтрака явился Даниил. Он уже слышал отзывы на мою лекцию и сообщил мне о них.

– Знаешь ли, чем я более всего доволен? У нас

есть бездетные супружества в церкви. Они очень страдают. Но они не помышляют о разводе. После лекции я кратко беседовал с ними. Они испытывали такое огромное утешение от сознания того, что брак их полноценен и без детей.

– Это значит, что и у вас живуч образ брака «Сад»?

– Конечно. Все то, что ты сказал о браке «Сад», точь-в-точь соответствует тому, во что верят наши люди. Они твердо убеждены, что ребенок растет из семени мужчины. Это типично африканский образ мышления. Честно говоря, я и сам был весьма удивлен, что такие представления можно встретить и в других культурах. Существует ли образ брака «Сад» и в Германии?

– Я убежден в этом, – сказал я. – Чем больше я узнаю об Африке, тем более я начинаю понимать собственные принципы жизни. Крестьяне часто устраивают свадьбу тогда, когда ребенок уже в пути. И двойная мораль у нас тоже существует. Даже чувство легкого сожаления, если новорожденный ребенок – девочка, ощущается более или менее сознательно. И дискриминация женщин тоже не совсем преодолена. Незамужние девушки очень страдают от этого. Им трудно и даже опасно отправляться самостоятельно в отпуск, одиноко занять место в ресторане и выйти ночью в город без спутника. В Европе все еще обращаются с женщиной, как с существом второго сорта. Знаешь, Даниил, я почти пришел к выводу, что по сути дела существ-

вуют только два понимания брака во всем мире: образ брака «Сад» и библейский образ с его тремя решающими пунктами. Конечно, существуют всевозможные варианты.

Через некоторое время Даниил сказал:

– Необходимость «оставить» является величайшей проблемой здесь, в нашем городе. Наши браки страдают неспособностью «оставить». Дети оставляют своих родителей без их согласия или вообще не оставляют их. В обоих случаях молодые браки оказываются в затруднении. Очень трудно объяснить им взаимосвязь семьи и рода.

– согласишься ли ты с моим утверждением, что большая родовая семья возможна только в том случае, если здорова малая семья?

– Абсолютно. Только наши люди никак не могут понять того, как можно «оставить» и все же состоять в связи друг с другом или как можно испытывать определенные взаимосвязи, в то же время выполняя условие «оставить».

Я думаю, что этого вообще нельзя объяснить. Это парадокс. Лучше всего я могу уяснить себе сказанное, размышляя о событиях Рождества. В песне священника Отто Ритмюллера сказано: «Слово снизошло от Отца, и все же Оно вечно дома». Вот тебе и парадокс.

– Хорошо, но объясни все это нашим людям. Только в своем объяснении не употребляй слова «парадокс». Я не знаю, как перевести его.

Мы замолчали. Затем Даниил сказал: «Лично

меня более всего поразило, что муж и жена теснее всех остальных и всего остального соединены друг с другом. Мне, например, очень трудно найти равновесие между моей работой пастора и моим браком. У меня недостаточно времени для моей жены: на первом месте – работа, а уже на втором – жена. Она права, когда жалуется, что я несвоевременно прихожу обедать. И даже во время обеда я встаю порою раза три-четыре, чтобы принять посетителя или ответить по телефону.

– Я не совсем уверен, шутила ли Эстер вчера после обеда в автомобиле или говорила весьма серьезно?

– Она говорила весьма серьезно, Вальтер, она права. Очень тяжело состоять со мною в браке. С другой стороны, я совсем не знаю, как я мог бы что-то изменить. Но то, что ты сказал о соучастии, тронуло меня. Мы не обмениваемся мнениями. У нас нет для этого времени.

Когда он еще говорил, снова раздался звонок. Я взял трубку. Это опять была та девушка. Я сразу же узнал ее голос.

– Откуда вы звоните сейчас? – спросил я.

– Из школы. У нас перерыв.

– Говорили ли вы с вашим мужем?

– О чем?

– Чтобы он посетил меня.

– Нет.

– Вчера вечером я нашел что-то для вас. Имеете ли вы Библию?

– Да, у меня есть Библия.

– Тогда откройте книгу Иеремии, 10:20. Это ваш стих.

– Хорошо, но сейчас мне нужно бежать. Звонок зовет на следующий урок. Я хотела только поприветствовать вас. Гуд бай.

Я положил трубку.

– Это анонимная собеседница, – сказал я Даниилу. – Она звонит мне уже в третий раз. Какие причины могут служить препятствием вступлению в официальный брак?

– В нашем городе это не является чем-то необычным, – сказал Даниил. – Они хотят обеспечить себе возможность в любое время оставить друг друга. Бракосочетание усложняет развод. Иногда меня просят, чтобы я венчал пару, сожительствующую уже лет пять и имеющую несколько детей. Итак, видишь, жизнь течет не столь прямолинейно и геометрически точно, как твой треугольник. Она гораздо сложнее. В ней имеются всевозможные переходные ступени и отклонения.

– Девушке, которая мне позвонила, тоже не нравится треугольник. Она утверждает, что углы колют.

– Меня они уже достаточно искололи, – улыбнулся Даниил и предложил: – Может быть, мы завтра поужинаем вместе после твоей лекции, когда наши дети лягут? Да и Эстер очень хотела бы побеседовать с тобой.

Вдруг он как будто о чем-то вспомнил:

– Скажи, а ты ужинал вчера?

– Нет, я совсем забыл об этом.

Даниил вскочил и всплеснул руками, суетясь и бегая по комнате взад и вперед. Он чувствовал себя глубоко уязвленным, пристыженным в своей африканской гостеприимности. Я попытался успокоить его:

– Тогда я вдвойне охотно приму ваше приглашение поужинать с вами сегодня.

Когда Морис вечером заехал за мной, я увидел на заднем сиденье его автомобиля пожилую женщину. Я настоял на том, чтобы сесть рядом с ней. Она была маленькой, хрупкой, волосы ее почти полностью скрывались под белым платочком. На ее сморщенном лице светились живые глаза.

Она приветствовала меня и сразу же начала говорить со мною на своем родном языке, как будто не представляя, что ее могут не понять. Морис переводил, кратко обобщая сказанное ею:

– Она приветствует вас и говорит, что является имуществом без хозяина.

– Рассказал ли вам ваш сын о моей вчерашней лекции?

Морис перевел мой вопрос, а она в ответ утверждающе кивнула головой. Затем она сделала замечание, указав на сына. Морис перевел:

– Она думает, что я хозяин, у которого нет имущества.

– У вас очень хороший сын.

– Он хорошо заботится обо мне.

– Вы можете гордиться таким сыном.

Она серьезно кивнула головой.

– Но ему нужна жена.

– Я уже давно сказала ему об этом. Вот только он не приводит ее ко мне домой. Я буду хорошо заботиться о них. Ей не придется много работать. Я буду готовить пищу обоим.

После того, как Морис перевел последнее предложение, я сказал ему:

– Слышали ли вы это? Она представляет себе дело так, что вы приведете свою жену в ее дом, в котором она по-прежнему будет вести домашнее хозяйство. Вы должны объяснить ей совершенно ясно, что я сказал «оставить». В особенности в отношении кухни. Это весьма чувствительная точка.

– Не могли бы вы объяснить ей это? – попросил Морис, – это произведет на нее, думаю, большее впечатление. Существуют определенные вещи, которые мы скорее принимаем, если говорит их чужой.

Он задумался на мгновение. А затем добавил:

– Может быть, всем людям тяжело понять слово «оставить». Это ведь больше, чем человеческая мудрость.

Между тем мы доехали до церкви. Она опять была полным-полна. Когда я оказался вместе с Даниилом на кафедре, то почувствовал себя более уверенным, нежели накануне.

4.

«Вчера мне позвонила одна женщина и сказала, что она не согласна с брачным треугольником: «У него много углов, они острые. Они колются», – сказала она. Прямые линии и острые углы она сочла неудобными, а весь образ непривлекательным.

Я могу сочувствовать ей. Но все зависит от того, станем ли мы рассматривать этот треугольник в качестве чего-то отвердевшего, мертвого или в качестве чего-то подвижного, живого.

Я видел однажды в одном варьете трех жонглеров, которые играли мячами друг с другом. Каждый из них ловил мячи от двух других, и каждый бросал их двум другим. Каждый давал. Каждый получал.

Брак можно сравнить с такой искусной игрой».

Я попытался описать эту игру, эту взаимную отдачу, попытался показать, что любовь – это решающий дар, предлагаемый браку, что брак требует акта сочетания, чтобы обладать доказательством своей действительности, истинности и человечности; однако не только любовь движет брак, но и брак, в свою очередь, движет любовью, так что в моменты кризисов любящие утешают друг друга, взаимно напоминая друг другу: «Мы ведь состоим в браке!»

Эту живую взаимную отдачу я представил на примере жизни друг в друге и друг с другом в браке

и в телесном общении, указав, как брак дарует прибежище телесному общению и как это общение, в свою очередь, превращается в постоянно обновляющееся утверждение брака и в постоянно повторяющееся брачное обещание.

Труднее всего оказалось довести до слушателей динамическую игру сил между любовью и сексом. Я знал, что многие из них и то и другое рассматривают как одно и то же, а потому подчеркнул, что любовь должна вращаться в сексуальность и что сексуальность, изолированная от любви и брака, означает конец творческой игры. «Только как выражение брачной любви, – заключил я, – телесное соединение превращается вполне в акт любви».

Я остановился и бросил на Даниила виноватый взгляд за множество абстрактных слов, которыми пользовался. В ответ он понимающе улыбнулся:

– Продолжай, – прошептал он, – я как-нибудь справлюсь.

«В наше время существует огромнейшая неуверенность относительно того, как следует сочетать секс, любовь и брак. Это – проблема не только для Африки, но и для других частей света. Об этом много написано, но едва ли кто-нибудь решится ответить на вопрос: как соотносятся эти три вещи друг с другом по воле Божией?»

Я хотел бы попытаться ответить на этот вопрос.

Все, что содействует динамической игре сил, соответствует воле Божией. Все, что мешает этой игре, не соответствует воле Божией.

В динамическом треугольнике Бог предлагает образец полной подвижности и творческой свободы. Этот треугольник соответствует всякому браку, всякой ситуации и всякой культуре. Ведь воля Божия предназначается не только для христиан, а для всех людей.

Образ брака в Бытии 2:24 – это предложение Божие, которое дарует и в то же время и требует. Это предложение для всех».

Мои слушатели задумались и сидели молча. Я попытался прочесть их мысли и сказал:

«Сейчас, наверное, все вы смущены. «Если брак является таким искусством, – скажет кто-то, – тогда я еще очень далек от совершенного брака».

Я это хорошо понимаю. Я испытываю такие же чувства, и ваш пастор, наверное, тоже».

Даниил подтвердил сказанное на своем родном языке.

«Никто не может сказать: «У меня совершенный брак». Брак делает нас скромными. Мы постоянно терпим крушение, и нам постоянно заново следует трудиться над ним.

Динамика треугольника покоится на его нерасторжимости. Если отсечь один угол треугольника, гибнет все.

Бедствия и страдания в браке являются указанием, свидетельствующим о том, что одна из трех сил не совсем вовлечена в динамическую игру сил.

Представим себе теперь, что все мы врачи, леча-

щие браки, и отправляемся в госпиталь больных браков. Я хотел бы представить вам несколько пациентов.

У первого пациента трудности с левым углом треугольника: охладела любовь. Я называю эту болезнь пустым браком.

Диагноз заболевания выглядит так: человек женат, состоит в законном браке, и сексуальное общение весьма удовлетворительное. Но супруги больше не любят друг друга. Живут рядом и все же живут врозь. И это все.

Много причин вызывает такое состояние. Может быть, в этом браке никогда не было любви. Может быть, вступавшие в брак были слишком молоды, поторопились вступить в брак, и тому, что они сочли любовью, недоставало качества «прилепиться». Или, может быть, этот брак был основан на взаимном сексуальном влечении, а это влечение ослабевает с годами. Или же супруги не поддерживали огня любви, и он угас в ведении хозяйства, работе и заботах о детях. Каждый из супругов считался только со своими собственными интересами, так что вскоре не оказалось уже ничего общего.

Эта пустота является опасным заболеванием. У нее может быть смертельный исход. Вначале можно еще маскироваться так называемой «видимостью супружества». Для окружающего мира это сразу незаметно. Однако болезнь прогрессирует под этой маскировкой, так что наступает время,

когда уже, по крайней мере, нельзя скрыть ее симптомы. Вначале супруги, может быть, еще мучаются, или же один другому действует на нервы. Однако постепенно их охватывает смертельное равнодушие.

И однажды эта пустота неизбежно погубит и телесное общение. Оно станет механическим явлением, превратится в неприятное бремя и уже воспринимается в качестве «супружеской обязанности». Таким именно образом создается конфликт между браком и сексуальностью.

Брак рассматривается в таком случае в качестве тюрьмы. Один мужчина показал мне однажды церковь, в которой он венчался, выразившись потрясающе: «Здесь я был приговорен на всю жизнь».

Кто испытывает такие чувства, начинает вскоре искать другого партнера, который будет лучше понимать его. Душевная неверность очень скоро приводит к половой неверности, а она подрывает законные основания брака.

Пустой брак – это тема многих фильмов и романов. В них именно брак обвиняют в пустоте. Брак высмеивают, представляют чем-то скучным, чем-то пресным, безвкусным, даже лицемерным. Вместо этого прославляется любовь вне брака. Только она представляется интересной, пикантной и манящей.

Брак в этих фильмах и романах не является спасением для любви, а, наоборот, ее смертью. Однако диагноз этот ошибочен. Не брак умертвляет лю-

бовь, а отсутствие любви разрушает брак. Любовь вне брака легко превращается в пожар в прерии, который в итоге пожирает и любящих друг друга.

То, что может существовать любовь, которая является характерной составной частью всего, брачная любовь, которая превосходит все то, что эти фильмы и романы предлагают в качестве «счастья», – такая возможность вообще не принимается в расчет. Однако только в ней заключается спасение.

Далее мы переходим к следующему пациенту, к следующей чете. Проблема ее касается вершины треугольника. Я называю эту болезнь похищенным браком.

Признаки этой болезни представляются следующим образом: супруги любят друг друга или делают, по крайней мере, вид, что любят. Они состоят в сексуальном общении. Только они не вступили в брак, утвержденный законом.

Это – великое искушение нашего времени, что обесценивает законный аспект брака; в бракосочетании усматривают только пустую форму, а в свидетельстве о браке – только кусочек бумаги, который можно получить, а можно и не получить. Предлагается брак на пробу. При этом, однако, исходят из ошибочной предпосылки, утверждая, что любовь и секс – главное в браке.

Однако это ошибочный вывод. Любовь и секс – только часть, а в браке нельзя судить о целом только по части. Он требует всего, частичным он не

удовлетворяется. Брак – всегда серьезное дело. Поэтому его нельзя испытывать, не возлагая на себя обязательств.

Последствиями пробного брака являются разбитые сердца, поспешно вынужденные браки или тайные аборты, а также половые заболевания с возможным последующим бесплодием.

Более всего, однако, страдают нежеланные дети: они лишены семейной защиты. Они лишены отца. Тот, кто вникал в судьбу этих детей, лишенных отцов, кто наблюдал за проблемами, которые возникают у них в сексуальном отношении при выборе партнера, а позже и в их собственных браках, тот определенно знает, что бракосочетание является третьим существенным столпом брака».

Сказав все это, я невольно вспомнил ту африканку, которая несколько раз уже беседовала со мною по телефону. Присутствует ли она сегодня на лекции? Может быть, у нее тоже не было отца. Как она решает проблему предупреждения беременности? Размышляя о ней, я продолжал:

«Тот, кто пропагандирует так называемую «свободную любовь», умалчивает, по крайней мере, о том, что он превращает употребление противозачаточных средств в постоянную необходимость. Он поступает так, будто необходимо только в надлежащий момент воспользоваться соответствующим средством, которое якобы не влечет за собой никаких воздействий ни на людей, ни на переживания их, ни на отношения их друг ко другу.

Но все это не так. Чаще всего в обстановке похищенного брака как раз эти средства и методы губят достоинство и спонтанность любовного общения.

Когда нет любви, распадается брак. Когда нет бракосочетания, тогда секс и любовь оказываются в конфликте друг с другом.

Недавно в Германии показывали фильм, который ярким образом отражает этот процесс. В нем изображалась повседневная жизнь как будто во всех отношениях благополучной и счастливой четы. Зритель вначале очарован тем, как хорошо партнеры соответствуют друг другу, и только потом он замечает, что они не состоят в законном браке. Друзья делают замечания в их адрес, родственники пытаются уговорить их вступить в брак. А они сопротивляются.

Сначала все хорошо. Но потом девушка совершает «ошибку»: не желая того, она беременеет. Тогда-то оказывается, что ее любовь и ее доверие еще недостаточно велики, чтобы сказать об этом своему «мужу». Она боится, что он оставит ее. И она решается освободиться от ребенка.

Последняя сцена показывает нам эту девушку в квартире. Обессиленная после операции, она лежит на диване. Он приходит домой и вдруг все осознает. Он садится с противоположной стороны широкого пустого стола, который разделяет их. Они молчат. Им нечего больше сказать. Секс превратился в смерть любви. Так как не было брако-

сочетания, то и у брака не было фактически будущего, не было возможности «потребовать от любви доказательство подлинности и человечности» (Роберт Гримм). Похищенный брак – это больной брак, если вообще можно назвать его браком».

Я остановился на мгновение и почувствовал реакцию молодежи. Этот фильм могли бы снимать и в их городе.

«Но вот мы приступаем к третьей чете в нашей больнице для больных браков. Я назову болезнь их брака неисполненным браком:

Они состоят в браке, может быть, десяток или два десятка лет. Они по-настоящему любят друг друга. И ничто не представляется им более странным и чуждым, чем мысль о разводе. Однако их телесное общение так и остается неудовлетворительным и неисполненным.

Муж говорит: «Моя жена холодна. Она реагирует ненормально. У меня такое чувство, что она только терпит акт любви. Но она никогда не приглашает меня. Все это не доставляет ей никакой радости».

Жена говорит: «Мой муж слишком поспешен. Он уже готов, прежде чем я вообще начну. Я чувствую себя изнасилованной. Он никогда не знает меры». Или, может быть, она говорит как раз обратное: «Он постоянно чувствует себя уставшим. Я так ожидаю его, а он не идет. Он поворачивается ко мне спиной и спит, будто он страдает половым бессилием».

Громкого смеха, вызванного этим словом, я не ожидал. На мгновение я совершенно забыл, что бессилие в Африке является предметом насмешек. Импотента часто вообще не считают человеческим существом. Африканец опасается полового бессилия больше, нежели смерти.

«Нарушение телесного аспекта в браке причиняет большие страдания. Если супруги любят друг друга, они страдают еще больше, потому что они хотели бы сделать друг друга еще счастливее. Как возникает это заболевание?»

Во многих случаях неисполненный брак является прямым или косвенным последствием похищенного брака. Я не имею в виду в первую очередь половые заболевания, которые, между прочим, европейцы принесли в Африку. Я имею в виду что-то другое. В случае похищенного брака половой акт совершается часто в недостойных человека обстоятельствах, торопливо и втайне, а также между партнерами, которые по сути дела равнодушны друг ко другу, отсутствуя в этом акте сердцем и душой.

И опять мы можем заметить, как эта болезнь охватывает и два других связывающих звена в браке.

Если телесное общение превращается в мучение, потому что заканчивается для одного или обоих партнеров разочарованием, тогда оно скоро становится скучным, а супруги начинают упрекать друг друга в отсутствии любви и уважения. Когда

же заболевает любовь, то возникает сильное искушение поискать вне брака партнера для полового общения, партнера, который был бы более чувствительным и более восприимчивым. Хотя и эта попытка часто заканчивается одним только разочарованием, но прелюбодеянием затронута законное основание брака, что в скорости приводит к полному крушению брака.

И болезнь неудовлетворенности может иметь губительный исход. Брак, испытывающий жажду и неисполненность, может так и увянуть, если не оказать ему своевременной помощи».

Внутренне я облегченно вздохнул. Это была самая решающая часть моей лекции. Однако Даниил переводил без промедлений, так что у меня создалось впечатление, что никто из представителей старшего поколения не пришел в замешательство.

Я опять начал говорить:

«Для тех же из вас, которые хотели бы приготовить себя к браку, возникает один весьма серьезный вопрос: с какой стороны лучше всего подойти к браку? Какой подход предлагает самые благоприятные возможности для того, чтобы достичь динамического взаимодействия всех трех элементов?»

Обычно предлагают три ответа на эти вопросы: традиционный, современный и библейский. Поразмыслим над каждым из них.

Традиционный ответ предлагает начинать бракосочетанием. Начиная от средневековья и до на-

чала индустриальной эпохи, это был нормальный подход не только в Африке и Азии, но и в Европе.

Брак устраивался родителями и семьями, а не вступающими в брак. Случалось иногда даже так, что жених и невеста встречались впервые только на свадьбе или несколько дней до свадьбы.

Целью такого подхода являлись, разумеется, дети. Такой подход соответствовал образу брака «Сад». Деторождение было его главной целью. По какой же другой причине следовало заключать брак, как не ради потомства?»

Я развернул деревянный треугольник и указал на его вершину.

«От угла бракосочетания направляются прямо к углу полового общения, или, как в этом случае его можно назвать, углу чадородия, минуя угол любви. Любовь не играла никакой роли в становлении такого брака. Ее рассматривали даже в качестве чего-то нежелательного, потому что она может привести к конфликтам, если сын или дочь предпочтут другой выбор, нежели тот, который входит в намерения семьи.

Не следует, однако, утверждать, что все заключенные традиционным образом браки были несчастливыми. Само собой разумеется, что любовь может появиться и в таком браке.

В Европе и в Америке ставят весьма популярный мюзикл под заглавием «Анатевка». Он рассказывает о жизни еврейской четы, молочника Тевье и его жены Голды. Они являются типичной

четой, которая начала свой брак бракосочетанием. После двадцати пяти лет брака они задают себе вопрос, любят ли они друг друга. Между ними развертывается следующий диалог:

Тевье: Голда, послушай, что я тебя спрошу: это любовь?

Голда: Оставь!

Тевье: О нет! Скажи, это любовь?

Голда: Это ли любовь?

Тевье: А что же?

Голда: Вот уже двадцать пять лет стираю, мою, варю, подарила тебе пять дочерей и дою твою корову. После двадцати пяти лет оставь меня с этим в покое!

Тевье: Голда! На свадьбе мы увидели друг друга впервые. Я так смущался.

Голда: И я тоже.

Тевье: Я очень робел.

Голда: И я тоже.

Тевье: Наши родители, отцы и матери, сказали: «Любовь придет позже!» Скажи, Голда, ты любишь меня? Это любовь?

Голда: Перестань!

Тевье: О нет! Скажи, это любовь!

Голда: Это ли любовь?

Тевье: Да?

Голда: Двадцать пять лет живу с ним, смеюсь с ним, плачу с ним; двадцать пять лет делю с ним постель. Конечно, это любовь!

Тевье: Жена, ты любишь меня?

Голда: Думаю, что люблю.

Тевье: А я люблю тебя, Голда, все более и более.

Вдвоем: Мы не знали этого друг о друге прежде.
Но после двадцати пяти лет наступило,
наконец, время любить!

Здесь весьма простым и поэтическим образом выражена истина, что любовь может появиться в браке.

И все же это спорный вопрос, что такой подход является самым многообещающим для брака. Опасность того, что любовь никогда не появится и, таким образом, блокируется динамика трех элементов, весьма велика. По крайней мере, большой риск – заключать брак в том случае, когда партнеры не избирали друг друга. Настоящий брак любви, который может возникнуть таким образом, является, без сомнения, исключением.

Да, любовь может появиться в браке. Однако она рождается весьма редко после того, как ее лишили возможности сделать собственный выбор. Разве вы не видите вокруг себя пустых браков, которые состоялись без участия личной любви?

Современный ответ – современный на Востоке и на Западе, а также и в Африке – предлагает начать брак с сексуальной стороны.

Я хотел бы сразу же пояснить одно: из тех, которые хотели бы подойти с этой стороны к браку, я исключаю обрученных. Это особый случай. Об этом я хотел бы поговорить завтра.

Теперь же я хотел бы коснуться тех, которые оказались во власти полного заблуждения, чреватого тяжелыми последствиями. Они думают, будто из половой отдачи само собой вырастает любовь, а эта любовь, как полагают, превращается потом в верность, которая само собой разумеется, приводит к заключению брака.

Или может быть другой вариант: сексуальную отдачу превращают в право на брак, полагая, что с получением брачного свидетельства сама собой должна появиться и любовь.

И то и другое предположение – одни только иллюзии. Ведь любовь не появляется из половых отношений. Ей необходимо вырасти в них.

Молодой человек, который спит с девушкой, чтобы физически не заболеть, чтобы избежать ненужных душевных напряжений, чтобы обогатиться «опытом» и научиться чему-то благодаря этому опыту или, может быть, чтобы избежать насмешек товарищей, или чтобы похвастаться перед ними, что и он знает толк в этом деле, думает по сути дела только о самом себе и совсем не любит.

Девушка, которая отдается, чтобы – сознательно или несознательно – приобрести уверенность, что она может быть матерью, которая хотела бы, чтобы молодые люди любили ее, и которая надеется таким образом «поймать» жениха, тоже по сути дела думает только о себе, фактически же она не любит.

В особенности последний случай является пло-

хим расчетом. Потому что чаще всего такая девушка теряет для молодого человека свою привлекательность. «Для меня это было только начало, а для него это был уже конец», – сказала мне однажды разочарованная девушка. Вместо того, чтобы привязать к себе, она потеряла того, которого хотела привязать, обогатившись опытом, что секс не только не содействует развитию любви, но даже губит ее.

В Библии имеется рассказ, который можно было бы опубликовать в каждом современном иллюстрированном журнале в качестве репортажа. Стоит прочесть его в 13-й главе Второй книги Царств. Там весьма реалистично описано, как сын царя, Амнон, обольстил свою сводную сестру Фамарь.

Он притворился больным и пожелал, чтобы за ним поухаживала Фамарь. На глазах его она испекла лепешку. Но этого было недостаточно, он хотел, чтобы она сама покормила его, но только после того, как они наедине останутся в спальном комнате. Фамарь все еще как будто ничего не замечает, а у меня возникает вопрос, была ли она разумной девушкой?

Затем свершилось то, что должно было совершиться: «И когда она поставила перед ним, чтобы он ел, то он схватил ее, и сказал ей: иди, ложись со мною, сестра моя» (ст. 11).

Фамарь отчаянно, в последний момент, пытается достичь согласия на брак и просит Амнона,

чтобы он заручился царским одобрением на брачный союз.

Но нет! «Он не хотел слушать слов ее, и преодолел ее, и изнасиловал ее, и лежал с нею» (ст. 14).

А затем следует роковое слово:

«Потом возненавидел ее Амнон величайшею ненавистью, так что ненависть, какую он возненавидел ее, была сильнее любви, какую имел к ней; и сказал ей Амнон: встань, уйди» (ст. 15).

Я приостановился, а затем продолжал далее:

«Три связывающих звена брака неотделимы друг от друга и нерасторжимы. Половое желание способно проявить себя в качестве разрушающей силы, любовь превращается в ненависть, когда отсечено связующее звено – бракосочетание, когда брак не развивает и не защищает любви.

Тот, кто принуждает разделить с ним постель в качестве доказательства любви известной формулой: «Если ты меня действительно любишь, то отдайся мне» (или в случае девушки: «возьми меня»), тот достоин только одного ответа: «Нет, ты не любишь, потому что, если бы ты меня действительно любил, ты этого никогда бы от меня не требовал».

Американский консультант по вопросам брака Поль Попена в данном случае рекомендует следующее: девушка должна предложить своему другу маленькую записку, на которой следует написать: «Будь осторожен, мой друг, и докажи мне, как ты душевно богат и серьезен, чтобы я по твоей неосторожности не узнала, как ты беден и поверхностен».

В заключение я хотел бы привести несколько строчек из письма одной девушки к своему другу. Она пишет: «Наше общение друг с другом должно подчиняться закону времени, т. е. я подчеркиваю мысль, что оно еще недостаточно укрепилось. Поэтому наши отношения ничем не осложняются, а мне это очень нравится. Так как в кажущейся легкости еще не совершившегося заключается величие и глубина...»

5.

Как и накануне, я опять остановился у выхода, чтобы пожать руки посетителям. Проходя мимо меня, высокая, стройная девушка тихо сказала мне:

– Я позвоню вам сегодня вечером в гостиницу.

– Сегодня вечером я буду в доме пастора. Вам придется позвонить туда.

– Хорошо.

– Скажите, пожалуйста, как вас звать. Только таким образом я буду знать, что вы вызываете меня.

– Фатьма.

Затем она ушла. А я тотчас же подумал, что это именно та анонимная девушка, которая звонит мне. В какое-то мгновение я ощутил желание побегать за ней. Но подошли Мириам и Тимоти.

– Могли бы мы с вами поговорить? – спросила она.

Мы договорились на следующий день на пять часов после обеда.

Последними меня приветствовали Морис и его мать. Она держала мою правую руку обеими руками, постоянно кланяясь во время разговора.

– Она хотела бы вас поблагодарить, – сказал Морис.

– Спросите у вашей матери, что ее особенно тронуло сегодня вечером?

Мать задумалась на мгновение, а затем Морис перевел ее ответ:

– Она говорит, что любовь может вырасти и в браке, а далее цитирует ту женщину из мюзикла: «Двадцать пять лет уже я живу с ним... Это ведь любовь».

Я посмотрел на маленькую пожилую женщину, на ее жилистое, истощенное тело, на ее изборожденное морщинами лицо с живыми глазами. Она явно вспоминала именно эти строки! Если она поняла их, несмотря на различие культур, языковой барьер, тогда я мог быть вполне уверен, что и другие правильно восприняли эту весть.

Различие культур? Если строка из современного американского мюзикла, который избрал своей темой еврейскую судьбу и который играют и в России, что-то говорит шестидесятилетней вдове, которая выросла в африканской глуши, тогда все то, что движет сердцами людей во всем мире, не осо-

бенно отличается друг от друга. Различия образуют только поверхность. А под нею не что иное, как одно и то же человеческое сердце, исполненное тоски, желаний, страха и надежды.

Между церковью и домом пастора стояла живо дискутирующая группа молодых людей, которых я принял за студентов. Среди них я узнал своего вчерашнего оппонента, и поэтому подошел к этой группе:

– Итак, кого же я сегодня «уничтожил»?

– Нас, – тотчас же сказал молодой человек. – Вы унизили нас сегодня перед девушками. Будто сегодня нет агрессивных девушек, перед которыми следует защищаться.

– Хорошо, – ответил я, – тогда и вы приготовьте записочку: «Будь осторожна, моя подружка, и покажи мне, как ты внутренне богата и глубока...»

Остальное потонуло в общем смехе.

Однако мой вчерашний оппонент возразил:

– Мы читали статьи Кинсея. Мы знаем, как обстоит дело с браками в Европе и в Америке. Нам известны цифры разводов, возрастающий процент сексуальных преступлений, юношеской преступности, порнографической литературы, частоты добрачных и внебрачных связей. Нас вы не можете ввести в заблуждение. Наши традиционные браки все-таки устойчивее и стабильнее. Лучше уж сад, нежели болото. Неверно и то, что заключенные в

соответствии с нашими обычаями браки являются пустыми.

Прежде чем я смог ответить ему, одна девушка обратилась ко мне с вопросом:

– Должна ли я, собственно, выходить замуж? Разве нельзя оставаться одинокой?

Я обратился к ней, предложив ей встречный вопрос:

– А почему же все-таки вы не хотите выходить замуж?

– Потому что пошло и скучно. Все окружающие меня браки наводят скуку. Они меня не привлекают. Лучше уж останусь одинокой.

– Вот вам и ответ, – сказал я моему противнику. – Женщины раньше ощущают пустоту, нежели мужчины.

– У нас, собственно, нет выбора, – продолжала девушка, – образованные мужчины предпочитают необразованных женщин, чтобы они могли обращаться с ними, как с садами. Но нас нельзя уже более заставить играть эту роль. Послушайте только студенток! Ни одна из них не хочет выходить замуж.

– Однако ребенка вы все-таки хотите! – воскликнул кто-то из задних рядов. Его поддержал дружный смех.

– Почему же нет? – защищалась студентка. Разве у нас нет права не ребенка?

– А разве у ребенка нет права на отца? – возразил я ей своим встречным вопросом.

– Вот видите! – подключился опять мой преж-

ний противник. – Наши прекрасные африканские обычаи пропадут, если отказаться от образа брака «Сад». Раньше у нас считалось, что иметь внебрачных детей – позор. А теперь это обычное явление жизни.

– Вы можете говорить, что хотите, – подхватил его мысль кто-то другой, – но наши браки «Сад» имеют больше шансов, нежели ваши западные браки по любви. Лучше уж поставить на горячую плиту холодный горшок, который медленно нагреется, нежели на холодную плиту – горячий горшок, который медленно остынет.

– Бесспорно, в этом что-то есть, – сказал я. – Мы, европейцы, склонны переоценивать романтическую любовь. Однако и брак «Сад» – тоже риск. Вы должны считаться и с тем, что холодный горшок, попадая на холодную плиту, так и остается холодным.

– Это именно я и имела в виду, – поддержала меня студентка.

Однако мой противник не сдавался:

– Риск с любовью несравненно значительнее. Мы видим на примере Европы и Америки, к чему все это приводит. Мы не хотим заразиться вашей безнравственностью. Мы не можем положиться на фортуна любви!

– Если под любовью вы подразумеваете то, что ввозит вам сюда Европа, показывая на ваших экранах, тогда я вполне с вами согласен. Однако под любовью я понимаю что-то другое.

– А что же вы понимаете под любовью?

– Об этом я буду говорить завтра.

На этом я закончил беседу и направился к дому священника. Только теперь я заметил в группе Даниила, он еще немного задержался, продолжая беседу.

Когда я вошел, стол был уже накрыт для ужина. Эстер находилась в кухне с молоденькой девушкой, которая помогала ей. Она попросила меня занять место за столом:

– Через несколько минут будем ужинать.

– Вы были сегодня вечером в церкви?

– Да, конечно.

Должно быть, поэтому ей пришлось приготовить пищу заранее. Наверное, она отличная хозяйка, подумал я.

Через несколько минут Эстер поставила на стол запеканку из вермишели. Затем она принесла поднос с закусками, холодными яйцами и помидорами, а для десерта – большую стеклянную миску с фруктовым салатом из бананов, ананасов, апельсинов и помпельмусов.

Мы сидели друг против друга. Место у верхнего конца было накрыто для Даниила.

– Лекции эти действительно весьма утомительны, – сказала Эстер вежливо.

– Скорее не сами лекции, а беседы, следующие за ними, стоят огромных сил.

Мы сидели несколько минут молча.

- Где же Даниил?
- Он еще на улице. Говорит со студентами.
- Неужели он не знает, что пицца готова?
- Да, он это знает.

Мы опять помолчали. А пицца стояла на столе и дымилась.

– Разве вы не могли бы позвать его?

– Это бесполезно. Он придет лишь тогда, когда закончит беседу.

Мы продолжали ожидать.

– Я очень благодарна вам за вашу лекцию, – сказала Эстер, вероятно, чтобы переменить тему разговора.

– Большая помощь иметь вашего мужа в качестве переводчика. Я полагаю, что он несколько исправляет изложенное мною при переводе.

– Он переводит хорошо.

– Получается, как при игре в футбол. Я посылаю ему мяч, а он посылает его в ворота.

– Да, он хорошо переводит.

Мы опять замолчали. Затем она взяла запеканку и отнесла ее обратно в кухню. Когда она вернулась, я сказал:

– Вам, наверное, очень неприятно из-за меня.

Она боролась со слезами, однако овладела собой.

– Я очень люблю Даниила, – сказала она медленно, – но он не в состоянии придерживаться определенного порядка. Мне не страшна тяжелая работа, но я хотела бы распределить время так,

чтобы иметь определенный режим дня. Он же ничего не планирует. Он действует спонтанно, как ему вздумается. Бесспорно, он хороший священник. Только боюсь, что он скоро израсходует себя.

– У вас совершенно различные дарования, и вы были бы в состоянии дополнять друг друга.

– Может быть. Однако нам не удастся координировать эти дарования. Мы не подаем друг другу мячей. Мы бросаем их в различных направлениях. Они катятся куда хотят, и никто их не подбирает.

«И некому уже раскинуть шатра моего», – подумал я.

Даниила все еще не было. Я восхищался Эстер, как прекрасно она владела собой, хотя была в нетерпении.

– Разрешите-ка, я схожу за ним, – сказал я.

Она пожала плечами и попыталась улыбнуться, но не удерживала меня.

Я подошел к группе, с которой Даниил беседовал.

– Дамы и господа, – сказал я, – этот человек весьма устал, и он очень голоден. В доме сидит его жена и плачет, потому что пицца остыла. Кроме того, у них в доме гость, которого они пригласили из Европы. Он тоже голоден и устал, потому что сегодня вечером ему пришлось читать лекцию в церкви...

Последние слова прозвучали под общий смех и извинения. В течение нескольких минут все разошлись.

– Ты можешь так поступать, – сказал Даниил, когда мы входили в дом. – Но от меня они не примут такого поведения.

– А ты уже пытался так поступать?

Мы вошли в дом и сели за стол. Эстер опять принесла запеканку из кухни. Даниил произнес молитву. Но в это же мгновение зазвенел телефон. Даниил встал.

Но и я был готов. Я тоже встал, как и он, положил руку ему на плечо и заставил сесть. Одновременно я обратился к Эстер:

– Подойдите вы к телефону. Скажите, что у вашего мужа сейчас нет времени. Спросите у него, не может ли он позвонить несколько позже, или же спросите, что передать мужу.

Она скоро вернулась. «Это был мужчина. Он хотел приветствовать тебя. У него не было особых оснований звонить тебе».

Мы начали ужинать.

– Всегда получается так, – продолжала Эстер, – в тот момент, когда мы садимся за стол, обычно звонит телефон. Когда мы сидим за столом, Даниил встает в среднем раза три или четыре, будто он в своей церкви мальчик на побегушках.

Опять зазвонил телефон. Я заметил, что Даниилу стоило огромных усилий не встать из-за стола. Я кивнул Эстер, и она опять послушно подошла к телефону. Во время ее отсутствия он сказал мне:

– Понимаешь ли теперь, почему мы поместили тебя в гостиницу?

– Я понимаю. Однако вам необходимо найти выход. Ты плохо распоряжаешься своей силой и временем.

Вернулась Эстер.

– У кого-то заболела мать, – сказала она. Однако дело не спешит. Ты можешь навестить ее и завтра. Я записала адрес.

– Но не ваша ведь задача, Эстер, отвечать на телефонные звонки. В определенные часы это легко мог бы делать кто-то из церкви.

– Дело не только в телефоне. Величайшей проблемой являются для нас посетители. Они приходят в любую пору дня и ночи.

– Я не вижу другого выхода, как установить часы для бесед, повесив на двери табличку с указанием времени приема.

– Может быть, у вас, в Европе это и хорошо, однако африканцы меня не поймут. Они это сочтут невежливостью. Все это противоречило бы нашим традициям.

– Дорогой мой, если когда-нибудь приедешь в Германию, то я отведу тебя в первый попавшийся дом пастора, и скажу тебе заранее, что там точно те же проблемы. Дело совсем не в обычаях и нравах, а в твоём призвании. Тебе, наверное, известна история сторожа, обслуживавшего маяк. Маяк этот находился на берегу опасного пролива. Сторожу необходимо было поддерживать огонь в маяке и днем и ночью. Недалеко от маяка находилась деревня. Жители деревни постоянно обращались к сторожу,

прося у него хотя бы несколько капель керосина для светильников. Он был слишком мягкосердечным, чтобы отказывать им. Поэтому он раздал весь запас керосина маленькими порциями. Наступил день, когда окончательно истощился весь запас горючего – и огонь в маяке погас. В это время корабль налетел на скалу – и погиб. Мягкосердечие сторожа оказалось причиной гибели многих людей.

– Ты прав, – сказал Даниил, – я действительно не способен сказать «нет».

– Но ведь дело касается не только твоего служения и твоего призвания, но и твоего брака.

– Нам следовало бы заново начать, мне это ясно. Это тот правый угол треугольника, над которым нам необходимо трудиться, – угол соучастия и совместного труда.

– Если бы у нас каждое утро было бы четверть часа времени друг для друга, – сказала Эстер. – Но мы просто слепо вступаем в предстоящий день, предоставляя все случаю. Как во время езды на автомобиле нас направляют повороты улиц, так и мы направляемся внешними обстоятельствами и случайностями. Я никогда не знаю, какие у него намерения, и он не знает, какие у меня. У нас нет твердо установленного времени для трапез. Дети наши страдают от этого.

Кто-то постучал. Даниил и Эстер вопросительно посмотрели на меня.

– А что же, собственно, делает ваша девушка в кухне?

– Она ждет окончания ужина, чтобы убрать посуду.

Опять раздался стук.

– Пошлите девушку. Пусть она спросит посетителя, не сможет ли он прийти завтра.

– Только раньше девяти, – прервал меня Даниил.

– Хорошо, скажите ей это.

Эстер позвала девушку и объяснила ей, в чем дело и как поступить. Она направилась к двери и через несколько мгновений вернулась обратно.

– Что он сказал?

– Он согласился.

Даниил вздохнул и покачал головой.

– Один раз, может быть, и можно так поступить, однако постоянно так делать нельзя: наши люди этого не поймут.

– Конечно, не поймут, если ты этого никогда не потребуешь от них. Ни один врач, ни один адвокат, ни один учитель не может работать без режима дня. Пятнадцать минут, о которых просит тебя Эстер, это словно рулевое колесо на твоём корабле. Они определяют направление дня. Свидетельство, которое ты дашь собственным браком, в сотню раз весомее всяких лекций о брачной жизни.

Даниил ответил:

– Я скажу тебе честно: мы часто должны напоминать друг другу о том, что состоим в браке. Если бы мы основывали наш брак лишь на любви, мы бы строили на песке. И наш брак давно бы уже разрушился.

– Вы говорите так не потому, что не любите друг друга, – сказал я, – а именно потому, что любите друг друга. Как раз поэтому вы и напоминаете друг другу, что состоите в браке.

– Является ли утверждение, что брак поддерживает любовь, в Европе общепризнанной истинной?

Я всегда опасаясь таких вопросов в Африке.

– Ни в коем случае, – признался я откровенно. – В Европе все эти три связующих звена брака сегодня разобщены, оторваны друг от друга. Брак отделен от любви, любовь – от секса и, конечно, секс – от брака.

– Каким же образом отрывают любовь от брака?

– Доказательством, будто любовь все оправдывает. В браке ли, или вне брака, сексом всегда можно заниматься, где и когда бы ты ни захотел и с кем бы только ни пожелал, при условии, что «любите» друг друга.

– Что же заключается в таком образе мышления?

– Он далек от действительности. Мир им не воспринимается таким, каким он фактически является. В мире нет абсолютной свободы. «Свободная любовь» действует разрушительным образом, как пожар в прерии. Она бесчеловечна, она демонична. Брак для любви – то, что очаг – для огня.

– Но как же объяснить мне это нашим людям?

– Я вижу только одну возможность: ссылаться на любовь Божию. Сам Бог является любовью.

Поэтому именно Он отрекается от собственной свободы и власти. Он ограничил Самого Себя. Он стал человеком. Любовь стала плотью.

– Однако это означало бы, что только тот, кто серьезно воспринимает воплотившегося Бога, действительно способен помочь людям в их брачных проблемах?

– В конечном итоге – да. Потому что только он знает, что Сам Бог сокрыт в том человеке, которого любим. Если мы этого не знаем, то потеряем любимого нами человека. И в этом отношении можно сказать: что соответствует Христу, соответствует и Его делу.

Даниил задумался на мгновение:

– А как же отрывают друг от друга любовь и секс?

– По этому поводу существуют, конечно, разногласия. Есть люди, которые выступают за секс без любви. Они утверждают, что секс должен доставлять удовольствие. Они высмеивают любовь как пустую болтовню. Любовь, говорят они, только насилует секс. Она ограничивает и подавляет его. Секс дарован для того, чтобы ощущать блаженство данного мгновения. Этим блаженством можно наслаждаться только в том случае, если упражняться в этом деле без всякой ответственности и без всякого раскаяния.

– Но ведь это значит, что эти три связующих звена в браке в западном мире еще более отторгнуты друг от друга, нежели в Африке, – заметил

Даниил. – Если мы и пренебрегаем любовью, то делаем это в пользу брака, а не в пользу секса, который отторгнут от брака. Значит, в моральном отношении мы выше Европы и Америки.

– Или вы еще не так низко опустились, – ответил я. – Это мы еще увидим. В данный момент можно вполне определенно сказать, что в сравнении с Европой и Америкой в Африке треугольник еще более или менее в исправности. Но я прибыл к вам не как европеец, Даниил; я прибыл к вам в качестве человека, верующего в воплотившегося и ставшего человеком Бога.

– Я знаю это. Иначе я не стал бы приглашать тебя, – сказал Даниил. – Но правильно ли я понял тебя, если на основании всего сказанного тобой сегодня вечером приду к выводу, что в Европе и в Америке этот треугольник еще менее принимается, чем в Африке?

– Безусловно. Но тот, кто убежден, что три основные силы брака только совместно динамично действуют, – одинок, к какому бы кругу культуры он ни принадлежал. Человек, который сформулировал стих о том, что муж должен оставить своего отца и свою мать, что он должен прилепиться к своей жене и составить с ней одну плоть, очевидно, был тоже одиноким глашатаем. Примечательно, что этот стих не цитируется более в других местах Ветхого Завета. Мы не встречаем его ни у одного из пророков. Только Иисус возвращается к нему.

– Не встречается ли в Ветхом Завете также образ брака «Сад»? – хотела знать Эстер. – Ведь в Ветхом Завете превосходство мужа утверждено. Там и развод представлен в качестве мужского преимущества. Там также речь о многоженстве, и именно на плодovitость и потомство акцентируется внимание.

– Это процесс, Эстер, прогрессирующий процесс, – ответил я. – На мой взгляд, весть этого стиха приводит в движение определенный процесс, она определяет мерилlo для народа Израиля. В Ветхом Завете действительно встречается образ брака «Сад», однако с течением времени он все более и более преодолевается. Когда же Иисус цитирует этот стих в Новом Завете, то Он делает это совершенно недвусмысленно, чтобы высказаться против развода и за единобрачие.

Опять зазвонил телефон. Подобно паше, Даниил подал знак рукой своей жене.

– Пусть мой «сад» обслужит меня, – пошутил он.

Эстер послушно встала и отправилась в рабочую комнату Даниила, где находился телефон. Возвратившись, она сказала:

– На этот раз вызывают вас.

Недолго рассуждая, я вскочил точно так же, как и Даниил прежде, в начале нашего ужина. Даниил громко рассмеялся, тогда как я остановился в смущении, сознавая, что поступил вопреки своему же собственному совету.

– Да будет прощено тебе, – сказал он милостиво. – Во-первых, ты уже закончил трапезу, а также половину своего десерта. Во-вторых, ты хотел показать мне, что ты вообще не законник.

Я медленно отправился в рабочую комнату Даниила и поднял трубку.

– Я с Фатьмой говорю?

– Да.

– Скажите, пожалуйста, это вы вчера дважды звонили мне?

– Да, я.

– Вы прочли предложенный вам стих из Библии?

– Да, он точно описывает мое положение. «Шатер мой опустошен, и все веревки мои порваны» – все до единой. Слушая вашу лекцию сегодня вечером, мне стало совершенно ясно, что все они действительно порваны.

– Имеете ли вы в виду что-нибудь определенное?

– То, что вы сказали о противозачаточных средствах, что они ставят любовь под угрозу.

– Я уже задавался вопросом, как вы решаете эту проблему?

– Мы еще не решили ее. Вот что меня и мучит. Он, может быть, и думает, что разрешил ее. Но для меня она так и остается нерешенной. Вначале он сказал мне, что мне необходимо обращать внимание на период созревания яйцеклетки, чтобы в эти дни прерывать сожитительство. Однако это не дало

положительного результата – и я оказалась беременной. Тогда он приказал мне освободиться от ребенка.

– И вы повиновались ему?

– Да, разумеется. Теперь мне необходимо каждое утро проглатывать таблетку. Но это значит, что через каждые три недели нужно прерывать сожителство из-за кровотечения. Кроме того, с тех пор, как я стала принимать таблетки, я уже ничего вообще не чувствую.

– Об этом говорят многие женщины.

– А противозачаточные средства – это что-то плохое?

Что же это опять за вопрос!

– Видите ли, Фатма, все зависит от того, разрушен ли шатер, или он еще стоит. Если шатер стоит, он является убежищем, в котором муж и жена, друг другу доверяя, могут высказаться. Может быть, они решат тогда совместно, из определенных соображений, еще подождать с ребенком или ограничить количество своих детей. Если так, то они договорятся и о методе предохранения. Чаще всего прибегают к помощи врача-консультанта, который и наблюдает за ними. Они могут вполне открыто говорить об этом друг с другом, высказав то, что они испытывают и чувствуют. Даже нежеланная беременность не является для них катастрофой. Потому что шатер стоит и представляет убежище и для ребенка. Каждый человек нуждается в убежище, особенно ребенок. Когда шатер

разрушен, или хотя бы один из стержней, тогда дело, конечно, совсем иное.

– Все это мне хорошо известно. У меня ужасный страх перед повторной беременностью, потому что тогда муж, несомненно, опять заставит меня освободиться от ребенка, все совершается точно так, как вы сказали. Если недостает одного из трех стержней, то два оставшихся уже не являются более несущими. Нам недостает бракосочетания, потому что любовь и секс не гармонируют друг с другом. Мне постоянно кажется, будто я сплю каждую ночь на улице, под открытым небом, лишившись всякой защиты. Точно так, как в вашем стихе: «Некому уже раскинуть шатра моего».

– Послушайте, Фатьма. Если для вас действительно дело в том, чтобы изменить положение вещей, тогда вы должны привести своего мужа ко мне, чтобы я мог поговорить с ним.

– Это невозможно.

– И все же попытайтесь.

– Ему следует прийти одному или же нам прийти вместе?

– Как он желает. И еще одна просьба: могу ли я рассказать пастору Даниилу и его жене о вашей проблеме, чтобы мне узнать его совет?

– Ничего против не имею. Я кладу трубку: мой муж возвращается.

Я вошел в столовую и кратко рассказал Даниилу и Эстер о состоявшемся только что разговоре.

Водворилось молчание, во время которого Эстер подавала чай.

– Типичный случай, – сказал Даниил. – Они хотят обеспечить себе путь к отступлению.

– Он обращается с ней, как со служанкой, рабыней, – заметила Эстер.

– Но, ничего не поделаешь, – ответил Даниил, – необходимо признать тот факт, что преимущественное право мужчины перед женщиной глубоко укоренилось в африканской культуре.

– Эстер и Даниил, – сказал я, – мне жаль, что вынужден сказать вам, что Фатьма живет не с африканцем. Человек, с которым она живет, – европеец. Итак, дело тут не в определенном круге культуры. Это вопрос сердца.

Они молчали. Им было больно, они сочувствовали мне, сознавая, как все это неприятно для меня.

– Даниил, возможен ли такой выход, чтобы она оставила его, подыскала себе работу и жила бы одна?

– Но не в этом городе. Здесь это совершенно невозможно. Мы слишком еще связаны обычаями брака «Сад». В нем нет места для безбрачных.

– Тогда она целиком и полностью в его власти. Родители выставили ее за дверь, когда она ушла к нему. Другой уже не женится на ней, потому что она потеряла девственность. Тогда она совершенно права. Действительно нет никого, кто бы раскинул ей шатер.

– Во всяком случае она должна оставить его, – сказал Даниил, – может быть, она может отправиться к родственникам или к друзьям. Но предположим, что она действительно состояла бы с ним в законном браке, что они зарегистрированы в бюро гражданского состояния или каким-то другим образом. Можешь ли ты в этом случае дать совет на развод?

– Подаст ли врач больному совет умереть? Он будет бороться за его жизнь, пока существует хотя бы искра надежды. Точно так же я стал бы бороться за брак, доколе еще существуют признаки его жизни. Как и за всякое другое живое существо, за его жизнь нужно вести борьбу, а не убивать. С другой стороны, мы вынуждены согласиться с тем, что и брак может умереть.

– А когда же брак мертв?

– Дискуссия о пересадке сердца показала, как тяжело точно определить, когда прекращается жизнь. Гораздо труднее установить смерть брака.

– Я имею в виду вполне определенные браки, в которых любовь уже давно умерла, – сказал Даниил. – Телесное общение тоже давно приостановилось. Осталось только законом утвержденное состояние. Они состоят в браке. Это все. Они, может быть, живут еще вместе, в одном и том же доме, но они идут разными путями. Часто они уже и живут обособленно. Однако они еще не разведены. Так может продолжаться годами. Как мне кажется, такой брак мертв. И все же Иисус сказал:

«Что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мф. 19:6).

– Но вот возникает более глубокий вопрос, действительно ли Бог сочетал их, или же сами они заключили свой брак? Очень часто вина в смерти брака связана с этим, более глубоким, вопросом.

– Мог бы ты, не задумываясь, обвенчать разведенных?

– Нет, не мог бы, только основательно все взвесив, я принял бы решение, но я в состоянии понять и служителей тех церквей, которые придерживаются противоположного мнения. Однако в определенных обстоятельствах я все же могу совершить такой шаг. Во всяком случае я стану венчать только невиновную сторону.

– Я не совсем тебя понимаю.

– Если кто-то утверждает, что он совсем не виноват в крушении своего брака, что во всем виноват партнер, тогда, очевидно, и второй брак его будет неблагополучным.

– Однако встречаются люди, которые действительно не виновны. Представь себе, что партнер начинает пьянствовать.

– Даже и в таком случае вопрос о виновности рассматривается более глубоко. И тут человек предстоит уже не перед своим партнером, а перед Богом. Я всегда буду медлить с бракосочетанием, пока вопрос о виновности не будет решен во всей его глубине.

– Невинна ли Фатъма?

– Честно говоря, виновны ее родители, а затем, конечно, этот мужчина. Однако перед Богом она не невинна.

– Как же ты хочешь помочь ей?

– Я полагаю, что не смогу ей помочь до тех пор, пока она не осознает и свою вину.

Последнее предложение Даниил сказал уже только мне одному. Эстер села в кресло несколько в сторонке, чтобы пить чай, и незаметно заснула.

– Мой «сад» уснул, – прошептал Даниил, улыбаясь.

– Она не является твоим садом, Даниил. Если хочешь, то она твой спутник по шатру. Однако и тебе уже пора ложиться. Не мог бы ты отправить меня в гостиницу?

Когда я брал свой ключ у портъе, он подал мне письмо. Это было письмо от жены.

Она старалась беседовать со мною на этом большом расстоянии.

Однако я не мог радоваться. Перерыв между моим последним путешествием и этим был слишком коротким. Дома было так же прекрасно, как всегда. Однако для настоящего досуга, для совершенной радости супругов друг в друге этого недостаточно. Это тяготило меня.

Собственный шатер мой ослаб. Необходимо было опять натянуть его.

Однако она говорила со мною. У нас, по крайней мере, шатер еще существовал...

Я был еще погружен в глубокий сон, когда меня разбудил резкий звонок. Во тьме я протянул руку к будильнику, но вдруг понял, что это звонок телефона.

Я включил свет.

Было два часа ночи. Я взял трубку. Портье, дежуривший ночью, просил прощения за то, что разбудил меня.

– Здесь в приемной супружеская чета. Они утверждают, что им необходимо сейчас же поговорить с вами.

– Спросите, пожалуйста, у дамы, не зовут ли ее Фатьма?

Он спросил, а затем ответил утвердительно.

– Хорошо, скажите пришедшим, пусть подождут еще минут пять. Я позвоню, когда буду готов.

Она, наверное, уговорила его прийти, подумал я, одеваясь.

Вскоре после того, как я позвонил ночному портье, они вошли в мою комнату.

Я видел уже много красивых африканских девушек, но такой, как Фатьма, я еще никогда не видел. Она была высокой, стройной, на ней было длинное платье, которое носят женщины ее национальности. Она ступала с царственным изяществом и все же с известной сдержанностью. Она сияла опрятностью. Браслет, серьги, ожерелье были подобраны со вкусом и гармонировали с ее платьем, что еще больше подчеркивало тонкие черты ее лица. Вокруг карих глаз лежала тень печали. Мужчина, который

сопровождал ее, был одет по-рабочему, одежда его в некоторых местах была порвана, на ней были масляные пятна. Белую нижнюю рубашку он носил поверх брюк. Это был блондин. Обычно для меня внешний вид человека не имеет значения. Но в данном случае контраст с девушкой, сопровождавшей его, был столь велик, что я, не желая того, заметил, что он не брит и что у него грязные ногти.

Фатьма прежде всего стала извиняться за столь несвоевременный визит. Она намекнула, что боролась с ним до половины второго, пока, наконец, он не согласился прийти вместе с ней.

– Если бы мы не пришли тотчас же, он бы, наверное, опять изменил свое решение.

– Ничего, Фатьма, я рад, что вы пришли. Оба. Затем я обратился к нему:

– Я очень рад, что вы пришли вместе. Это свидетельствует о том, что Фатьма вам не безразлична, господин...

– Называйте его просто Джон, – сказала Фатьма. – Это не подлинное его имя, а всего лишь английское соответствие его имени.

Джон же расселся в кресле, широко расставив ноги и скрестив на груди руки. Его враждебное настроение не удивляло меня. Конечно, он побаивался меня и раздражался, подозревая, что я заранее уже на стороне Фатьмы. Положение усложнялось моим признанием, что я поддерживаю доводы Фатьмы. Одно неверное слово, произнесенное мною, – и он встанет и уйдет.

– Я хорошо представляю себе, что вы побаиваетесь меня.

Ответа не последовало.

– Может быть, вы думаете, что Фатьма обвиняла вас передо мною? Она этого не делала.

Ответа не последовало.

– Она рассказала мне, как хорошо вы заботитесь о ней. Она очень благодарна вам, особенно за то, что вы помогаете ей закончить образование. Я вижу также, что с вашей помощью она может хорошо одеться.

Он пожал плечами.

Фатьма сразу все поняла и пришла мне на помощь.

– Ты очень добр ко мне, Джон. Я не знаю, что бы я делала без тебя. Я действительно очень благодарна тебе. Я только не могу понять, почему мы не можем вступить в брак.

– Все та же пластинка, – сказал он со вздохом, не поднимая глаз. – Для чего нам этот документ? Существуют сотни пар у меня на родине, которые живут без свидетельства о браке, и притом весьма счастливы. У многих имеется это свидетельство, но они несчастны. Счастье не зависит от этой бумаги.

– Но я стыжусь своих друзей. Что я могу сказать им? Замужем я или нет?

– Твои друзья! Твои друзья меня вообще не интересуют.

– Однако они часть моей жизни. Если ты лю-

бишь меня, тогда ты должен любить и моих друзей. Для меня дело не в регистрации, а именно в свадьбе. Я хотела бы устроить большую свадьбу и пригласить человек триста или четыреста.

Джон всплеснул руками.

– Триста человек! – воскликнул он, – как же ты представляешь себе все это? Говорю тебе, что если мы вступим в брак, то устроим очень скромную свадьбу. Только мы да свидетели в бюро загс. Это все.

– Однако люди в нашей стране подумают, что я чего-то стыжусь, что мне необходимо что-то скрывать. А я хотела бы показать, что я горжусь тобою. Такая скромная свадьба считается у нас позором, которого я не могла бы вынести.

Воцарилось молчание.

– У меня впечатление, Джон, – сказал я медленно и осторожно, – что вы совершили шаг, над последствиями которого не задумывались.

– Какой же я шаг совершил? – спросил он меня небрежно и несколько насмешливо. Но я был рад уже тому, что вовлек его в разговор.

– Тот шаг, что вы взяли Фатьму к себе. Видите ли, если вы избрали себе девушку этой страны в жены, то избрали не только отдельную личность. Вы избираете ее со всеми ее вкусами, воспитанием, склонностями, антипатиями, обычаями, нравами – короче, с ее культурной средой. Из сегодняшнего разговора я заключил, что вы любите Фатьму как отдельную личность, вы полюбили ее внешний

вид, ее характер, однако вы не приняли ее вместе с ее культурой.

– Я люблю ее, – сказал он упрямо и недружелюбно.

– Да, я это уже понял. Однако подлинно любить – значит любить не только как отдельную личность, а все, что с нею связано, что она привносит в жизнь. Большая свадьба относится к требованиям ее культуры. Если вы женитесь на девушке этой страны, тогда вам необходимо это знать. Вам необходимо подготовиться к тому, чтобы принять Фатьму вместе с ее культурой, притом не неохотно, вопреки вашей воле, а добровольно.

Он опять не сказал ни слова. У меня создалось такое впечатление, что для него это были исключительно новые мысли.

– Видите ли, – продолжал я, – брак – всегда известное бремя. Ответственность, которую необходимо нести. Так случается и в нормальных обстоятельствах. Может быть, это дополнительное бремя, обусловленное различием культур, представляется вам слишком большим. Речь здесь не о проблеме цвета кожи. Эти браки бывают неудачны оттого, что один супруг не полностью принимает второго вместе с его культурой. Это проявляется и в до смешного ничтожных мелочах, например, в любимых блюдах, в их приготовлении; но это неприятие усугубляется, если один в другом обнаруживает совершенно другое понимание жизни, другой взгляд на мир и на вещи.

– Неужели все эти браки терпят крушение? – хотела узнать Фатьма.

– Нет, – сказал я, – но если они и удаются, то только тогда, когда оба супруга длительное время жили в условиях той культуры, в которой они думают оставаться. Если, например, европейская девушка прожила лет десять в Африке и познакомилась там с семьей своего будущего супруга, тогда она вполне способна принять зрелое решение, потому что определенно знает, что ее ожидает; и тогда такой брак удается. К сожалению, так редко бывает. Если африканец женится на белой девушке, с которой он познакомился в Европе или в Америке и которая никогда прежде не бывала в Африке, то эта девушка, несмотря на всю добрую волю и честные намерения, в большинстве случаев совершенно не способна приспособиться к этой среде, по крайней мере, не в той степени, чтобы быть счастливой.

– Это значит, что она попыталась сделать шаг значительно больший, нежели позволяет ей ее юбка, – пошутил Джон и рассмеялся над своей шуткой.

Я был рад, что он казался менее напряженным, а потому и решился сказать:

– Весьма возможно, что оба вы намереваетесь сделать одну и ту же ошибку.

– Но мы любим друг друга, – настаивал Джон. Он посмотрел на меня, как маленький мальчик, который боится, что у него отнимут его игрушку. Он подтянул свои ноги и сел прямо.

– Да, только брак значительнее любви. Бесконечно значительнее. Он состоит не только из лунного сияния и роз, но еще и из грязной посуды и пеленок.

– Из пеленок, – Джон потянул носом, как будто испытывал отвращение.

– Неужели не хотите детей?

Он отрицательно покачал головой.

– А вы, Фатьма?

– Я очень люблю детей и хотела бы иметь много детей.

– Вот видите, и в этом у вас нет единодушия, – заметил я. – Какие у вас вообще планы, Джон? Намереваетесь ли вы остаться в этой стране?

– У меня договор с правительством, но он истекает в следующем году.

– А затем?

– Я еще не знаю. Может быть, куда-нибудь уеду. В Южную Америку или в Японию.

Фатьма вздрогнула.

– Я полагаю, что вы пожелаете взять с собой и Фатьму?

– Как вам могла прийти в голову такая мысль?

– Потому что вы только что сказали, что считаете себя супругами, которые счастливы и без свидетельства о браке. Если человек счастлив, тогда он не хочет оставить свое счастье.

Он опять пожал плечами. Но тут всплыла Фатьма:

– Ты никогда не рассказывал мне, что договор

твой истекает. Я до сих пор всегда полагала, что ты всю свою жизнь проведешь в моей стране.

Джон внезапно встал.

– Гуд бай, сэ. Нам нужно идти. Уже поздно, или лучше сказать – рано? Премного благодарю вас.

– Еще одно слово, – ответил я, взяв его за руку и глянув ему прямо в глаза, – прошу вас, Джон, решитесь ради Фатьмы. Если вы хотите взять ее с собой, тогда скажите ей об этом. Если же вы этого не хотите и предполагаете разойтись с ней по истечении срока вашего договора, тогда тоже скажите ей об этом. Перестаньте, пожалуйста, играть в прятки и раскройте свои карты.

– Большое спасибо, – сказал он холодно.

– Далеко ли ваш дом? – спросил я собственно для того, чтобы разрядить обстановку.

– Сразу за рекою. – Затем он покинул комнату. И Фатьма последовала за ним, не взглянув на меня.

Я опять лег, но мне не спалось. Мысли мои никак не могли успокоиться.

Через несколько часов я встал и заказал завтрак в комнату. Затем я прочел еще раз письмо жены, которое получил накануне. Я прочитал его и отложил в сторону, пытаясь привести в порядок заметки по предстоящей лекции. Одновременно я бросил взгляд на тетрадь под заглавием «Как обращаться с ищущими совета удрученными?»

Таким ищущим совета, находящимся в угне-

тенном состоянии, был и я. Мысли, обременявшие меня вечером, сегодня утром еще больше угнетали. Я попытался продолжить работу у письменного стола, но не смог. «Жену следовало бы утешить, – подумал я. – Да, это необходимо. И что я жду от нее? Чтобы она поняла меня. Чтобы она поняла, что труд мой требует частых отлучек».

Но она не сможет меня понять, если ее не утешить. С другой стороны, я не смогу утешить ее, если не почувствую, что я понят. Какой-то заколдованный круг.

«Благодарю за то, что слушаешь меня», – заканчивалось ее письмо. Но действительно ли я слушал ее? Делаю ли я это теперь?

И все-таки – она говорит со мною. Она делает именно то, чего не могут сделать Фатьма и Джон. И даже Мириам и Тимоти не делают. И не всегда Даниил и Эстер. Эта мысль помогла мне. По крайней мере, мы разговаривали друг с другом в своем «шатре». Даже теперь, когда полотнища шатра ослабли.

Я раскрыл Библию и прочел псалом 26. Каждое слово его представлялось мне освежающим напитком: «Если ополчится против меня полк, не убоится сердце мое... ибо Он укрыл меня в скинии Своей...»

Слова эти никогда прежде не поражали меня. Но сейчас они вдруг громко проговорили ко мне. Громко и слышимым образом. «Скиния Его, – подумал я. – Это не наш шатер, это Его скиния. Мы в Его шатре. Его шатер никогда не ослабнет».

Когда я закончил завтракать, зазвенел телефон. Это опять была Фатьма.

– Откуда вы звоните?

– Из дому.

– Почему же вы не в школе?

– Он сказал, чтобы я сегодня выпалась. Он был более внимателен, нежели когда-либо прежде.

– Запер он вас опять на ключ?

– Да. Я как птица в клетке. Он очень ревнив. А ревность является признаком любви?

– Особого рода любви. Это присваивающий боязливый и незрелый род любви. Зрелая любовь, напротив, обладает доверием. Она предоставляет другому свободу.

– Как вы думаете, он доверяет мне?

Неужели до сих пор ей это еще не ясно?

– Если бы вы были уверены в этом, вы не стали бы спрашивать.

Она уклонилась от ответа и переменяла тему разговора:

– Мне бы очень хотелось знать, что вы думаете о нем. Вот поэтому я и позвонила вам.

– Мне просто стыдно сказать вам правду, Фатьма.

– Стыдно? Но почему же?

– Мне стыдно, как европейцу. Вы были так хорошо одеты, опрятны, элегантны, а он пришел в своей грязной рабочей одежде. Мне думается, что он не умыл даже рук. Разве вас не отталкивает порою его внешность?

– Да, конечно. Но я думаю, что любовь должна преодолеть и это. А я люблю его, и он любит меня.

Она крепко держится за былиночку, подумал я.

– Да, Фатьма, это вполне возможно. Но вы думаете о совершенно различных вещах, когда говорите друг другу: я люблю тебя. Он помышляет о сексе, тогда как вы думаете о браке. А это совершенно разные вещи.

– Вы думаете, что мы идем в разных направлениях?

– Вы не создаете шатра совместно. Конечно, один шест вы поставили, или по крайней мере так думаете, – вашу любовь. Но затем он поставил еще один шест справа, а вы – слева. Но так вам никогда не удастся раскинуть шатер.

– Как вы думаете, какие у него намерения?

– Я думаю, что он еще не принял решения, и опасаясь, что он вообще не хочет ничего решать. Поэтому положение ваше оказывается очень тяжелым.

– Вы думаете, что он меня бросит, когда закончится срок его договора?

Совершенно очевидно было, что она не извлекала или не хотела извлечь никаких выводов из его замечаний.

– Никакая сила в мире не сможет заставить его жениться на вас, и ничто не воспрепятствует ему оставить вас.

Молчание.

– Если быть совершенно откровенным, я даже желал бы, чтобы он оставил вас.

Когда я говорил это, то чувствовал, что эти слова, резали как нож...

– Но если он оставит меня, тогда я окажусь перед... ничем, тогда только бездна. Куда же мне тогда уйти?

В шатер Божий, подумал я. О, если бы только я мог исцелять после того, как нанес рану.

Она уже не пыталась более скрыть своих слез. Голос ее захлебывался в рыданиях.

– Гуд бай, пастор, – сказала она.

– Фатьма, – воскликнул я быстро, – знаком ли вам псалом 26?

Я не был уверен, что она повесила трубку, прежде чем я это сказал.

Мириам и Тимоти опоздали на полчаса. Они объяснили опоздание тем, что Тимоти не мог уйти раньше.

– Хорошо, – сказал я, – тогда приступим сразу к делу, потому что Морис скоро увезет меня. Меня особенно удивляет тот факт, что у вас явно не было возможности говорить друг с другом. Тимоти не знал, сколько лет вам, Мириам, какое у вас образование и сколько вы зарабатываете. Фактически мне было гораздо больше известно о вас, нежели ему. Как вы это объясните?

– У нас был короткий разговор, прежде чем мы

пришли сюда, – сказала Мириам, – и мы тоже хотели бы приступить к делу без обвиняков.

Интересно было то, что отвечала она, а не он.

– Мы уже начали со стороны секса.

После этого заявления наступило короткое молчание. Я понимал, что для такого открытого признания требовалось известное мужество. Однако честность ее мне очень понравилась.

– Я уже сказала вам, что по нашим обычаям мы не можем встречаться, разве только, если помолвимся. Через четыре недели после нашей помолвки мы вступили в интимные отношения.

– Но почему же вы не можете поговорить друг с другом?

– Для этого много препятствий. Интимные отношения оказались вскоре главной причиной наших встреч. Всякий раз, когда мы встречались, мы знали, чем эта встреча закончится. Мы думали только об одном. Все остальное казалось второстепенным.

– Но теперь, Тимоти и Мириам, вы должны объяснить мне то, что я не совсем понимаю.

– Охотно.

– Вы говорите, что по вашим обычаям у вас нет возможности встречаться, если вы не помолвлены.

– Правильно.

– Необходимо ли по вашим обычаям вступать в интимные отношения, как только вы помолвитесь? Пастор Даниил рассказывал мне, что девственность очень высоко ценится по этим же обычаям.

– Да, – ответил Тимоти, с несколько смущенной улыбкой. – Видите ли, мы принадлежим к младшему поколению. Мы, молодые люди сегодняшнего времени, более современны. Мы за прогресс. Мы считаем старые традиции необязательными.

– Именно это я и хотел услышать, – сказал я. – Доколе сватовство отвечает вашим собственным желаниям, до тех пор вы остаетесь «африканцами», до тех пор вы медлите обручаться, не познакомившись. Когда же сватовство не отвечает вашим желаниям, тогда вы вдруг становитесь «современными» и «прогрессивными» и выбрасываете за борт старые обычаи. Знаете ли вы, как мы называем все это по-немецки?

Конечно, они не знали этого.

– У нас имеется весьма меткое выражение. Мы называем такого человека «сверлильщиком тонких досок». Это человек, который ищет самое тонкое, самое слабое место в доске, чтобы сделать отверстие.

Мириам взяла карандаш и попросила меня, чтобы я произнес эти слова по буквам. О, опять это была она, проявившая достаточно интереса к тому, чтобы запомнить новое выражение.

– Может быть, я слишком суров с вами?

– Пожалуйста, будьте суровы по отношению к нам. Я была бы рада, если бы мои родители столь сурово разговаривали со мною.

– Но они никогда ничего не говорят. Они только постоянно в чем-то нас подозревают.

– Хорошо, тогда позвольте мне быть суровым. Вначале вы сказали следующее: «В нашем обществе совершенно невозможно встречаться молодым людям разного пола. Мы не можем поговорить друг с другом, если мы не помолвлены». Но вот вдруг, оказывается, вполне возможно спать друг с другом, отбросив в сторону всякие табу, налагаемые обществом. Почему же так трудно поговорить друг с другом и так просто спать друг с другом? Они потупились. Наконец Мириам сказала:

– Это не так просто. Единственное место, которое мы могли найти, было в автомобиле.

– Какой прогресс, – воскликнул я. – Вы настоящие европейцы или американцы.

– Но это была единственная возможность, – сказал Тимоти. – Ее семья очень строгая и моя тоже.

– Но, несмотря на всю строгость, вы все же нашли такую возможность, – сказал я. – Если бы вы действительно хотели, то нашли бы место, где вы могли бы поговорить друг с другом, не обручаясь. Почему же вы с самого начала оказались менее африканцами, а более современными? Почему вы не могли подождать с физическим общением?

– Потому что мы,.. – медлил Тимоти, но Мириам пришла ему на помощь. Она развернула бумажку, на которой она записала трудное немецкое слово и сказала, медленно и тщательно читая по слогам, с редко встречающейся иронией над собой: «Потому что мы сверлилищики тонких досок».

Мне стало легче, что она таким именно образом реагировала на мою атаку.

– Но, несмотря на все это, я не раскаиваюсь, – сказал Тимоти. – Просто неверно то, что вы сказали вчера, что секс без брака губит любовь и даже превращает ее в ненависть. По крайней мере, в нашем случае это не так. Наша любовь только углубилась. Это было прекрасно.

Я посмотрел на Мириам. Она взяла Тимоти за руку, как бы желая, чтобы слова ее не ранили его. Но все же она сказала едва слышно:

– Может быть, для тебя, но не для меня.

– Тебе это не казалось прекрасным? – Тимоти казался удивленным. – Что же было не прекрасно?

– Все. Место, торопливость, необходимость таиться, страх перед тем, что могут увидеть, ведь кто-то может подойти и заглянуть в окно. Автомобиль не шатер, в котором можно укрыться.

Тимоти глубоко вздохнул. Мир для него пошел кругом. А Мириам продолжала: «Несмотря на все предосторожности, я никогда не могла избавиться от страха перед беременностью. Нет, все это не «прекрасно».

– Я же тебе сказал, чтобы ты принимала таблетки.

– Незамужней девушке отправиться к врачу и просить у него рецепта? Я еще не такая уж современная.

– Я предлагал тебе своевременно кончать акт, но ты тоже не хотела.

– Но ты же знаешь, почему. Ты приводишь меня всякий раз в состояние крайнего напряжения, и я никогда не могу по-настоящему удовлетвориться. Я просила тебя покупать презервативы, но ты стеснялся идти в аптеку.

– Да, потому что там чаще всего обслуживают девушки. Кроме того, презервативами пользуются обычно, когда отправляются к проституткам, а ведь ты для меня, Мириам, не проститутка.

– Я не упрекаю тебя, Тимоти, – сказала Мириам с такой нежностью, какую только она могла проявить. Она судорожно схватилась за его руку. – Я пытаюсь только объяснить тебе, почему все это не прекрасно.

– Тогда почему же ты не сказала мне об этом?

– Я думала, что тебе это нужно, в противном случае ты разочаруешься и станешь сомневаться в моей любви.

Тимоти опять вздохнул. В течение какого-то времени они ничего не говорили. Я преднамеренно не прерывал их, радуясь, что они, наконец, начали говорить друг с другом, притом честно и откровенно. Вот поэтому я и сказал:

– Я предлагаю, чтобы вы пошли сейчас и все между собой обсудили; теперь необходимо вам принять решение. Однако очень возможно, что эти более или менее неудовлетворенные переживания сопряжены с этой неуверенностью в ваших чувствах.

– Как же нам узнать, что мы любим друг друга? – спросили они одновременно.

– На этот вопрос я попытаюсь ответить сегодня вечером, – пообещал я.

Как только Тимоти и Мириам ушли, в комнату вошел Морис. Появление его всецело увлекло меня в сферу его интересов. Походка его была решительна, как и манера говорить, но без попытки произвести впечатление. Когда я беседовал с ним, я чувствовал его интеллигентность, но он никогда не подчеркивал свой интеллект. Однако в его поведении замечался некоторый контраст. С одной стороны, он был настоящим мужчиной, а с другой стороны, казался совершенно беспомощным. Его зрелый способ выражать свои мысли часто сопровождался юношеской улыбкой.

– Где же вы оставили свою мать?

– Она ждет внизу, в автомобиле. Я сказал ей, что мне нужно с вами о чем-то поговорить. Она решила остаться внизу, так как все равно не понимает по-английски. Вы вспоминаете мой вопрос: как мне заговорить с девушкой?

– Морис, неужели это так трудно? Будьте же просто самим собой. Не пытайтесь казаться интересным. Не пытайтесь выдавать себя за кого-то, кем вы не являетесь. Вместо этого проявите интерес к девушке. Спросите ее о самом любимом ее занятии, о семье, об ее наклонностях. Побеседуйте с ней о книгах, которые она читала, или о фильмах, которые она видела. Вам необходимо найти общую область интересов и говорить об этом.

– Как будто все это так просто!

– Морис, вам уже тридцать четыре. Скажите, пожалуйста, неужели у вас никогда не было подруги?

– Да, но я не хотел на ней жениться.

– Почему же?

– Я отправил ее к врачу на обследование. Оказалось, что она уже не девушка.

– И потому вы оставили ее?

– Да.

– И какова ее судьба?

– Я не знаю. Вы думаете, что это плохо?

– Морис, третьего дня вы показывали мне кварталы, где живут проститутки. Разве ваша подруга не могла бы оказаться там? Вы же толкнули ее на тот путь, от которого хотели защитить свою мать.

Морис ничего не сказал.

– Что меня особенно волнует, так это двойная мораль. Девушки должны оставаться девственницами. А вот мужчинам необходим секс. Это так непоследовательно. Так несправедливо. Это так типично для представления о браке «Сад». Друг мой, я хотел бы порою, чтобы и мужчины беременели.

– Но вам не кажется, что до брака следовало бы обогатиться каким-то опытом? Ведь нельзя же совершенно неопытным вступать в брак.

– Каждый вступает неопытным в брак, Морис. Видите, каждый человек – индивидуум и не похож на остальных, а потому каждая чета вдвойне не похожа на остальных. По этой причине предбрачный опыт превращается скорее в бремя для брака,

нежели в помощь ему. Остается одно из двух. Или человек вступает в брак неопытным, или же он вносит в него обременяющий опыт.

Однако извините меня, нам уже необходимо идти, как мне кажется. Лекция начинается в половине седьмого.

Когда мы спускались по лестнице, Морис спросил:

– Почему же, собственно, так трудно убедить молодых людей в том, что предбрачные эксперименты их приносят только отрицательный опыт?

– Потому что они поймут это только тогда, когда обогатятся положительным опытом.

– Следовательно, вы не думаете, что это сопряжено с половыми потребностями?

– Прежде всего это вряд ли сексуальная проблема. Им нужен кто-то, кому они могли бы так доверять, что в состоянии были бы заимствовать у него истину, сознавая, что у них нет еще собственного опыта. Они должны верить ему, что он ничего не утаивает от них, а хочет помочь им достичь стоящей цели. Однако у большинства нет никого, кому они могли бы вполне доверять. Вот в чем проблема.

Мы подошли к автомобилю. Мать Мориса вновь меня приветствовала с большой любезностью и вежливостью.

– Спросите ее, что она думает о треугольнике, – сказал я Морису по дороге в церковь.

Шилах, так звали его мать, говорила много. Мо-

рис, слушая ее, улыбался, а затем все обобщил для меня:

– Она вообще не думает о треугольнике. Она представляет себе скамеечку на трех ножках.

– Скамеечку?

– Да, своего рода треножник. Это низенькая скамеечка с тремя короткими ножками. Старшее поколение предпочитает сидеть на ней. Такая скамеечка никогда не опрокинется, пока у нее все ножки. Она не опрокинется и тогда, когда ножки не равной длины, или если она стоит на неровном полу. Если же убрать одну ножку, она сразу опрокидывается.

– У вас чудесная мать, Морис. Скажите ей, что я нахожу ее сравнение замечательным, только спросите ее, считает ли она и многоженство тоже трехножной скамеечкой.

Он перевел ей сказанное; она ответила.

– Она утверждает, что полигамический брак всегда хромает. Он всегда рушится. Она никогда не согласилась бы быть второй женой. Лучше уж умереть.

– Взгляды более молодых женщин тоже таковы?

– Не только женщин, но и мужчин. В общем, младшее поколение отвергает сегодня многоженство, за исключением, может быть, некоторых богатых деятелей. Остальные предпочитают жить с одной женой. Только многие не знают, как это сделать.

– Скажите своей матери, что в Америке и в

Европе встречаются люди, которые сегодня опять хотели бы ввести многоженство.

– Она хотела бы знать, почему, – перевел Морис замечание матери.

– Они полагают, что так разрешилась бы проблема безбрачных и вдов, одновременно и брачная жизнь формировалась бы более разнообразно.

Морис объяснил все это своей матери. Шилах что-то ответила, от чего Морис громко рассмеялся.

– Что же она сказала?

– Этого нельзя перевести. Она воспользовалась сильным выражением, что-то вроде: «Неужели все они сошли с ума? Они не знают, что говорят».

6.

Когда мы приближались к церкви, люди шли уже навстречу нам.

– Церковь полна, – заметил Морис. – Люди возвращаются.

Он был прав. Все скамьи были заняты, коридор и проходы между скамейками были забиты людьми. Нам потребовалось время, чтобы пробраться вперед. Даже вокруг алтаря были расставлены стулья полукругом; на них сидели пожилые люди, которые держались с достоинством.

Мною опять овладело стеснение. Правда, я был уже знаком с некоторыми проблемами, но далеко не со всеми. Я не мог судить о том, каким воздействием обладали мои слова, пробуждали ли они надежды или вызывали сомнения. Эта ответственность удручала меня.

Когда Даниил оказался рядом со мною на кафедре, я почувствовал себя увереннее.

Затем я заметил Фатьму. Она сидела на женской стороне в последнем ряду. Ее лицо, с вопрошающими и исполненными ожидания глазами, явно отличалось от других. Я тихо помолился о слове, которое могло бы помочь ей.

«Вчера мы рассуждали над вопросом, с какой стороны лучше всего подойти к браку, и я предложил вам два ответа на этот вопрос – традиционный и современный.

Сегодня мы услышим библейский ответ на этот вопрос. Чтобы найти его, нам необходимо обратиться к первым словам нашего ключевого текста:

«Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут (два) одна плоть».

Чтобы понять слово «потому», необходимо хотя бы на мгновение вспомнить о том, что этот стих является заключением одного повествования. Это весьма известное и часто высмеиваемое повествование. Оно сообщает нам о том, как Бог дал человеку, которого Он сотворил, «помощницу», «соот-

ветствующую» ему, равноценное визави, которое соответствует ему и которое дополняет его.

«И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребр его, и закрыл то место плотию. И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку. И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа» (Быт. 2:21–23).

Эта история пластичнее других – хотя словами это трудно выразить – описывает действительность любви: взглянув впервые на женщину, мужчина уже чувствует: «Мы принадлежим друг другу!» Это он восклицает с воодушевлением.

Как случается, что противоположный пол непрестанно тоскует друг по другу? Как объяснить, что мужчину и женщину, словно магнитом, влечет друг к другу? Ответ таков: они созданы – как об этом свидетельствует та резьба по дереву, которую я показывал вам третьего дня, – из одного и того же куска, это две части одного целого, стремящиеся друг к другу, чтобы взаимно дополнять друг друга, чтобы составить одно целое. Они хотят быть «одной плотью». В этих стихах прежде всего вполне конкретно говорится о телесном дополнении друг друга.

И сила, которая постоянно стремится к достижению этой целостности, – любовь.

Вот поэтому, из-за любви, следует оставить родителей, прилепиться друг к другу и составить одно.

Если мы обратимся с этим вопросом к Библии, чтобы узнать, с какой стороны нам следовало бы начинать, она ответит: со стороны любви, со стороны «прилепления». Таким образом устраняется также недоразумение, будто трезвучие «оставить – прилепиться – быть одной плотью» рекомендует временную последовательность.

Любви даровано величайшее обетование приводить в движение динамическую игру сил – возбуждать и развивать ее.

Существует еще и другая причина, почему Библия советует нам входить через дверь любви. Как общественно-правовой акт бракосочетания, так и акт полового общения создают не подлежащие отмене факты, от которых никто уже не в состоянии отступить. О них можно сказать то же, что говорит французский поэт Поль Клодель о цветении вишни или об открытии Америки: «В нашей жизни существуют редкие и драгоценные переживания такой важности и такой силы, что отменить их уже нельзя».

Для ищущей любви, которая размышляет еще о том, следует ли ей принять решение «прилепиться» и хранить верность, существует возможность отступить. Если даже она приняла решение, если обещанием верности она согласилась на союз, но спустя некоторое время почувствовала, что это ошибочное решение, она в состоянии повернуть обратно. Для обрученных все еще существует – как раз ради любви – возможность расторгнуть обруче-

ние, предоставить друг другу желаемую свободу, не причиняя друг другу неисцелимых ран и не нанося постоянного ущерба».

В это мгновение я не мог не обратить внимания на Мириам и Тимоти. Я заметил их в последнем ряду на мужской стороне. Мириам была единственной девушкой, которая сидела на этой стороне. Итак, обычаи тоже можно обойти, если хочется, подумал я.

«Любовь – это дверь, через которую вступают во взаимный союз, а в случае необходимости – хотя и с болью – через нее можно также выйти.

Акт же бракосочетания является окончательным. Этот акт – тоже дверь, которая захлопывается, а внутри нет ручки, чтобы открыть ее. Конечно, и эту дверь можно взломать. Однако это сделать значительно тяжелее, и с этим сопряжены серьезные последствия.

Равным образом необратимым является и половой акт. Люди, вступившие в половую связь, несколько отличаются состоянием своей личности от оставшихся неприкосновенными. Они уже не могут относиться друг ко другу так, как те, что не совершили его.

Библия утверждает, что половой акт создает из двух личностей одну чету. Так случается даже в том случае, если у них не было намерения вступать в брак. Апостол занимает в этом отношении весьма ясную, определенную позицию: «Разве не знаете, что тела ваши суть члены Христовы? Итак

отниму ли члены у Христа, чтобы сделать их членами блудницы? Да не будет! Или не знаете, что совокупающийся с блудницею становится одно тело с нею? ибо сказано: «два будут одна плоть» (1 Кор. 6:15–16).

Когда я произнес это предложение, в задней части зала началось движение. Кто-то встал и хотел выйти. Однако опоздавшие посетители блокировали вход, а потому возникло некоторое беспокойство. Люди в передних рядах начали оборачиваться.

Тогда-то я увидел, кто хотел выйти. Это была Фатма.

С этого момента я потерял покой. Я старался внушить себе, что ей необходимо в школу, так как мы позже начали лекцию; я убеждал себя, что она не хочет опоздать к Джону. Однако это объяснение не вполне успокоило меня. У меня создалось впечатление, что тут что-то неладно. В конце концов, однако, у меня нет выбора. Нужно продолжать проповедь. Немного подумав, я сказал:

«Павел говорит далее: «А соединяющийся с Господом есть один дух с Господом». Для такого человека открываются даже в безвыходном положении совершенно новые и непредвиденные возможности.

Лучше всего, однако, войти дверью любви, потому что этот шаг является необратимым. Поэтому раскрывающий перед нами историю творения настоятельно предлагает нам начать любовью. Начинать бракосочетанием или половым актом

крайне рискованно. Расставаясь, можно причинить другому и самому себе раны, которые не заживут в течение всей жизни.

Отсюда и возникает практический вопрос. Я знаком со многими молодыми парами, которые говорят: и мы хотели бы войти дверью любви, но как нам узнать, достаточно ли глубока наша любовь для того, чтобы «прилепиться» на всю жизнь, для безусловной верности? Как нам узнать, что наша любовь достаточно созрела, чтобы дать брачное обещание жить совместно, пока не разлучит нас смерть? Если любовь нельзя проверить сексом, тогда чем же?»

Затем я перечислил несколько проверочных тестов*, с помощью которых можно проверить нашу любовь на истинность. В заключение я сказал:

«Старая английская пословица утверждает, что любовь необходимо проверить зноем лета и стужей зимы, т. е. не только промежутком времени в один год, а способностью устоять во внешних и внутренних бурях, в плохую погоду, во всяком состоянии сердца.

Весьма важно видеть друг друга не только по праздникам и в праздничной одежде, но и в будни в рабочей одежде, когда человек не брит, не причесан у парикмахера, а также в обстоятельствах, которые стоят нервов или вызывают печаль.

Последнюю и, может быть, самую серьезную проверку я назвал бы тестом времени.

Проверена ли наша любовь тем, что мы назвали

зном лета и стужей зимы? Достаточно ли давно мы знаем друг друга?

В заключение я хотел бы еще раз со всей ясностью подчеркнуть, что секс не является проверкой любви».

В этот момент меня прервали. Морис что-то сказал Даниилу на своем родном языке, что, очевидно, удостоилось одобрения многих. Даниил объяснил мне, что просят написать на доске тесты любви. Я согласился. Мы спустились с кафедры и подошли к доске. Я написал английский тест на левой стороне доски, Даниил – перевод на правой стороне.

Для этого нам потребовалось время. Хорошо, однако, подумал я, что африканцы никогда не торопятся.

Многие делали себе заметки. Даниил обнаружил потом, к своему ужасу, что из-за недостатка писчей бумаги многие воспользовались песенниками, чтобы записать тесты любви.

В заключение я написал большими буквами под цифрой 6 следующее: секс не является проверкой любви.

Затем я объяснил: «Секс не является проверкой любви потому, что эта проба ничего не говорит о любви, и тем более о том, созрела ли эта любовь для брака. Мы ведь хотим испытывать безраздельную радость от полового соединения. Однако для этого надобно, чтобы оно образовало с браком и любовью одно целое. Нельзя испытывать полную

радость на основании какой-то изолированной части.

Успех полового акта не дает оснований делать вывод о наличии истинной любви. С другой стороны, по неумехе его нельзя судить о том, что партнеры не любят друг друга или не могут любить друг друга.

Сделаем еще шаг вперед. То, что, казалось бы, следовало проверить с помощью секса, как раз и гибнет от этой проверки. Для этого поясняющее сравнение: кто хотел бы понаблюдать за собой во время засыпания, тот не сможет уснуть. Если же он действительно уснет, тогда он не наблюдал за собою.

Дело с половым актом обстоит точно так, как с тестом любви. Если воспользоваться им как тестом, тогда ясно, что проверяющие не любят друг друга. Если же они любят друга друга, тогда они не используют его в качестве теста. Любовь ради самой себя требует, чтобы любящие не подвергали сексуальные переживания тестированию, дожидаясь того времени, когда их можно будет вовлечь в динамику брака.

Тут прежде всего девушка должна помочь юноше, содействуя тому, чтобы стремительное и прямо к цели направляющееся желание сексуального соединения переросло в любовь. Юноша втайне на это надеется, и потому учитывает, сознательно или несознательно, возможность сопротивления девушки – как раз потому, что он любит ее.

Девушке поэтому надо постичь великое искусство сказать свое «нет», не ранив и не отвергнув юношу. При этом она узнает, что решительное и определенное «нет» действеннее пространных объяснений и вообще всяких извинений. Честный комплимент может означать гораздо большее, нежели объятия.

Усвоение этого искусства зависит от того, удастся ли девушке сочетать две вещи: ласку любви и сдержанность.

Одно без другого – недостаточно. Часто порядочные и благочестивые девушки думают, что они только в том случае будут отвечать воле Божией, если подавят в себе всю женственность, одеваясь и причесываясь по возможности самым непривлекательным образом. Другая крайность состоит в том, что девушки подчеркивают свою привлекательность, которая не сочетается со сдержанностью и которая увлекает молодого человека в область приключений.

Как раз сочетание привлекательности со сдержанностью составляет прелесть и очарование, благодаря которой девушка для истинно любящего еще более становится достойной любви, и в итоге он охотно соглашается на самое большое – ждать.

Заметим, что стыдливость девушки удерживает молодого человека от необдуманного поступка. Я хотел бы ободрить девушек, пусть не считают свое естественное чувство стыдливости чем-то старомодным, несовременным и даже болезненным,

пусть относятся к нему как к дару и поставят его на служение любви. Никто, в том числе и молодой человек, не должен бояться чувств стыда».

В церкви установилась полнейшая тишина. Я все еще стоял вместе с Даниилом у первой скамьи. Отсюда как-то легче было говорить, нежели с кафедры. Я был несколько ближе к людям. Это облегчало контакт с ними.

«Представим теперь себе чету, которая входит во взаимную связь не со стороны секса, а со стороны любви. Положение ее совершенно другое, а нам необходимо тщательно отличать оба положения друг от друга.

Наша чета вполне уверена в своей любви. Они годами были знакомы друг с другом, у них было достаточно времени проверить свою любовь. У них не развились эгоистические мотивы, а своего рода «мы-чувство», чувство принадлежности друг другу, и они начали совместно составлять планы. Любовь их превратилась для них в источник силы и мужества. Взаимное уважение постоянно углублялось. Они воспринимают друг друга такими, какими являются в действительности, они уже достаточно поспорили друг с другом и пережили времена кризисов, знают, что могут прощать друг друга.

Так они достигли пункта, в котором способны дать друг другу обещание верности на всю жизнь. Они обручаются.

А теперь они оказываются перед серьезным решением: следует ли им сперва вступить в брак, а затем уже лечь в одну постель, или же им следует сначала лечь в постель, а затем уже вступить в брак?»

Я остановился. Затем, посмотрев на молодежь, спросил: «Что же вы думаете?»

Я словно вытащил пробку из бутылки: все вдруг разом заговорили. Даниилу стоило немалого труда установить тишину. Наконец я получил возможность продолжить:

«Для наших обрученных секс не был бы более испытанием любви, а выражением любви, решившейся на брак. Вполне понятно, что они задаются вопросом: почему же тогда нам не выражать своей любви и телесным образом? Неужели для этого нам следует вначале получить в бюро гражданского состояния соответствующее разрешение? Неужели все дело в каком-то кусочке бумаги? Неужели брак возникает, благодаря свидетельству о браке?»

Конечно, нет. На этот вопрос следует дать столь же отрицательный ответ, как на безумный вопрос: возникает ли человеческая жизнь благодаря свидетельству о рождении. И все же, свидетельство о браке – это более, нежели кусочек бумаги.

Свидетельство о браке защищает брак по закону. Тот, кто попытается установить брак без регистрации, будет постоянно находиться в сомнительном положении перед законом. А ясность юридическо-

го положения весьма существенна для развития динамики брачного «треугольника».

Обрученные, начинающие брачную жизнь еще до свадьбы, чаще всего упускают из виду весьма важный факт, а именно: что человеческая жизнь полна всяких неожиданностей.

Могут ли они быть абсолютно уверенными, что непременно вступят в брак? А если кто из них раньше умрет? Или несчастный случай? Грипп? Инфаркт? Тогда оставшуюся в живых сторону следует считать «овдовевшей»? Обладает ли она правом наследования? А если девушка останется беременной, какую же фамилию будет носить родившийся ребенок?

Эти вопросы свидетельствуют о том, что свидетельство о браке – это больше, нежели просто кусок бумаги. Полная ответственность за другого требует законности.

Значит, иначе говоря, подавить всякую нежность? Сперва отправиться в бюро гражданского состояния, а затем со дня на день ожидать великого откровения? Нет. Это действительно было бы довольно странным поведением и столь же опасным для динамики, как и бездумно отказаться от законной действительности.

Ответ таков: ни направо, ни налево. Тайна любящих состоит в способности двигаться одновременно и в этом, и в другом направлениях, последовательно переходя от этапа к этапу.

Всякое углубление интимности и нежности дол-

жно идти рука об руку и в направлении ответственности и верности. Выйдя из исходной точки любви, нужно достичь одновременно обе цели – бракосочетание и половое общение.

Как далеко можно продвинуться вперед, чтобы не уйти слишком далеко? Только с точки зрения этой двойной цели и следует отвечать на этот вопрос. Всякая нежность, которая не соответствует определенной мере верности и ответственности, а опережает ее, является предвосхищением, которое ставит под угрозу игру сил. Мера любви и ответственности решает вопрос ценности и смысла нежности».

Здесь я прервал себя, попросив Даниила кратко сообщить, как ведет себя молодежь в городе в этом отношении.

Он справился с этой задачей искусно и с юмором. Прерываемый хохотом, он описал, как девушка часто совершенно несерьезное объяснение юноши в любви немедленно вознаграждает сравнительно огромной мерой нежности и интимности, что игра эта повторяется, пока оба не вступят в половую связь, хотя еще не в состоянии нести за нее полную ответственность.

«Таково же положение и многих обрученных в Европе, – добавил я. – Условия современной жизни, а также более разнообразный труд требуют от многих более продолжительного обучения, а потому и более длительного ожидания. Многие поступают неразумно и требуют все сразу же. Они идут

слишком быстро, слишком далеко, а затем чувствуют, как нежность их становится неискренней, нечестной, а потому начинают сомневаться в своей любви. Их охватывает страшная пустота. Чтобы заполнить ее, они усиливают интимную жизнь. Но, чем более они предаются ей, тем более становятся неуверенными.

С другой стороны, они уже не решаются расторгнуть обручение, потому что зашли слишком далеко. Итак, они вступают в брак, вопреки лучшему познанию и чувствам, и вносят в него пустоту. А пустота эта приводит впоследствии к многочисленным трудностям.

Знаменательно, что Библия пользуется выражением «одна плоть» только в связи с браком. Бог знает, почему он так тесно сочетал друг с другом эти три элемента брака, так что они фактически нерасторжимы. Нам необходимо довериться Ему, зная, что Он не хочет лишить нас чего-то, а, наоборот, что-то даровать нам. Когда наступит наш час, мы вполне и свободно будем наслаждаться тем, что предназначено для нас: половым исполнением брака, лучшим образованием, более разнообразной работой и другими удобствами жизни. Бог хочет помочь нам создать из нашей жизни настоящее произведение искусства. Если у нас имеется такое доверие к Нему, нам совсем нетрудно будет сообразоваться с Его волей: «Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут (два) одна плоть».

7.

После лекции я немедленно спустился с кафедры и направился к выходу. Во мне горела тревога о Фатьме. Я не стал ждать даже исполнения завершающего гимна. Я только слышал, что Даниил что-то сказал на своем родном языке, вероятно, что завтра, в субботу, не будет лекции и что я буду проповедовать в воскресенье на богослужении. Я услышал также, как он упомянул имя моей жены. Весьма возможно, он выразил надежду, что и она будет среди них.

Мне потребовалось несколько минут, чтобы проложить себе путь к выходу из церкви. Фатьмы я так и не увидел. Я старался внушить себе, что ей, может быть, стало нехорошо в душливом воздухе переполненной церкви. Однако тотчас же мне стало ясно, что она покинула церковь по другим причинам.

Несколько человек студентов окружили меня и последовали за мною. Один из них спросил:

– Относится ли то, что вы сказали об «одной плоти» и к изнасилованию, например, на войне? Составляет изнасилованная одна плоть с изнасиловавшим ее?

Я был ошеломлен и помедлил с ответом:

– Я не хотел бы просто сказать: «нет». Во всяком случае, здесь существует какая-то разница. Честно говоря, я не в состоянии ответить вам в

данный момент. Но разрешите мне задать вопрос: не видели ли вы молодой женщины, которая, кажется, ушла до окончания лекции?

Мне подтвердили, и от этого мое беспокойство возросло.

– Кто-нибудь увел ее? Кто-то сопровождал ее?

– Нет, она ушла одна.

– Знает ли кто-нибудь из вас, где она проживает?

Все отрицательно замотали головами. Совершенно безнадежно было искать ее в огромном городе. Я обрадовался, когда подошел Морис и пригласил меня в свой автомобиль. Для беседы я слишком устал, да и на душе у меня было тяжело. Морис поехал другим, не обычным, путем.

– Куда же вы едете? – спросил я.

– Я отвезу сначала свою мать домой. А затем я хотел бы пригласить вас в один из самых лучших наших ресторанов поужинать.

– Разве ваша мать не хотела бы поехать с нами?

– Нет, в ресторане она будет себя плохо чувствовать. Она принадлежит к старшему поколению, которое предпочитает трехножную скамеечку.

Шилах была утомлена и не говорила. Мы высадили ее у дома, а затем направились к центру города, где Морис остановился у одного из высотных домов.

Как только мы заняли места и сделали заказ, Морис приступил к вопросам:

– Знаете ли вы, что сегодня вечером вы противоречили себе?

– Правда?

– Да. Раньше вы сказали, что половой акт, «одна плоть», соединяет двух человек в одну чету и что даже Апостол Павел утверждает в одном месте, что мимолетная встреча с блудницей тоже создает чету. А затем вы сказали, что Библия пользуется выражением «одна плоть» только в связи с браком.

Морис торжествующе улыбнулся.

– Вы совершенно правы, – сказал я. – 1 Кор. 6:16 фактически единственное место, где это выражение употреблено не в связи с браком. Но мне думается, что именно таким образом Павел хочет указать, что половой акт вне брака совершенно лишен здравого смысла. Павел будто хочет сказать: «Просто абсурдно становиться одной плотью с проституткой».

Морис задумался на мгновение, а в это время был сервирован суп. Затем он сказал:

– Да, но скажите, они так и остаются одной плотью или все же не остаются? Ведь вы сами сказали вначале, что благодаря половому акту они становятся одной плотью, даже и в том случае, если они не относились к этому делу серьезно и если у них не было намерения вступать в брак. А затем вы сказали, что только в пределах брака они становятся в полном смысле одной плотью.

Я молчал и задумался. А Морис продолжал доносить меня вопросами:

– Если действительно становишься одной плотью с блудницей, тогда всякий, кто хотя бы однаж-

ды вошел в связь с нею, практически вступил с нею в брак?

– Я этого не сказал. Но я сказал: «Акт этот соединяет их в пару, но не в брачную чету».

– Какая же разница?

– Приблизительно такая, как между речью животных и речью человека. Спаривание – это природа. Брак – это культура. Мы не просто пробуждаемся к браку; нам следует создавать его. Брак – это создание культуры человека, может быть, самое древнее ее создание.

Морис отрицательно покачал головой:

– Я все еще не вполне понимаю. К чему же все-таки принадлежит «одна плоть»? К природе или к культуре? К спариванию или к браку?

Он посмотрел на меня вопросительно, дав мне время поразмыслить.

– Морис, и для меня в этом отношении открытые вопросы. Однако две вещи мне ясны:

– Во-первых, половой акт – это поступок, чреватый тяжелыми последствиями, даже если он совершается с проституткой.

– Во-вторых, «одна плоть» не исчерпывается одним только половым актом, даже и в том случае, если он совершается в браке. Человек не становится одной плотью со своей женой только потому, что он делит с ней постель. Между этими двумя истинами нам надлежит найти истинный путь.

Морис вздохнул. Две истины – это очень трудно было ему усвоить.

– Тогда они являются безбрачной четой, – предложил он.

– Скажите лучше иначе: это спаренные безбрачные. Правда, это звучит еще более абсурдно. Получается, будто они вошли в шатер и внезапно обнаружили, что в нем нет вершины. Они открыли дверь в дом, закрыли ее за собой, а затем заметили, что в доме нет ни стен, ни крыши. Они как будто вошли в дом, и все же остаются на улице.

Беседа наша прервалась, когда официант принес второе блюдо. Когда он ушел, Морис сказал:

– Сегодня вечером вы задели мою совесть, подвергая меня критике из-за того, что я не женился на той девушке. Неужели вы и в самом деле готовы сказать, что прошлое девушки, на которой хотелось бы жениться, вообще не следует принять в расчет?

– Нет, конечно, нет. Многое зависит от девушки, от ее характера, от обстоятельств, в которых она отдала себя. Даже от ее внутренней настроенности. Мне просто больно, когда я смотрю на этих девушек; некоторым всего лишь тринадцать или четырнадцать лет. Никто не давал им никакого сексуального воспитания. Единственное, чему их учили, – повиноваться мужчинам. Так вот, наступил момент, когда в их жизнь вошел мужчина, – и они тотчас же проявили повиновение ему. Их не воспитывали, что необходимо проявить сопротивление. Видите ли, Морис, девственность – это не только лишь что-то телесное. Для

меня это в большей мере вопрос сердца, способность любить и отдаваться. Девственность не является чем-то, что теряет девушка, а тем, что она дарит.

– Я не понимаю этого.

– Каждая девушка обладает исключительным даром – даром полной отдачи мужчине. Этот дар подобен огромному капиталу, находящемуся на банковом счете. Но многие девушки раздают этот капитал мелкой монетой. Каждый день они что-то снимают со счета и транжирят. Несколько поцелуев то здесь, то там, легкий флирт время от времени. В телесном отношении такая девушка еще обладает девственностью, но все же она уже значительно уменьшила свою способность любить. Те девушки, которые склонны были к частым и ранним интимностям, похитили девственность у своего же сердца. С другой стороны, может встретиться девушка, неопытностью которой воспользовался беспощадный мужчина. В исключительно телесном смысле она потеряла свою девственность, но в сердце своем она сохранила ее.

Он помедлил, а затем сказал:

– Поверите ли вы мне или нет, но я еще совершенно неопытен. У меня еще никогда не было никакой связи.

– Я благодарю вас, Морис, что вы сказали мне это. Я верю вам. Скажу вам, что вы являетесь далеко не единственным африканцем, который сказал мне это.

– Понимаете ли вы теперь, – спросил он, – почему мне особенно тяжело жениться на девушке, потерявшей девственность?

– Нет.

– Неужели нет?

– Нет, Морис.

– И как христианин?

– Кто же должен так поступать, как не христианин? Я даже не знаю, как вы можете молиться молитвой «Отче наш»: «Прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим».

– Однако прощение должно основываться на взаимности.

– Девушка совершила эту ошибку, а вы – другую. Какая же разница? Я не могу представить себе лучшего клея для того, чтобы «прилепиться», нежели взаимное прощение. В этом как раз и состоит своеобразие жизни с Богом. Он всегда готов начинать с нами заново. Вот поэтому и мы всегда в состоянии заново начинать друг с другом. Собственно, в браке нет ни единого дня, когда бы не следовало в каком-то отношении заново начинать со своей женой, а жене с мужем.

Мы закончили ужин молча. Однако это молчание было лишь частью нашей беседы, а не ее концом. На обратном пути в гостиницу я спросил Мориса, думал ли он вообще когда-нибудь о том, чтобы жениться на вдове. Я не мог бы спросить его о чем-то для него более далеком. Если бы он не управлял машиной, то, наверное, всплеснул бы

руками с восклицанием: «И как же могла прийти вам такая мысль?»

– Судьба молодых вдов в Африке глубоко трогает меня. Никто не беспокоится о них. Они не получают пенсии, не получают никакого социального обеспечения. Не все становятся проститутками. Многие пытаются честно прожить в жизни. Я бы пожелал им такого мужа, как вы. В вашем возрасте вы могли бы быть хорошим отцом для их детей. Я бы хотел видеть лицо вашей матери, если бы вы привели ей в дом сразу пятерых внуков.

Морис глубоко вздохнул.

– Вы шутите, – сказал он.

– Нет, – сказал я настойчиво. – Я не шучу.

– Неужели вы думаете, что вдова моего возраста была бы для меня лучшим партнером, а не молодая девушка?

– По крайней мере, она была бы партнером, а не дочерью.

– Но если бы у меня появились дети от нее, не было бы это слишком тяжелым положением?

– Конечно. Однако это менее тяжело, нежели воспитывать детей без отца, а для детей, безусловно, гораздо легче, нежели иметь матерью женщину, которая могла бы быть дочерью их отца.

– Тогда я мог бы даже жениться на разведенной.

– В известных обстоятельствах, да. Или мы верим в прощение, или мы не верим.

Тем временем мы прибыли к гостинице. Как всегда, Морис сопровождал меня в мою комнату. Я получил ключ у портье.

– Дайте мне время, – сказал Морис, – основательно подумать над этим.

– Но мне хотелось бы уберечь вас, чтобы вы не оказались старой девой.

Морис рассмеялся. Портье, который услышал наши последние слова, посмотрел на меня с удивлением. «Какой-то господин звонил вам уже много раз», – сказал он.

– Он оставил номер телефона, чтобы ему можно было позвонить? – спросил я.

– Нет, сэр. Он сказал, что он еще раз позвонит. В это время вышла телефонистка из своей отделенной стеклом кабины, в которой находился коммутатор, и сообщила, что этот человек сейчас звонит опять.

– Хорошо. Пожалуйста, соедините меня с ним через минуту. Я подымусь в свою комнату.

Я быстро простился с Морисом. Когда я ожидал лифт, он еще раз подошел ко мне и вручил мне визитную карточку. «Если я вам буду нужен, вы можете позвонить мне в любое время. Завтра я свободен».

Когда я вошел в комнату, телефон уже звонил. Стоя, я поднял трубку.

– Здесь Джон.

– Прекрасно, что вы позвонили, я уже давно

позвонил бы вам. Где же вы? Подумали ли вы немного над нашей вчерашней беседой?

– Сэр, я хотел бы сказать вам одно, – заявил он мне холодным, грубым голосом, – грязь на моих руках – это честная грязь. Она у меня от тяжелой работы. Я горжусь этим. Мой труд несколько тяжелее, нежели встречаться с девушками в гостинице. И как я одеваюсь, это мое дело, а не ваше.

– Да, сэр.

– Фатьма – это исключительно мое дело. Я хорошо знаю, что делаю. То, что я хотел покинуть страну, я сказал нарочно, чтобы увидеть, как вы будете реагировать. Я знаю, чего хочу, и запрещаю вам вмешиваться в мои дела.

– Да, сэр.

– И если вы тотчас же не отправите Фатьму домой, я вызову полицию.

– Ее нет у меня.

– Я вам не верю.

– Сэр, я вас заверяю, что ее нет здесь.

– Я не верю ни единому вашему слову. Ее не было дома, когда я пришел после работы. Она выбралась из квартиры через окно. Я знаю, что она пошла в церковь.

– Пожалуйста, Джон, послушайте. Мне очень жаль, что я ранил вас. Я хотел бы извиниться по всей форме за свои замечания по поводу ваших рук. Но самое важное сейчас найти Фатьму.

– Я точно знаю, что она ушла в церковь.

– Да, она была в церкви. Она сидела на одной из

последних скамеек, но ушла еще до окончания моей лекции. И я не знаю, куда она ушла.

– Сейчас одиннадцать. Если она не вернется домой до полуночи, я извещу полицию. Если с ней что-нибудь случится, то ответственность несете вы.

– Пожалуйста, скажите мне... – но он уже положил трубку.

Я опустил в кресло и старался дышать спокойнее. Я совершил грубую ошибку. Отрицательное замечание о его руках было совершенно ненужным.

Но как же Джон узнал об этом? Он ведь не был дома, когда Фатма звонила. Неужели она действительно рассказала ему об этом? С другой стороны, Джон только что сказал, что он не видел ее весь день. Или же он втирает очки?

Но где же Фатма? Вдруг с ней что-нибудь случилось? Если бы у меня было хоть малейшее представление о том, где она проживает! Но я вообще не знал города, в котором находился. У меня даже не было времени совершить прогулку. Все, что я видел, – это была дорога между церковью и гостиницей. Да еще район проституток, который показал мне Морис в первый вечер. Неужели она пошла туда?

Я лег в постель и попытался уснуть. Мною опять одолело чувство полнейшего бессилия.

Я не знаю, сколько времени я спал, как вдруг неожиданно проснулся. Мне показалось, что я услышал голос в своей комнате, голос Джона. Тут

мне пришло на ум, что я видел его во сне. Во сне я еще раз пережил его посещение: он как раз поднимался и я спросил его, далеко ли отсюда он живет. «Я живу за рекой», – сказал он. Да, это были слова, которые я слышал. Было уже почти три часа утра. Вдруг мне пришла в голову мысль.

Я подошел к телефону и снял трубку. Ответил сонный голос. Это был ночной портье.

– Да, сэр?

– Скажите, пожалуйста, в городе имеется река?

– Да, сэр.

– Она широкая?

– Широковата.

– Далеко от гостиницы до реки?

– Довольно далеко.

– Много времени понадобится для того, чтобы добежать до нее?

– Довольно много.

Это в равной мере могло означать и пятнадцать минут, и два часа. Мне даже нравится эта африканская неопределенность по отношению к пространству и времени. В ней выражается свобода. Они еще не превратились в рабов километров и часов. Однако если человек торопится, то они могут свести с ума.

– Я не видел реки, когда ездил в церковь.

– Потому что вам не нужно было ехать через мост.

– Послушайте меня, вы совсем проснулись?

– Да, сэр.

– Скажите, если человек находится здесь, в гостинице, и говорит: «Я живу за рекой», – тогда ему обязательно нужно проехать через мост?

– Да, сэр.

– И если ему нужно из церкви на другую сторону, так ему тоже надо этот мост проехать?

– Да, сэр.

– У вас имеется только один-единственный мост?

– У нас только один мост, сэр.

– А на этой реке есть паром или рыбацьи лодки?

– Нет, сэр, это слишком опасно. Никому бы в голову не пришла мысль переправиться через реку на лодке. Во всяком случае, ночью.

– Так что если нужно переправиться на другую сторону, то необходимо через мост?

– Да, сэр.

– Можно сейчас, ночью, вызвать такси?

– Трудно. Я не советовал бы вам ехать ночью с незнакомым водителем.

– Подождите меня минуточку у аппарата. Я хотел бы дать вам номер телефона таксиста, которого вы можете вызвать для меня.

Я подошел к гардеробу, вынул из пиджака визитную карточку Мориса и назвал его номер телефона. Гудки звучали продолжительное время. Наконец отозвался Морис:

– Да?

– Морис, вы сказали мне, что я могу позвонить вам в любое время. Вы мне так нужны сейчас.

– Я в вашем распоряжении.

– Сколько времени вам потребуется для того, чтобы приехать в гостиницу?

– Пятнадцать минут.

– Попытайтесь приехать за десять минут.

Я оделся, спустился вниз и подождал Мориса у входа в гостиницу. Улицы были безлюдны. Не было видно ни одной автомашины. Наконец, вынырнули из темноты фары автомобиля Мориса. Он остановился, и я сел в автомобиль.

– Вы знаете, где находится мост?

Он рассмеялся.

– Пожалуйста, проедем через мост, но прежде чем подняться на него, остановитесь сбоку.

Мы ехали молча. Я был благодарен, что Морис меня ни о чем не спрашивал. Затем я увидел мост. Это был узкий длинный мост с каменными перилами с каждой стороны. Справа находилась узкая пешеходная дорожка.

Действительно, она была тут. На середине моста на правой его стороне, стояла Фатьма. Нагнувшись через перила, она смотрела в воду.

– Вы видите девушку?

– Да.

– Я не могу рассказать вам сейчас всей ее истории. Но я уверен, что она в отчаянии и думает о самоубийстве. Совершенно очевидно, что она не может решиться. Здесь имеется полицейский пост поблизости?

– На другой стороне.

– Хорошо, поезжайте медленно, чтобы вы могли легко остановиться. Мы проедем в пяти метрах от нее, чтобы она подумала, будто мы едем дальше. Затем остановимся, я выскочу и попытаюсь схватить ее, прежде чем она прыгнет.

– А если она прыгнет?

– Тогда поезжайте по возможности быстрее к полицейскому и бейте тревогу. Однако я очень хотел бы избежать этого.

– Окей!

– Если увидите, что я разговариваю с ней, тогда остановитесь на таком расстоянии, чтобы вы не могли слышать, но чтобы могли все-таки видеть нас.

– Почему?

– Может быть, будет судебный процесс. Поэтому мне нужен свидетель. А теперь трогайте.

– Так, наобум? Неужели не помолимся прежде?

– Пожалуйста.

Морис произнес короткую молитву. Я посмотрел на его смуглые руки, сознавая, что в это мгновение он значит для меня бесконечно много.

Затем он включил первую скорость и дал газ. Я приоткрыл дверь, держась за ручку ее. Фатма даже не пошевелилась при нашем приближении. Она стояла к нам спиной, опираясь на локти и уставившись на воду.

Морис медленно проехал и остановился. Я открыл дверцу, выскочил и подбежал к Фатме. Испугавшись, она быстро повернулась. Однако,

прежде чем она могла что-нибудь сделать, я уже был рядом с ней и схватил ее за руку.

– Фатьма... Что вы здесь делаете?

Какую-то секунду она пристально всматривалась в меня, затем освободилась от моей руки, повернулась и опять начала смотреть на воду. Она не сказала ни слова. Морис отъехал дальше, развернул автомобиль и остановился на другой стороне, приблизительно в пятнадцати метрах от нас. Он выключил фары. Никого больше не было на мосту. Только мы втроем.

Тишину нарушал только шум воды под нами. Я остановился слева от Фатьмы, опершись точно так же, как и она, локтями о каменные перила, и вместе с ней начал смотреть на воду. Спустя некоторое время я спросил ее, насколько мог спокойно:

– Если бы вы здесь спрыгнули, Фатьма, знаете ли вы, что бы было с вами?

Она не ответила. Я терпеливо ожидал. Минуты проходили.

– Мне все равно, – сказала она наконец. – Главное, все было бы уже позади.

– Вот именно, что ничего не было бы позади. В этот-то момент вы и совершили бы ошибку.

– Если я умру, разве не будет все позади?

– Вот именно, что нет.

– Но бремени уже не будет.

– Напротив, вы берете его с собой, в вечность, совершив к тому же еще и самоубийство, которое ничего, абсолютно ничего, не решает.

– Даже если это и так, дальше жить так я уже не могу. Я не могу уже больше носить такой груз.

– Я как раз и не требую этого от вас. Я хотел бы, чтобы вы продолжали жить без груза.

– Вы совсем не знаете, что говорите. Вам неизвестна и половина моих тяжестей. Я лгала вам. Дела мои гораздо хуже, нежели вы думаете. Вы пришли бы в ужас, если бы все узнали, всю правду.

– Обещаю вам, что не приду в ужас.

И опять она замолчала на продолжительное время. Не двигаясь, она глянула на струящуюся воду. А затем сказала:

– Если я себя не лишу жизни, то может быть, что лишу жизни другого. Во всяком случае, я заслужила смерть.

– Такого мнения придерживаюсь и я.

– Следовательно, вы согласны со мною?

– Конечно. Не имеет значения, знаю ли я все о вас или нет, но в любом случае вы заслуживаете смерть. Как и я. Все мы достойны смерти. Единственная разница в том, что одни это знают, а другие еще не знают. Я рад, что вы принадлежите к числу тех, кто это знает.

– Почему же вы не даете мне умереть?

– Потому что уже слишком поздно для этого. Другой умер вместо вас.

– Уже слишком поздно менять жизнь, но еще не поздно умереть.

– Наоборот, Фатьма: еще не слишком поздно изменить вашу жизнь, а вот слишком поздно умереть.

– Слишком поздно умереть? – Она повернула голову и посмотрела на меня. – Я этого не понимаю.

– Я хотел бы рассказать вам одну историю. Слышали ли вы когда-нибудь о Варавве?

– Вы имеете в виду разбойника, которого взяли вместе с Иисусом?

– Да, именно его. По иудейским обычаям перед Пасхой отпускали одного из пленников. Пилат спросил иудеев, кого им отпустить – Иисуса или Варавву.

– Я знаю эту историю. Они избрали Варавву.

– Правильно. И вот Варавва свободен и пошел, как кто-то дополнил эту историю, улицами Иерусалима в ту пятницу: он видел, как стремился поток людей на Голгофу, и примкнул к ним. И что же он увидел, когда пришел туда?

– Иисуса на кресте.

– Вы хорошо усвоили этот урок в школе.

– Я часто слышала эту историю, но она никогда ничего не означала для меня.

– Тогда хорошо слушайте: Варавва сразу же узнал Иисуса-пленника. И тогда он вдруг подумал: если бы Иисус не висел там, тогда... Можете ли вы закончить эту мысль, Фатьма?

– Тогда висел бы там я.

– Да, Фатьма. И я тоже.

Мы опять замолчали, глядя на текущую воду.

– Рассказывайте дальше, – сказала Фатьма через какое-то время, опять не глядя на меня.

– Представьте себе, что Варавва подумал бы: «Это так несправедливо, что Иисус умирает. Ведь я же разбойник, а не Он. Я заслужил смерть, а не Он. Теперь я могу сделать лишь одно: совершить самоубийство». Что бы вы сказали на это?

– Это было бы совершенно бессмысленно.

– Точно так же бессмысленно было прыгнуть вниз. Вы пришли слишком поздно, Фатьма. Смертью, которую вы заслужили, уже умер Иисус. С тех пор, как это случилось, всякое самоубийство является запоздавшим. Его уже опередили. В нем нет необходимости. Вы свободны. Свободны, как Варавва.

– Свободна?

Она совершила полный оборот, опершись теперь спиной о перила моста и глянув мне в лицо. Равнодушие уступило место отчаянию.

– Свободна? Я должна быть свободна? – Короткий горький смех. – Я заключена. Дверь закрыта за мною на замок, дверь «без ручки».

– Не потому ли вы так скоро ушли из церкви?

– Да, вы лишили меня последней искры надежды.

Я закрыл глаза.

– Когда я вошла в шатер, то заметила, что в нем нет верхней части. Начался дождь. И все же я не могла выйти из него. Тогда меня одолело ужаснейшее чувство заключения. Я хотела свободы. Но куда идти? Хотела прыгнуть. Однако куда?

Я стоял перед нею, не решаясь посмотреть на нее:

– Фатьма... я...

– Какая, собственно, разница, замужем я или нет? Двое становятся одной четой, одной плотью; этого не может отменить даже развод, как вы сказали. Я тоже состою в паре, независимо от того, хочу этого или нет. Я не могу освободиться от него.

Она начала кричать. От злости и отчаяния она забыла самое себя:

– Я заклеямена, глубоко отмечена. Не только с Джоном. По крайней мере, с шестью другими до него. Дверь моя захлопнулась на шесть замков. Или же в моей жизни шесть дверей, которых никто не может взломать.

Она остановилась на мгновение. А я не мог возразить ей.

– Быть одной плотью, быть одной плотью, да, плотью, – продолжала Фатьма, – но не всем, чем являюсь и что принадлежит мне, а только этим жалким, грязным, проклятым телом. Нет выхода. Я не замужем, но я не могу и развестись.

Закон убивает, подумал я. Если бы она прыгнула с этого моста, я был бы виноват, а не Джон. «Ты, Ты, заставивший меня сегодня проснуться, даруй мне истинное слово теперь. На этом мосту между небом и землей, между двумя берегами, между смертью и жизнью – даруй мне теперь Твое Слово!»

Фатьма повернулась ко мне, опираясь о перила моста. Я посмотрел на нее и медленно сказал:

– Один только может взломать эту дверь сна-

ружи – и не имеет уже значения, шесть ли это дверей или целая даже сотня.

– И у меня?

– «Человекам это невозможно, но не Богу; ибо все возможно Богу» (Мк. 10:27).

– А как же Он может совершить для меня невозможное?

– Я не рассказал вам еще конца истории. Итак, Варавве стало ясно: если бы Иисус не висел там, тогда бы там повесили его, Варавву. Однако Варавва не остановился на этом познании. Он повернулся так, что крест оказался позади него, а мир перед ним. И он сказал: «Так как Он умер за меня, то я хотел бы, по крайней мере, жить для Него».

Фатьма ничего не сказала. Я ожидал:

– Иисус не осудил великой грешницы-блудницы. Но Он сказал: «Иди и впредь не греши» (Ин. 8:11).

– Иди, но куда?

– Читали вы Псалом 26?

– Да, и я нашла там свой стих.

– Вы можете прочесть его наизусть?

– «Отец мой и мать моя оставили меня». – Не я оставила отца своего и мать свою, как вы сказали, а отец и мать оставили меня.

Я открыл свою карманную Библию, которую носил с собой, и сказал:

– Полностью этот стих звучит вот так: «Ибо отец мой и мать моя оставили меня, но Господь примет меня».

– Но где Господь?

– В данный момент Он перед вами в этом слове. Вчера Он встретил меня в одном слове из того же Псалма, который, собственно, я предназначил было для вас: «Ибо Он укрыл бы меня в скинии Своей в день бедствия, скрыл бы меня в потаенном месте селения Своего, вознес бы меня на скалу».

– Нет, – возразила она, – Иеремия более соответствует мне: «Шатер мой опустошен, и все веревки мои порваны; дети мои ушли от меня, и нет их: некому уже раскинуть шатра моего и развесить ковров моих» (Иер. 10:20).

– И все же, Фатьма. Есть Один. Сам Бог укроет вас.

– Неужели вы думаете, что существует шатер и для меня? Для меня – одинокой, незамужней?

– Да, настоящий, укрывающий шатер посреди бедствия.

Она опять повернулась к перилам, но уже не смотрела более на воду. Глаза ее следовали за течением реки до горизонта. Нежный рассвет окаймлял ясное, темное африканское небо – первый признак нового дня.

– Я не могу войти в шатер Божий со всеми своими грехами. Я забыла Его. Изгнала из своей жизни.

– Но Бог не забыл вас, Фатьма. Только грехи ваши Он забывает.

– Как вы можете утверждать подобное, не зная моих грехов?

– Я могу утверждать это со всей уверенностью. Даже не зная ваших грехов.

– А если Бог забудет их?

– Тогда будет, словно их никогда не было.

– Я не могу этому поверить. Еще нет. Дайте мне время подумать. Помогите мне построить свой шатер.

– Я готов.

– Я не могу идти домой. Я боюсь...

– Тогда я предложил бы отправиться сначала к Даниилу.

Я подал Морису знак. Он включил мотор и подъехал к нам. Фатма села рядом с ним, а я – на заднем сиденье.

Морис ехал молча, время от времени робко поглядывая на странного пассажира рядом с собой.

Когда мы приблизились к дому Даниила, мы обнаружили маленькую записочку на двери, которую, очевидно, написала Эстер: «Дорогой друг, если возможно, придите, пожалуйста, между 8 и 9 утра или между 5 и 6 после обеда».

А сейчас было между пятью и шестью утра. И вторично мне пришлось действовать вопреки данному мною совету. Мы долго и тщетно стучали в дверь. Только когда Морис постучал в окно спальни, последовал ответ:

– Кто там?

– Несколько недисциплинированных людей, которые не могут придерживаться часов приема.

– Ты?

Даниил открыл дверь, завернув себя по африканскому обычаю в большое одеяло.

– Ты уже на ногах?

– Ночная смена, – сказал Морис.

Даниил переводил взгляд с меня на Фатьму, с Фатьмы на Мориса. Он не мог понять происходящего.

– Войдите!

Я кратко объяснил ему создавшееся положение. Он сразу все понял. Затем мы обсудили, кто должен позвонить Джону. Фатьма решительно сопротивлялась. Даниил предложил себя, но Фатьма боялась, что Джон тогда узнает, где она. Она настойчиво просила Даниила не говорить ему этого.

– В таком случае я сомневаюсь, что окажусь подходящим, – сказал я. – По крайней мере, я не хотел бы говорить с ним, пока Фатьма не примет решения. Он весьма сердит на меня... Фатьма, вы рассказывали ему что-нибудь о наших телефонных разговорах? Я имею в виду тот разговор, когда вы спрашивали меня, что я думаю о нем.

– Ни слова. Я же не видела его после того разговора.

– Но ему известно, что я сделал замечание относительно его грязных рук.

– Он записывал наши телефонные разговоры на ленту.

– Все?

– Вчера после обеда я обнаружила, что он под-

ключил телефон к магнитофону. Я никогда не видела его на этом месте. Я боялась, что он избьет меня, когда я приду домой. Я ушла через окно и отправилась в церковь еще до того, как он вернулся домой после работы. Когда вы начали говорить о двери, у которой нет внутри ручки, я почувствовала себя еще более запертой, нежели дома, и потеряла всякую надежду. После этого я уже не могла отправиться ни к Джону, ни к моим родителям, ни к вам.

Морис согласился позвонить Джону, но никто не откликнулся.

Эстер появилась из спальни с младенцем на руках. Она под села к нам и не смущаясь дала ему грудь. Мне стало легче, так как это означало, что они считают меня за своего. Я познакомил Фатьму с Эстер.

– Перед вами очень уставшая девушка. Ей нужно принять трудное решение. Для этого ей необходимы покой и тишина. Но прежде всего ей надо поесть и отдохнуть.

– Мы можем предоставить ей нашу гостиную, – сказала Эстер.

– Когда она отдохнет, было бы хорошо, если бы вы побеседовали с ней, Эстер, – сказал я.

Она согласилась.

– Когда же, собственно, прибывает ваша жена? – спросила она меня.

– В четыре после обеда, если самолет придет вовремя; это тот же самолет, которым прибыл и я.

– Хорошо, – сказал Даниил. – Тогда в половине четвертого мы приедем за тобою в гостиницу. Если тебя это устраивает, мы сможем тогда вчетвером поужинать в ресторане аэропорта.

Я принял это приглашение и простился вместе с Морисом. Он ничего не сказал, пока мы не прибыли в гостиницу. Затем он спросил:

– Случалось ли вам уже, чтобы ваши разговоры записывали на ленту?

– Нет, Морис, фактически я никогда не думал о такой возможности, и уже, конечно, не в Африке. В этом труде никогда нельзя всего предусмотреть.

– Может быть, Джон нуждался в критике своей внешности. И, наверное, он от этого не пострадал.

– Морис, если бы я не верил, что Бог силен использовать даже наши ошибки, я тотчас же отказался бы от этого труда. Это касается и моего выражения о двери, у которой внутри нет ручки. Мысль эта правильная, но в данный момент, для Фатьмы, была ошибкой.

– Однако Бог воспользовался ею и для Фатьмы, – ответил Морис.

Затем он опять молчал продолжительное время. Казалось, будто он размышлял над чем-то.

У гостиницы он не просто высадил меня, а настоял на том, чтобы сопровождать меня.

В вестибюле нас ожидал мужчина. Это был Джон. Он казался утомленным от бессонной ночи, но он был в костюме.

Мы поздоровались, и я рассказал ему коротко,

что случилось. Я видел, что все это сильно подействовало на него. Некоторое время я молчал, дав ему собраться с мыслями. Затем он сказал:

– Одно хотел бы я сказать вам, сэр, совершенно определенно и ясно: Фатьма свободна. Она может остаться со мною, но может и оставить меня. Я не стану препятствовать ей.

– Благодарю вас, Джон. Это хорошо, что вы так думаете.

Я дал ему обещание, что он опять услышит о Фатьме. Он простился холодно, однако мы разошлись в мире друг с другом. Я посмотрел ему вслед. Что скрывается за его судьбой? Может быть, в Европе он потерпел крушение? Может быть, ссора с шефом или расторжение обручения? Может быть, внебрачный ребенок или развод? А может быть, он уже не однажды разводился и теперь думает, что расстояние разрешит проблему, поэтому он и подыскал себе работу по возможности подальше?

Все отправляющиеся в Африку, вынужденные бежать от чего-то, рано или поздно терпят крушение, подумал я. Расстояние не решает проблем, даже если мотив бегства замаскировать миссионерской ревностью.

Я простился с Морисом и поблагодарил его за помощь. Он очнулся от глубоких своих раздумий и сказал:

– Доброй ночи и приятного аппетита за завтраком.

Когда я брал свой ключ, телефонистка только что пришла на работу. Я попросил ее не принимать до обеда никаких разговоров и не докладывать о посетителях. Затем прибавил:

– Но будьте, пожалуйста, вежливы. Позвонить мне – для большинства тяжелое решение.

Она обещала мне обращаться с ними самым лучшим образом.

Я отправился в свою комнату и сразу же уснул.

8.

Точно в двенадцать дня меня разбудил звонок телефона.

– Мне жаль, что я вынуждена разбудить вас, но имеется вызов для вас.

– Прекрасно. А многие ли звонили мне?

– Да, многие. Кроме того, здесь с десяти часов уже ожидает в приемной молодая пара. Они непременно хотят поговорить с вами.

Это, конечно, были Мириам и Тимоти.

– Скажите им, пожалуйста, пусть еще немножко подождут. Я перекушу чего-нибудь наспех, а затем попрошу позвать их. А теперь соедините меня, пожалуйста, с вызывающим.

Это была Эстер. Она сообщила, что Фатьма

уснула, что она много беседовала с ней. Фатьма еще не приняла решения. Она испытывает внутренние терзания.

– Я предложила ей остановиться на некоторое время у нас.

– Это прекрасно, Эстер. Большое вам спасибо. Случай этот напоминает мне и другие случаи самоубийства. Если бы они подождали хотя бы один только день, они нашли бы и другое решение. Конечно, пребывание у вас не является окончательным решением. И не поможет ей в ее глубочайшем бедствии. Одного только я не могу понять, Эстер. Я так много читал о больших родовых семьях в Африке. Когда же создается бедственное положение, как в данном случае, нет ни одной человеческой души, которая могла бы оказать помощь.

– В деревне еще действует большая семья, но не в городе.

– Но ведь Фатьма сказала, что она хотела пригласить на свадьбу от трехсот до четырехсот человек. То есть в том случае, если бы свадьба действительно состоялась.

– Но большая разница между приглашением людей на свадьбу и нуждой в их помощи.

– Пусть будет так, но ведь Фатьма ясно назвала этих людей «друзьями», четыреста друзей! Неужели среди этих четырехсот не найдется ни одного настоящего друга? Вот чего я, действительно, не могу понять.

– Я попытаюсь поговорить об этом с Фатьмой. Но я слишком хорошо знаю этот город. Это действительно нелегко. Однако, что вы имели в виду, когда говорили, что пребывание у нас не является для Фатьмы помощью в ее настоящей нужде? В чем же, по вашему мнению, глубочайшее горе Фатьмы? Вы думаете, что это желание выйти замуж?

– Нет, необязательно.

– Или же жажда сексуального удовлетворения? Неужели она изголодалась в этом отношении так, что уже не может жить без мужчины?

– И этого не думаю. В этом отношении она скорее разочарована. Быть может, ей даже все опротивело.

– Тогда чего же она ищет?

– Места.

– Места?

– Да, места. Свой угол.

– Но я же предложила ей место у нас, в нашем доме.

Типично для замужней женщины, подумал я. Людям, которые обрели покой и уют в своем браке, очень трудно представить себе положение безбрачных.

– Предложение ваше очень милое. В данный момент Фатьма не могла бы пожелать себе ничего лучшего. Но это не то, что я думаю, когда говорю, что ей нужно «место». Даже самая прекрасная гостиница не может быть для нее «местом». Она нуж-

дается в таком месте, которое принадлежало бы ей и которому принадлежала бы она. Ей нужна дверь, на которой начертано было бы ее имя. Комната, в которой она могла бы расставить свою мебель. Ей необходимо место, где она чувствовала бы себя дома, где она была бы дома, где она была бы дома и для других. Я думаю, что вся ее жизнь – это постоянные поиски этого «места». Она, однако, так и не достигала цели. Всякий раз, когда она сходилась с каким-то мужчиной, она думала, что она у цели. Но все, что она находила, – это только постель, а не место. И вот это отсутствие места, эти тщетные поиски своего угла являются для многих главным мотивом самоубийства.

Эстер задумалась на мгновение. А затем сказала:

– Иными словами, если Фатма не сможет выйти замуж, она никогда не будет счастлива.

«Она все еще не понимает меня», – подумал я.

– Совсем нет, – сказал я терпеливо. – Существуют браки, которые и не являются убежищем, и таковым не станут. С другой стороны, существуют безбрачные люди, которые не только обладают домашним убежищем, но которые сами являются таким убежищем. Когда посетишь таких людей, сразу же чувствуешь себя дома. Вот что я понимаю под «местом».

– А Бог? Какое отношение Он имеет к этому? Не хотите ли сказать, что величайшее горе Фатмы состоит в поисках Бога? Ведь только Он в состоянии удовлетворить ее глубочайшее желание?

– Да, моя дорогая Эстер.

– Но вы только что сказали, что глубочайшее горе ее в отсутствии места.

– По сути дела это одно и то же. Тот, кто находит место, находит Бога. А кто нашел Бога, тот всегда найдет место, несмотря на то, куда Он поместит его, и несмотря на то, состоит ли человек в браке или нет.

– Об этом мне надо еще подумать.

– Чем занимается Фатъма сейчас? – переменял я тему разговора.

– Она пишет. Я не знаю, что она пишет. Я не спрашивала ее об этом.

– Это хорошо.

– Но что мне делать, если она пожелает вернуться к этому мистеру Джону?

– Вы, конечно, отпустите ее.

– А если она попросит меня пойти с ней вместе, чтобы взять свои вещи.

– Тогда вы, разумеется, пойдете.

– Но я же...

– И при этом попытайтесь вступить в разговор с Джоном. Ведь и ему нужна помощь. Что касается его, то доступ к нему для меня закрыт. По отношению к нему я не справился со своей задачей.

– Но до сих пор я никогда не занималась такими делами. У меня нет для этого никакого образования.

– Если Господь ставит перед вами такую задачу, Он дарует вам для этого и способности. Поло-

житесь прежде всего немного на свою женскую интуицию. Даже самое лучшее образование не способно заменить ее. Советовать – это прежде всего искусство, а не наука.

– Но я с этим никогда не справлюсь.

– Эстер, подумайте хорошенько, может быть, вы говорите все это потому, что хотите казаться скромной. Итак, побольше мужества для посещения Джона!

Я торопливо положил трубку, прежде чем она могла бы что-нибудь возразить. Затем я заказал простой обед в комнату. Его принесли, когда я закончил одеваться. Я быстро поел, потому что не хотел, чтобы Мириам и Тимоти так долго ждали.

Когда они вошли в комнату, я сразу почувствовал, что между ними что-то изменилось. Они казались более уверенными. Тимоти сразу заговорил после того, как оба они уселись на диване. Было ясно, что они договорились заранее.

– Мы поговорили друг с другом, – сказал он.

– И где же?

– В доме моего брата.

– Итак, и в Африке существуют места, где можно поговорить друг с другом.

– Конечно, – согласился Тимоти.

– Мы пришли к выводу, что Мириам не совсем правильно описала вчера наш путь. Она сказала, что мы взяли за начало секс. Мы в равной степени взяли за начало и любовь. Как-то мы колебались

между тем и другим. Итак, вы видите, что в некотором смысле мы являемся особым случаем. Случаем, который занимает какое-то промежуточное положение. Может быть, это, так сказать, крайний случай.

– Таковы почти все мы. Однако объясните мне это, пожалуйста, еще несколько подробнее.

– В начале наших отношений, полагаю, действительно была любовь. Это было вполне искреннее чувство. Вскоре, однако, мы забыли, откуда мы вышли. Как мне это выразить? Тела слились, но душа не успевала за этим. Как только мы заметили это, мы опять пожелали вернуться к нашей первоначальной любви, но мы уже не могли найти ее.

– Я боялась сказать «нет», – добавила Мириам. – Всегда думала, что любовь никогда не говорит «нет».

– Хорошо, – сказал я, – это диагноз. А какова же терапия? Что делать дальше?

– У нас два вопроса, – сказал Тимоти.

Опять очевидно было, что они тщательно подготовили этот разговор.

– Первый вопрос: думаете ли вы, что из-за разницы в возрасте, различного образования и различных характеров брак между нами в любом случае обречен на крушение?

– Я не стану этого утверждать. Нет, не в любом случае. Брак ваш, если окажется удачным, может оказаться знамением.

– Что вы этим хотите сказать?

– Всем было бы видно, что ваш брак не является браком «Сад», в котором муж владеет женой и в котором он уважает ее только в качестве родильной машины. Мириам никогда не будет играть роли «сада». Или вы согласитесь принять ее как партнера, или она откажется совсем от брака. Люди, среди которых вы живете, заметят это даже в том случае, если вы не станете много говорить об этом. Вот что я имел в виду, когда сказал, что ваш брак может оказаться знаменем. Такой брак указал бы путь в будущее.

Я остановился.

– Но... – сказал Тимоти и выжидающе замолчал.

– Почему же «но»?

– Вот вы сказали, что наш брак должен был бы рушиться в любом случае, но он мог бы быть знаменем, если бы он оказался удачным. Следовательно, должно же существовать какое-то «но».

Я не смог сдержать смеха:

– Конечно, если у Мириам не окажется достаточно такта, если при каждой возможности она продемонстрирует свое превосходство в образовании и если у вас не останется великодушия и самоотречения, тогда брак ваш окажется под угрозой. Тогда это может быть той былинкой, которая сломает спину верблюду. Успех вашего брака потребует в любом случае особых усилий. Что-то совсем необычное в том, что африканец женится на девушке, которая старше его, более образованна и даже несколько выше его.

– Как вы думаете: мы справимся с этими трудностями? – спросил он озабоченно, тогда как Мириам слегка коснулась его руки. – В нас ведь действительно нет ничего необычного.

– В вас-то нет, но вот Бог силен совершить в отношении вас что-то необычное.

– Вы имеете в виду, что мы, как христиане, можем пойти на этот риск.

Мириам поняла. Они умолкли.

– Это приводит к нашему следующему вопросу, – и опять Тимоти первым начал разговор: – Возможно ли начать все сначала?

– Как вы представляете себе это?

– Начать все сначала так, как будто между нами не было никакой связи. Медленно войти через дверь любви, а затем двигаться в обоих направлениях – нежности и ответственности, – двигаясь постепенно и не перепрыгивая ступеней.

– Он имеет в виду, – добавила Мириам со свойственной ей прямолинейностью, – в состоянии ли мы прекратить свои сексуальные встречи, решив подождать, пока заключим брак, хотя это уже совершилось?

– Совершенно ясно, что это будет нелегко: так как вы уже через это прошли, естественно, искушение будет еще значительнее. С другой стороны, я не считаю этого невозможным. Потребуется, разумеется, чрезвычайная сила. Но я наблюдал уже такие случаи на примере других пар.

– И каков же был результат?

– Чаще всего углубление их любви. Как только ясно стало, что каждая встреча не будет заканчиваться в телесной сфере, они нашли в себе достаточно сил, чтобы встречаться в другой, возвышенной сфере. Конечно, им пришлось взаимно помогать друг другу.

– А как помогать друг другу? – осведомилась Мириам.

– Избегайте определенных ситуаций. Откажитесь, например, от одиноких ночных прогулок на автомобиле. Договоритесь, когда вы хотите встретиться, проводить время с другими парами. Но прежде всего будьте честными, не обманывайте друг друга, говоря, что у вас все прекрасно, когда фактически не так.

– Не приведет ли это к напряжениям?

– Это неизбежно. Но какое это имеет значение? Многие сексуальные проблемы в наше время происходят только потому, что люди думают, будто им надлежит любой ценой избегать этих напряженностей, что необходимо избегать всякой боли, всяких лишений, всяких страданий. А я считаю некоторую напряженность чем-то положительным. Она принадлежит к процессу созревания. Когда-нибудь вам ведь нужно достичь такого состояния, возраста, когда вы способны будете выдержать любое напряжение. Чтобы достичь его, чтобы упражняться в этом деле, как раз и дано время перед браком.

– А существуют напряжения и в браке?

– Конечно. Известное напряжение существует между сексом и любовью, между любовью и браком и между браком и сексом. Все фактически происходит, как в шатре. Он только в том случае является надежным, если полотнища натянуты между кольшками.

Тимоти и Мириам не сказали больше ни слова. Они вежливо распрощались и ушли.

Даниил прибыл точно вовремя, чтобы отвезти меня в аэропорт. Когда мы проходили мимо портье отеля, я вдруг вспомнил, что еще не заказал комнаты для своей жены. Мы спросили у портье, имеется ли свободный номер с двумя комнатами. Но он сказал нам, что, к сожалению, к концу недели все занято.

– Если бы вы сказали хотя бы вчера или, по крайней мере, сегодня утром, – сказал он.

– Даниил, мне действительно стыдно. Я произносил такие умные лекции об обмене мнениями и соучастии в браке и при этом совершенно забыл заказать комнату, которую я мог бы разделить со своей женой.

Портье предложил нам однокомнатный номер на этом же этаже, непосредственно против моей комнаты. Нам не оставалось ничего другого, как принять это предложение:

– Не будет ли это выглядеть, будто мы поссорились?

Даниил утешил меня:

– В этом и свое преимущество, вы сможете порознь вести беседы. Ведь как хорошо, что у нас, например, имеется гостиная, и Эстер могла спокойно побеседовать с Фатьмой.

Эстер ждала нас в автомобиле. Я спросил ее, кто присматривал за детьми в то время, когда мы разговаривали по телефону и когда она беседовала с Фатьмой.

– Мой муж, – сказала она с гордостью.

Даниил вздохнул преднамеренно громко.

– Ты страдаешь, мой дорогой?

– Ужасно. К чему все это приведет, если так пойдет дальше? – пошутил он. Затем изменил тон разговора: – Серьезно, Эстер словно изменилась с тех пор, как участвует в моем служении.

– Кто же сейчас присматривает за детьми?

– Фатьма предложила свои услуги, чтобы я могла сопровождать Даниила.

Во время поездки в аэропорт Даниил осведомился, не давал ли я телефонистке в гостинице наставления. На мой удивленный взгляд он ответил:

– Я хотел позвонить тебе сегодня утром около девяти. Так вот телефонистка сказала мне неопытно милым голосом следующее: «Сэр, я знаю, что у вас имеются проблемы, но не оставляйте надежды. Врач еще отдыхает. Я могу разбудить его не раньше двенадцати. Если вы тогда позвоните ему, он, несомненно, поможет вам».

Все мы втроем от души рассмеялись.

– Я сказал ей только, чтобы она была вежлива, – сказал я. – Но я совсем не подумал о том, что первым пациентом можешь оказаться ты. Хотелось бы знать, кому она еще пропела эту песенку сегодня утром. Представь себе, если звонило бюро путешествий...

– Или Джон.

Мы опять рассмеялись.

Между тем мы прибыли в аэропорт и узнали, что самолет, которым летит моя жена, опаздывает на полчаса. Во время ожидания мы беседовали о моей вчерашней лекции.

– Мы, Эстер и я, рассуждали вчера о нежности в браке, о которой ты говорил, – начал Даниил. – Но мы знакомы со многими обрученными, которые не могут поступить соответственно с твоими советами. Положение у них совершенно иное. Часто они давно знакомы друг с другом. Но они медлят сделать шаг в обоих направлениях: как в отношении выражения их любви, так и в отношении их взаимной ответственности. А в силу определенных внешних обстоятельств они не могут еще вступить в брак. Или у них нет квартиры, или они еще не закончили образования. Студенты, например.

Они говорят: «Мы вынуждены вступить в брак до свадьбы. Нас понуждают к этому внешние обстоятельства. Мы знаем, что это не идеальное решение проблемы, но считаем это значительно меньшим злом. Мы сознательно идем на риск. Мы

думаем, что в нашем положении это более подходящий вариант, чем подавление естественного желания. Не имея этого выхода, мы стали бы неверными, чрезмерно напряженными, опасались бы даже потерять друг друга». Честно говоря, когда я слышу такие речи, я вынужден согласиться, что они правы. Слишком продолжительное ожидание способно в известных обстоятельствах в значительно большей степени мешать динамической игре сил, нежели отдача перед свадьбой.

– Этим ты касаешься самого трудного и часто обсуждаемого случая, – ответил я. – Однако со стороны судить или даже осуждать его не следует. Существует разница между создавшимся положением и положением, когда примитивно меняют партнеров.

– Но что же сказать такой паре?

– Прежде всего я хотел бы убедиться, действительно ли налицо серьезные причины, из-за которых они не могут вступить в брак. Иногда подлинным мотивом является ложная гордость. Им стыдно начинать просто и скромно. А почему бы и нет? Может быть, это как раз и лучше. Кто начинает с малого, может получить очень многое.

– Ты, значит, советовал бы начинать в маленькой снятой комнате? Может быть, только с плиткой вместо кухни?

– Во всяком случае, отсутствие комфорта не может служить причиной не состоявшейся свадьбы. По-моему, обрученной паре, у которой было

достаточно времени для испытания своей любви и верности, следует как можно быстрее расчистить путь к браку.

– А если это невозможно? – настаивал Даниил.

– Тогда им следует объяснить, что с помощью телесной отдачи, может быть, они и решат проблему сексуального напряжения, но вместо нее непременно возникнут новые.

По радио объявили посадку самолета, на котором прибывала моя жена. Мы видели, как с севера приближался к посадочной полосе самолет, как он легко приземлился, покатился и медленно приближался к зданию аэровокзала.

– Но какие же новые проблемы могут возникнуть? – хотела узнать Эстер. Я попытался кратко объяснить ей это:

– Прежде всего, они должны уяснить себе, что возврата больше нет. Далее, внешние обстоятельства часто не благоприятствуют тому, чтобы узнать ближе друг друга, особенно, когда у них нет своего угла. Тогда молодая женщина зачастую значительно более страдает от чувства незащитности, нежели мужчина, что может воспрепятствовать ей достичь полного удовлетворения. С проблемами, которые могут возникнуть таким образом, часто труднее справиться, гораздо лучше еще немного повременить.

– Ну, а если они еще не желают иметь ребенка?

– И на это обстоятельство им тоже следует указать. Часто, стремясь к полному сожителству, они

упускают из виду эту серьезную проблему. Но вскоре они вынуждены заметить, что вообще нет идеального решения этой проблемы. Каждый метод предохранения требует в какой-то мере компромисса. Только в брачной ситуации, а не в бракоподобном положении, можно с этим справиться. Совсем не так просто сожительствовать друг с другом, не живя совместно друг с другом.

А самолет тем временем прибыл на стоянку. Подали трап. Открылась дверь, появились первые пассажиры.

– Мне не терпится увидеть твой «сад», – пошутил Даниил.

– Он цветет, – сказал я.

Затем я увидел жену, спускающуюся по трапу. На ней был светло-коричневый костюм и зеленый шарф вокруг шеи. Ее любимые цвета, подумал я.

Когда я увидел, как она пересекла расстояние между самолетом и вокзалом, чувство гордости овладело мною. Даниил не сказал ничего.

Она казалась совершенно свежей. Вот она идет нам навстречу, с переброшенным через руку зимним пальто, с сумкой и двумя пакетами в другой руке. Втайне я надеялся, что она подумала о подарках для Даниила и его семьи.

После сердечного приветствия мы вошли в ресторан аэропорта, вчетвером сели у столика и заказали ужин. Во время ожидания она раздала пакеты. В самом деле, у нее оказался подарок для каждого: кофта для Эстер, галстук для Даниила,

большой цветной календарь с видами Австрийских Альп для их гостиной и игрушки для детей. Эти сюрпризы быстро сломали лед. Мы начали оживленную беседу, как будто были старыми друзьями много лет.

– У них те же проблемы, что и у нас, – сказал я своей жене, немного спустя. – Никогда нет времени для себя, часто нарушается распорядок дня, из-за этого постоянный конфликт между браком и служением. У него есть время для всех, только не для своей жены. Это тебе известно, не правда ли?

Моя жена задумалась на мгновение. Затем сказала:

– Имеется только один выход. Вам необходимо укромное место, о котором бы никто не знал, и где бы вас никто не мог потревожить. Проводить там несколько часов в неделю было бы неплохо, да?

Лицо Эстер просияло:

– Я уже знаю, куда мы могли бы отправиться, – сказала она.

Куда же? – хотел знать и Даниил.

– Я скажу тебе об этом, когда останемся наедине, – сказала она с лукавой улыбкой. – Там никто нас не найдет.

В гостинице мы простились с Эстер и Даниилом.

– Пожалуйста, позвони мне, когда приедешь домой, – попросил я Даниила. – Я хотел бы знать душевное состояние Фатьмы.

Я был рад, что в этот вечер мне не нужно было читать лекции, так как я сильно устал от предыдущей ночи. Когда мы оказались одни в комнате, моя жена устало опустилась на диван:

– Было просто слишком много проблем.

– Как дети? – этим вопросом я хотел помочь ей на время забыться.

– Хорошо. Мальчиков я отвезла в четверг после рождественских каникул в школу-интернат. Вот здесь тебе письмо от Давида.

– А маленькой Руфи не было слишком тяжело, когда ты уезжала? Ей ведь еще только восемь? – спросил я.

– Слушай, что она сказала мне напоследок: «Мама, не печалься, если ты меня долго не увидишь. Время же быстро летит». Она меньше беспокоится, чем ее мама. Охотнее всего я осталась бы дома. Даже в аэропорту я помыслила вернуться домой.

Позвонил Даниил. Он еще раз хотел сказать, как они с Эстер рады, что и моя жена здесь.

– А как чувствует себя Фатьма? – попытался я переменить тему.

– Ей, кажется, хорошо. Когда мы вернулись домой, она играла с нашими детьми. – Я воздержался от советов.

– Не тревожься, – сказал я, – она и так знает, о чем ты думаешь.

– Она говорит, что начала писать тебе письмо. Она хотела бы вручить его тебе завтра утром после богослужения. Но к делу: объясняю причину моего

звонка. Церковь опять переполнена. Люди идут и идут. Тебе непременно надо прийти, и сегодня вечером тебе придется говорить.

– Разве ты не объявил, что сегодня не будет лекции?

– Да, но они тем не менее приходят. Сегодня прибыли те, которых не было вчера. Я не могу их просто так отправить домой. Тебе необходимо прийти.

– Но я не могу, Даниил. Я еще палец о палец не ударил для моей завтрашней проповеди.

– Тогда научи меня, как сказать «нет».

– У меня есть идея. Не могла бы заменить меня моя жена?

Она быстро выпрямилась.

Даниил пришел в восторг:

– Это было бы замечательно.

– Я спрошу ее.

Она отрицательно и энергично замотала головой.

– Она согласна, – сказал я. – Ты можешь заехать за нею через четверть часа.

Полуиспуганно, полуулыбаясь, она потянулась за трубкой, но я нажал на вилку телефона и прервал связь.

– Ах, ты, шельма, – сказала она. – Почему ты опять сделал это?

– Чтобы ты перестала прислушиваться к собственному пульсу.

– Но я же вообще не подготовлена.

– Однако по звуку ее голоса я понял, что она уже начала собираться с мыслями.

– Пусть они обращаются к тебе с вопросами, – предложил я. – Переодевайся скорее, за тобою заедут.

– Хорошо, – сказала она, немного подумав. Затем она отправилась в свою комнату, чтобы приготовиться.

За ней приехали вовремя. А я пытался работать над своей проповедью. В качестве текста я избрал место из Еф. 5:21–33: «Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь». Это был ключевой стих. Он не пришел для того, чтобы Ему служили, но пришел для того, чтобы послужить другим, подумал я. Он подчинил Себя Своей Церкви, Он отдал Себя ей.

Эти мысли бросали новый свет на часто искажаемый стих: «Жены, повинуйтесь своим мужьям...» Я вдруг понял, что подчинение жены является только ответом на подчинение ее мужа. Никакой борьбы сил и не подавление одного другим. Только взаимное согласование друг с другом.

Да, но как? Кто в состоянии сохранить это чувствительное равновесие?

Мне очень трудно было сосредоточиться. Мне все приходилось думать о жене – о ее письме, о нашем разговоре, о ее подавленности.

Мне было бы легче проповедовать о браке, если бы она не приехала.

Когда моя жена возвратилась из церкви, у меня все еще не было конспекта проповеди. С равным успехом я мог бы отправиться вместе с ней.

– Ну как было? – спросил я ее.

– Если взвесить обстоятельства, не совсем плохо. Даниил прежде всего представил меня как твою жену и как мать двух дочерей и троих сыночек. Затем он пригласил слушателей задавать мне вопросы. Они живо приступили к этому делу. Мы могли бы еще несколько часов беседовать.

– О чем же они, например, спрашивали?

– Кто-то хотел знать, почему у его жены, когда она беременна, появляется аппетит к весьма странным блюдам.

– Боюсь, что ты рассказала историю с яблоками, когда мы были в Камеруне и ты ожидала нашу Катеньку.

– Да...

– И я специально отправился в аэропорт, чтобы успеть к самолету из Франции и купить два фунта яблок. Я рад, конечно, что меня не было в церкви. О чем же они еще спрашивали тебя?

– В основном о процессе зачатия. К счастью, у меня были увеличенные иллюстрации женских органов.

– Хочешь ли ты сказать, что ты повесила эти изображения?

– Даниил просто укрепил их на доске, перед алтарем, чтобы всем видно было.

– Перед первой моей лекцией Даниил преду-

предил меня не употреблять слова секс, а теперь ты повесила эти иллюстрации перед алтарем. Я могу только сказать: они совершили прогресс.

– Я думаю, что в этом отношении миссия кое-чего не учла, даже упустила. Ей следовало бы дать гораздо больше информации о биологических процессах. Они, например, думают, что молоко отравлено, если кормящая мать состоит в половом общении, а потому и дитя умирает. Вот поэтому они воздерживаются от связей в течение двух лет. Этим объясняется отчасти прежнее многоженство и нынешняя проституция.

– Я очень благодарен тебе, что в этот вечер ты заменила меня. Но у меня еще одна мысль: не могла бы ты помочь мне завтра в проповеди?

– Мне подняться на кафедру? Никогда в жизни!

– Если хочешь, ты могла бы стоять внизу, но было бы прекрасно, если бы ты рассказала историю матери Герды. В известном смысле это была бы часть моей проповеди.

– Я подумаю об этом. Но в самолете я что-то прочла, что я хотела бы прочесть тебе сейчас.

– О нет, пожалуйста, только не сейчас. Я еще не готов к завтрашней проповеди.

Она помедлила, однако только одну секунду. А затем сказала:

– Хорошо. Жаль, что у тебя нет времени. И мне нужно идти. Меня ожидает в комнате девушка. Ее зовут Мириам. Она говорит, что обручена; она проявила большой интерес к тому, что я говорила о

симптомах, по которым можно установить день овуляции. У нее множество вопросов, и ей доставляет очевидную радость знакомство с процессами, происходящими в ее организме. Во сколько нам завтра нужно вставать?

– Не позже семи. Богослужение начинается в девять, а я хотел бы еще прежде проверить свою проповедь. Нам необходимо также упаковаться, так как нам придется взять с собой и багаж. Самолет отправляется ровно в двенадцать. Поэтому у нас не будет времени возвратиться из церкви обратно в гостиницу. После богослужения нам придется отправиться прямо в аэропорт.

Мы простились на ночь.

На следующее утро я встал в шесть и упаковал свой чемодан. Около семи я позвонил в комнату моей жены, чтобы узнать, встала ли она.

Когда я вошел, она лежала еще с полузакрытыми глазами. Я сразу почувствовал, что ее что-то угнетает. На мой вопрос, хорошо ли она отдохнула, она только кивнула головой, но не ответила.

Мне было тем больнее, что накануне вечером я не заметил никаких признаков скверного настроения. Медленно завязался разговор, и выяснилось, что моя жена глубоко уязвлена тем, что у меня не нашлось времени послушать, что она хотела мне прочесть. Тщетно я пытался оправдать себя тем, что у меня еще проповедь была не готова.

– Все остальное в жизни для тебя гораздо важнее, чем я, – воскликнула она. – А я так радо-

валась, что мы с тобой, наконец, можем остаться наедине.

Я напомнил ей о совместном пути, о великой задаче, которая перед нами, о счастье совместного труда. Она, однако, возражала, обосновав все это тем, что я обращаюсь с ней лишь как с партнером, как с сотрудницей, даже как с экспонатом, как она выразилась. На мой упрек в неблагодарности она ответила только, что не она неблагодарная, а что она всего лишь женщина.

Я подошел к окну и увидел церковный купол. Сейчас, наверное, уже звонили колокола. Вскоре приедут за нами на богослужение. Я думал, что уже не смогу проповедовать, особенно на текст: «Мужья, любите своих жен». Я так радовался ее прибытию. А теперь казалось, что было бы даже легче, если бы она не прибыла.

– Теперь ты хотел бы быть католическим священником, – сказала она. Я быстро повернулся.

– Да, – сказал я, не пытаясь скрыть гнева в голосе, – это было бы проще.

– Моногамия может быть волнующим переживанием, – возразила она. Она должна была знать, что этим меня ранила.

После этого мы уже не сказали ни слова в течение длительного времени. Я растерянно шагал по комнате.

– Что же мне следовало сделать? – спросил я наконец.

– Знаешь, я вчера так устала после длительного

путешествия и после утомительного собрания. Я хотела лишь, чтобы ты еще раз заглянул и чтобы своими руками укрыл меня одеялом.

– И ничего более?

Я вздохнул облегченно и в то же время продолжал чувствовать тяжесть на сердце. Я сказал ей, что я действительно охотно сделал бы это.

– Вот меня как раз смущает то, что все как будто бы зависит от столь смешного маленького жеста: и брак, и служение.

– Для меня такой жест не представляется ни смешным, ни малым, – ответила она. – В нем глубокий смысл. Он создает чувство уверенности в твоей любви.

Мы опять замолчали.

– Наш шатер разрушился, – пробормотал я про себя.

– Что это ты имеешь в виду? – спросила она удивленно, и я должен был рассказать ей о Фатьме, которая треугольник превратила в шатер.

– Шатер, – повторила она задумчиво. – Замечательная мысль. Она примиряет меня с твоим угловатым треугольником. Ты помнишь, как мы поехали на отдых и наш шатер разрушился во время бури?

Я хорошо помнил этот случай. Сломались стержни, на которых крепился шатер, и нам пришлось всю ночь провести под полотнищем шатра, а буря вокруг бушевала.

– Даже и разрушенный шатер укрывал нас немало. А теперь?...

Вместо непосредственного ответа она взяла в руки маленькую книжечку, которая лежала на ее ночном столике, и прочла мне отрывок, который она прежде отметила:

«В конечном счете нежность – это тончайший шорох сердца. Даже тише биения пульса, который подавлен сном. Потому что нежность не знает сна. Она бодрствует и внимательна и в свете полдня, а также погружаясь в черные воды полуночи, беспокойная, прекрасная, согласуясь с нашим существованием, которое мы охотно доверяем ей» (Карл Кролов, «Нежность»).

Вот что она хотела мне сообщить. Теперь я начал понимать.

У нас было уже мало времени. Поэтому мы решили, что Морис, который уже прибыл, прежде всего отвезет меня в церковь, а затем вернется еще раз, чтобы взять мою жену. Она согласилась рассказать о матери Герде.

По дороге в церковь Морис молчал. Только сказал, что хочет еще о чем-то спросить меня. Но для этого будет время и после богослужения. У него достаточно такта, чтобы понять, что сейчас я занят своей проповедью и на ней хочу сосредоточить свое внимание.

Когда я оказался вместе с Даниилом на кафедре и посмотрел вверх бархатного ковра черных голов, то почувствовал разницу между первой встречей и сегодняшней. Ее трудно выразить сло-

вами. Я понял, что соединен с аудиторией, как будто мы составляем теперь большую семью. Я был беднее, нежели когда-либо прежде. Но я был носителем той вести, которая несла и меня.

«Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее, чтобы освятить ее, очистив банею водною, посредством слова; чтобы представить ее Себе славною Церковью, не имеющею пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна. Так должны мужья любить своих жен, как свои тела: любящий свою жену любит самого себя. Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее, как и Господь Церковь; потому что мы члены тела Его, от плоти Его и от костей Его. Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть. Тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви» (Еф. 5:25–32).

Даниил прочел этот текст на своем родном языке, а затем начал переводить мою проповедь предложение за предложением, спокойно и без труда. И опять получалось так, будто мы говорили одними устами:

«В течение последних дней мы занимались брачным треугольником – «оставить, прилепиться, быть одной плотью». В этом тексте, который мы только что выслушали, Апостол указывает нам на новое измерение брака. Он говорит: «Тайна сия велика».

Это короткое предложение является в нашем тексте удивительным промежуточным членом. Оно касается предыдущего стиха и указывает одновременно на последующий.

Павел говорит, что, когда человек оставляет отца и мать, когда прилепляется к своей жене, когда двое становятся одной плотью, это великая тайна.

Я думаю, что в минувшие дни всех нас волновала эта тайна. Этот стих Библии, который я прочел и объяснил вам, действовал и среди нас: он выбил жизнь отдельных людей из привычной колеи. Он смирил нас. Он снял покров с сокровенных грехов. Но он и исправлял нашу жизнь. Он помогал заново восстановиться бракам. Он утешал бездетных супругов. Безбрачным он указывал на новый смысл жизни, он всем нам даровал новую надежду».

Фатъма, Мириам и Эстер сидели вместе на женской стороне. Я мог иногда взглянуть на них. Их лица сияли радостью. У Эстер это было новое видение сущности брака и более глубокое понимание, у Мириам – самосознание и решительность, у Фатъмы – первые признаки выздоровления и утешения.

«В стихе этом действительно заключается великая тайна, – продолжал я, – Павел относит его ко Христу и Церкви.

Он говорит: человек оставляет отца и мать, я отношу это ко Христу. Человек прилепляется к своей жене, я отношу это ко Христу. Двое становятся одной плотью – и опять я говорю о Христе.

Иными словами: глубочайшая тайна нашего треугольника – это Сам Иисус Христос. И когда я предлагал вам треугольник – «оставить, прилепиться, быть одной плотью», – как образец брака, то я в действительности не имел в виду другого образца, как Самого Иисуса Христа.

Человек оставляет отца – я говорю о Христе.

Из любви к нам Христос оставил Своего Отца – Рождество: Он стал Человеком как Младенец в яслях. Быть равным Богу – Он не рассматривал в качестве какого-то достоинства, которое Ему следует удержать силой. Он отрекся от Самого Себя и принял образ раба. Он уничижил Себя. Он был послушен до смерти, и смерти крестной.

Человек оставляет свою мать – я говорю о Христе.

Из любви к нам Христос оставил Свою мать в страстную пятницу. Когда Он висел на кресте, Он дал ей другого сына. Он сказал ей: «Жено, се сын твой». А Иоанну сказал: «Се, мать твоя».

Человек прилепится к своей жене – я отношу это ко Христу.

Из любви к нам Христос прилепляется к нам, к Своей Церкви, прилепляется верно и нераздельно.

Библия часто представляет отношения Христа и Его Церкви в образе брака. Это брак не без кризисов. Церковь часто неблагодарна, непослушна, неверна. Но Христос никогда не отвергал Своей Церкви, хотя она постоянно заслуживала этого.

Он всегда готов прощать. Он освятил ее, очис-

тил. Он представляет ее в славной красоте. Без пятна и без порока. Развод совершенно невозможен между Христом и Его Церковью. Он предал Себя за нее. Он предал Себя за эту мятежную, непослушную и трудную жену.

«Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь». Так как Павел единство мужа и жены в браке относит также полностью ко Христу, мы можем с уверенностью сказать: «Вы, жены, любите своих мужей, как и Христос возлюбил Церковь». Потому что, если существует подлинное единство, тогда то, что относится к одному, относится и к другому.

И будут двое одна плоть – я отношу это ко Христу.

Из любви к нам Он соединился с нами, как голова и тело образуют одно целое. Он все делит с нами. То, что принадлежит нам, становится и Его собственностью. Наша нищета становится Его нищетой. Наш страх – Его страхом. Наши страдания – Его страданиями. Наша вина – Его виною. Наше наказание – Его наказанием. Наша смерть – Его смертью.

И то, что принадлежит Ему, принадлежит и нам. Его богатство становится нашим богатством. Его мир – нашим миром. Его радость – нашей радостью. Его прощение – нашим прощением. Его невинность – нашей невинностью. Его жизнь – нашей жизнью.

Он соединен с нами, соединен телесно, в каком-

то почти даже отталкивающим конкретном смысле – в Вечере Господней.

Трезвучие – оставить, прилепиться, быть одной плотью – свидетельствует о действительности Иисуса Христа.

Я говорил вам о браке. Однако по сути дела я говорил только об Иисусе Христе. Я хотел бы все это выразить так, как однажды написал Павел коринфянам: «Ибо я рассудил быть у вас не знающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого».

Голос Даниила приобрел теплоту. Я чувствовал, как и сам он погружался в каждое слово, которое переводил. Казалось, будто он заранее предчувствует, что я хочу сказать, будто сам он извлекает слова из моих уст еще до того, как я произносил их.

«Вы многое забудете из того, что я и моя жена говорили вам о браке, – продолжал я, – но одного вы не забудете: для тебя Христос оставил Своего Отца, для тебя Христос оставил Свою мать, к тебе Он хочет прилепиться, и с тобою Он хочет составить одно целое, потому что Он возлюбил тебя навеки».

В церкви стало совсем тихо. Я остановился на мгновение. Вдруг случилось что-то совершенно неожиданное. Мужчина, сидевший в первых рядах, встал и начал громко петь. Не успел я оглянуться, как вся церковь начала петь с ним громко, от всей души.

Я смутился и посмотрел вопросительно на Даниила:

– Неужели они хотят, чтобы я замолчал?

– Нет, – прошептал он, – напротив, они хотят дать тебе передохнуть, чтобы ты дальше мог продолжать проповедь.

Честно говоря, я еще никогда не проповедовал перед такой внимательной церковью. Но, что на меня произвело самое сильное впечатление, – это свобода, позволявшая прервать богослужение, и глубокое благоговение. Убийственная серьезность, которую часто можно наблюдать у посетителей церкви, уступила место первоначальной радости.

– Что же они поют? – спросил я у Даниила.

– Это хвалебная песнь любви Божией, – ответил он.

Когда они окончили пение, я опять начал говорить, но особенно думал о Фатьме.

«Кто-то из вас рассматривал брак в качестве шатра. Взгляд этот предлагает и мне новое понимание о тайне брака. Доколе живут люди, Христос является таким шатром для нас. Поэтому весть об укрывающем шатре является утешением не только для состоящих в браке. Во Христе находят укрытие и безбрачные. Христос является шатром Божиим. Христос ради них оставил Отца и мать, и к ним Он хочет прилепиться и быть с ними в единении.

Во Христе и безбрачные могут быть участниками в динамической игре сил. И им часто приходится оставлять отца и мать, и они часто лишены

своего дома и лишены детей. Иисус говорит им, что в этой жизни они еще получают во сто крат больше того, что они оставили: дома, матерей, детей (Мк. 10:29). Вот столько предлагает им церковь. Лишившись всего этого, они не окажутся в жалкой, ограбленной жизни, потому что в церкви обретут полную, богатую человеческую жизнь. Через людей церкви Иисус заботится об одиноких и окружает их вниманием. Ваша жизнь приобретает цель и смысл, свободу и радость. Во Христе у вас имеется свой угол, свой дом, свой шатер.

С тех пор, как Христос пришел в этот мир, никто не лишен Его шатра. Так буквально и сказано в Библии: «И Слово стало плотью и обитало с нами» (Ин. 1:14).

Как раз в это время открылась дверь, и моя жена вошла вместе с Морисом в церковь. Не обошлось без того, что некоторые оглянулись, и прежде всего потому, что те не сразу нашли себе места. Я воспользовался коротким перерывом и спросил: «Разрешите моей жене привести пример о браке под шатром Божиим?»

Конечно, все согласились.

Даниил подал знак Эстер, чтобы та перевела речь моей жене. Обе женщины встали перед кафедрой, тогда как я и Даниил оставались на кафедре. На лице моей жены не было ни малейших признаков бессонной ночи.

«У пастора, который венчал меня с моим мужем, было семеро детей, – начала она. – После тридцати

лет брачной жизни заболела его жена. У нее был тумор, опухоль в мозгу. Это означало, что она не могла уже здраво мыслить. У нее появилось странное стремление бежать из дому. Муж практически вынужден был следить за ней днем и ночью.

По мере того, как прогрессировала болезнь, ей все труднее было говорить и ходить. Муж должен был помогать ей во всем: кормить, умывать, одевать. Так продолжалось пятнадцать лет.

В зале произошло оживление.

Друзья часто предлагали ему отправить жену в дом для неизлечимых больных. Но он всегда сопротивлялся и говорил: она моя жена и мать моих семерых детей. Я никогда не отпущу ее.

Перед ее смертью я посетила их. В тот день ей было несколько легче, и она могла кое-что сказать. Тогда она сказала мне следующее: «Ингрид, когда ты будешь говорить со своим мужем о браке, ты можешь ему лично засвидетельствовать, что мой муж любит меня и сегодня так, как тогда, когда я была невестой».

Слушатели сидели молча, в задумчивости. Обе женщины тихонько сели на переднюю скамью. Через несколько мгновений я продолжил свою проповедь:

«Это – любовь, которая отражает любовь Христову к Церкви. Получается так, будто перед нами двойное зеркало. Когда мы смотрим на Христа, мы можем видеть, как следует жить в браке. Когда же мы смотрим на брак, который совершается по воле

Божией, тогда в нем появляется образ Иисуса Христа.

Мартин Лютер говорит: «Брак понуждает нас к вере». Аминь».

Я спустился с кафедры и сел рядом со своей женой. Даниил закончил богослужение молитвой «Отче наш» и благословением.

У нас было еще достаточно времени пожать руку посетителям богослужения. А затем нам необходимо было отправиться в аэропорт. Морис пригласил нас ехать с ним, но Даниил и Эстер настояли, чтобы последнюю поездку мы совершили с ними. Поэтому в автомобиль Мориса сели Мириам, Тимоти и Фатьма. К нашему удивлению, трехлетний сын Даниила, который вместе с матерью присутствовал на богослужении, непременно хотел ехать с Фатьмой. Они стали друзьями.

Мы с женой уже заняли места на заднем сиденье автомобиля Даниила, когда Фатьма постучала в окно и подала мне толстый заклеенный конверт.

– Пожалуйста, прочтите еще до отъезда, – сказала она. Затем она сразу же повернулась. А Морис держал дверцу своего автомобиля уже открытой для нее.

Конверт был адресован нам с женой, поэтому я предложил сначала прочесть его жене.

В то время, как она вскрывала конверт, Даниил обратился ко мне:

– Жаль, что ты не можешь остаться у нас дольше.

– Мне тоже жаль, Даниил, – сказал я. – Мы охотно задержались бы еще, но у нас впереди десятидневный семинар по вопросам брака, а из-за детей мы не могли прибыть раньше. Мы не имели бы права сказать что-нибудь о семье, если бы пренебрегали собственной семьей.

– Мы это вполне понимаем, – сказала Эстер. – Поблагодарите своих детей за то, что они отпустили вас.

Я заметил, что моя жена не следит за нашей беседой. Глянув на нее, я увидел, что она сильно взволнованна тем, что читала. Молча она подала мне первый лист. До аэропорта мы уже не разговаривали более. Фатьма исповедовала свое прошлое пред Богом.

Письмо начиналось так: «В последние дни я пыталась рассмотреть свою жизнь в свете Божиим. Все, что я совершила, было плохо. Я забыла Бога. Я пошла своим путем. Самым важным в моей жизни был не Бог, а я сама. Поэтому моя жизнь так запуталась».

Затем следовало подробное жизнеописание. Случилось все точно так, как я и представлял себе. Она постоянно искала себе «места», никогда так и не достигнув цели. Когда ее отец отверг первого мужчину, который сделал ей предложение, она вместе с ним покинула родительский дом. Отец попытался вернуть ее домой, она отказалась из упрямства. О законной стороне их отношений с этим мужчиной в письме ничего не было сказано.

Фатъма так выразилась по этому поводу: «Я сама заключила этот брак, без Бога».

Прожив с ним несколько месяцев, она узнала, что у него есть ребенок от другой женщины. В это время она сама оказалось беременной, а потому не решалась разойтись с ним. Следующий отрывок письма – это пример того, как брак может превратиться в ад. Она испытала все: недоверие, споры, побои, измену. «Я начала курить гашиш, пьянствовать, обращаться к знахарям и ворожеям».

Наконец она оставила этого человека, но он оставил у себя ее сына. Затем она начала гнаться за «местом»: из деревни в деревню, из города в город, пока ни прибыла сюда. Она не в состоянии перечислить всех мужчин, с которыми она жила, пока не принял ее к себе Джон.

Письмо заканчивалось следующим образом: «Я не упрекаю этих мужчин. Я беру всю вину на себя. С полным сознанием я преступала заповеди Божии. Я не повиновалась своим родителям, я обманула их. Я прелюбодейка, я убийца. Я сделала аборт, я убила своего ребенка и хотела убить и себя. Я знаю, что я достойна наказания Божиего.

Но я прошу Бога, чтобы Он простил меня. Собственными силами я никогда не освобожусь. Я хотела бы начать правильную жизнь. Пожалуйста, помогите мне построить свой шатер».

Мы как раз справились с чтением письма Фатъмы, когда прибыли в аэропорт.

Морис опередил нас. Мириам вошла в здание

вокзала, так как она сегодня работала. Фатьма стояла между Морисом и Тимоти и смущенно отворачивалась в сторону, когда увидела нас.

Даниил остановил свой автомобиль рядом с автомобилем Мориса. Моя жена высадилась первой и обняла Фатьму.

– Сколько у нас еще времени? – спросил Даниил.

– Уже одиннадцать часов. Через полчаса объявят посадку.

– Может быть, Тимоти и Морис сдадут наши чемоданы? А ты возьмешь вместе с Эстер нашу ручную кладь.

В то время, как другие готовились к сдаче багажа, я и моя жена взяли с собой Фатьму и отправились в зал ожидания. Там было полно народу. Но все же мы нашли три рядом стоящих свободных кресла. Мы заняли места справа и слева от Фатьмы. Было достаточно шумно. Через громкоговоритель постоянно объявляли прибытие и отбытие самолетов.

– Вы, наверное, пришли в ужас, не правда ли? – спросила Фатьма.

– Напротив, я рад.

– Неужели вы рады?

– Да, когда радость царит на небесах об одном кающемся грешнике, почему же тогда не радоваться и нам?

Через громкоговоритель оповещали: «Мадмуазель Мадлен Р. просят немедленно подойти к справочному бюро. Ее ожидает там отец».

Фатьма, казалось, почувствовала себя легче от того, что мы не осуждаем ее. Выждав, повторное обращение по радио, она спросила:

– Могу ли я вообще получить прощение?

– Безусловно, – ответил я. – Вы исповедали все Богу, а не нам. Мы только свидетели.

– Я знаю это.

«Машина к запоздавшему отлету в Абиджан готова к старту. Пассажиров просят направиться к выходу «С», – оповещал громкоговоритель. Вокруг нас забеспокоились люди. Они вставали и искали выход «С».

– Готовы ли вы принять наше слово как слово Божиего прощения?

– Я готова к этому.

– Тогда прочтите, пожалуйста, еще раз последний отрывок вашего письма.

Я подал Фатьме конверт, и она развернула письмо на коленях.

– Я хотела бы прочесть еще несколько строчек из предыдущего отрывка, – сказала она.

– Как хотите.

Фатьме пришлось подождать, пока закончится очередное оповещение: дочь с таким длинным именем, которое начинается буквой «Р», – вероятно, она была из Мадагаскара, – еще не нашла своего отца. Весьма вероятно, что она не могла сама вынести багаж из таможни, а носильщикам не разрешалось туда входить.

Фатьма тихим голосом читала, медленно и под-

черкнуто произнося каждое слово: «С полным сознанием я преступала заповеди Божии. Я не повиновалась своим родителям, я обманула их. Я прелюбодейка, я убийца. Я убила своего ребенка...» Голос ей отказал. Наконец она выдавила из себя: «Аборт – это грех. В обратном меня никто не убедит. Смогу ли когда-нибудь это исправить?»

Моя жена обняла Фатьму за плечи и сказала: «Фатьма, существуют вещи, которых мы никогда не исправим. Но мы можем положить их у подножия креста».

«Занято ли это место?» – осведомился какой-то мужчина, который тащил два тяжелых чемодана. Я предложил ему движением руки место рядом с собой, которое как раз оказалось свободным.

Фатьма же читала далее: «...и хотела убить себя. Я знаю, что достойна наказания Божиего. Но я прошу Бога, чтобы Он простил меня. Собственными силами я никогда не освобожусь. Я хотела бы начать правльную жизнь. Пожалуйста, помогите мне построить свой шатер».

Фатьма опять тщательно сложила письмо и вложила его в конверт, простерла руки над ним и закрыла глаза, наклонив слегка голову.

Опять объявили о запоздавшем полете в Абиджан.

Мы положили свои руки на руки Фатьмы. Я произнес слова из книги пророка Исаии (33:20): «Глаза твои увидят Иерусалим, жилище мирное,

непоколебимую скинию; столпы ее никогда не исторгнутся, и ни одна вервь ее не порвется».

Фатьма не двигалась. Тело ее слегка дрожало. Наконец она сказала: «Теперь я в шатре Божиим, не правда ли?»

– Да, там ваше место.

«Мисс В,.. которая в списке желающих отправиться в Париж и Нью-Йорк, просят взять свой билет в окошке 5. Ей предоставляется свободное место», – прозвучало из громкоговорителя.

– Еще сегодня вечером я возьму свои вещи из дома Джона.

– Возьмете с собой Эстер?

– Охотно. В течение нескольких недель я буду жить у них. Она рассказала мне, что вы говорили ей о «месте». Пастор Даниил попытается найти для меня такое место.

Объявили наш рейс.

– Еще две вещи, Фатьма, – сказал я. – Во-первых, теперь вы сможете заново начать свою жизнь. Вы свободны, абсолютно свободны. Прошлое изглажено из памяти Божией. Если же вы будете обременять себя уже прощенными грехами, то начнете совершать новые.

Во-вторых, благодать Божия – как свет, который медленно проникает в темные углы. Но этот процесс никогда не окончится. Поэтому может случиться, что в ближайшие дни у вас появятся дела, искушения, о которых вы сегодня еще не думаете. Не удивляйтесь, пожалуйста, и не

падайте духом. Это – естественный, нормальный опыт. Он означает, что вы начали жить в свете Божиим.

– Благодарю вас.

Даниил подошел пригласить нас.

– Вам надо идти. Вот ваши билеты. Люди уже идут к самолету, а вы еще не прошли паспортного контроля.

– Но ведь наш рейс только что объявили.

– Это уже вторично; первый раз вы прослушали. Мы встали и, торопясь, последовали за Даниилом. Фатьма стояла рядом с моей женой, когда я предложил наши паспорта для отметки. Ингрид ободряюще смотрела на нее. Фатьма почувствовала в ее взоре вопрос и ответила:

– Мне как-то странно хорошо. Я одна, и все же я не чувствую себя одинокой.

– Вот в этом как раз и дело, – сказала моя жена. – Только те могут вступать в брак, которые способны жить и в одиночестве. Бог хочет, чтобы вы сейчас проверили себя.

Эстер и Даниил передали нам нашу ручную кладь, из-за которой мы не могли на прощанье обменяться рукопожатием. Поэтому друзья просто обнимали нас.

Когда я оглянулся, чтобы проститься с Морисом, то вспомнил, что он хотел задать мне вопрос.

– Пожалуйста, напишите мне свой вопрос, – попросил я.

– Как раз это я и сделал, – ответил он и положил конверт в карман моего пиджака.

– Эстер, я хотел бы узнать, как закончится сегодня вечером ваше посещение Джона.

– Я сразу же напишу, – пообещала она.

Мы прошли через дверь. Провожающие остались. Только Мириам могла сопровождать нас к самолету. Со свойственной ей прямоотой, она спросила меня: «Если что-то получается, почувствует ли это тоже сначала девушка?»

– А что вы сами думаете, Мириам?

Она не сразу ответила. Когда же я поднялся до половины трапа, она крикнула мне:

– Да, она уже чувствует!

Я только жестом мог сообщить ей свое одобрение. Мы последними зашли в самолет. Едва только заняли свои места и привязались ремнями, как самолет медленно направился к взлетной полосе.

Моя жена, положив свою руку на мою, сказала:

– Мне больно из-за сегодняшнего утра...

– Я думаю, что нам нужно проходить через такие долины, – возразил я, – чтобы лучше понимать других.

Моторы взревели, и самолет помчался по взлетной полосе. Исчезла бетонная полоса взлетной дорожки. Самолет подымался в открытое небо. Мы опять были в пути.

– Прочел ли ты уже письмо Мориса? – спросила меня жена.

Я разорвал конверт и прочел: «Когда я сидел в

автомобиле и молился о вас, а вы разговаривали с Фатьмой на мосту, мне вдруг показалось, что я чувствую, будто она принадлежит мне. Это была сумасшедшая мысль. Я ведь никогда ее не видел. У меня не было представления, кто она и как выглядит. Я мог только различить во тьме ее фигуру.

Но можно ли серьезно отнестись к такому чувству? Пожалуйста, ответьте мне скорее!»

– Бедный Морис, – пробормотал я, – он непременно хотел девушку. И, как нарочно, влюбляется в Фатьму.

Жена моя возразила мне:

– Но она опять девушка, без пятна и порока. Или ты не веришь тому, о чем сам говорил в проповеди сегодня?

– Во всяком случае, это не счастливый конец. Скорее тяжелое начало, – возразил я. – Что же мне ему ответить?

– Он ведь не спрашивает, должен ли он жениться. Он хочет только знать, можно ли серьезно принимать такие чувства. И ты спокойно можешь подтвердить это.

Мы молча сидели друг возле друга и думали о городе, который медленно исчезал в дымке, а также о людях, с которыми мы встречались там.

– А я все же рада, что я с тобой, – сказала моя жена.

Я молча пожал ей руку.

* Речь о следующих тестах:

1. Обменный тест: способны ли мы предоставить друг другу часть в своей жизни, разделяя друг с другом прекрасное и разочарования, планы и намерения? Или же я постоянно думаю о себе, рассуждая только о себе и со своей точки зрения, желая, чтобы понимали только меня? Короче: хотел бы я быть счастливым или делать другого счастливым?

2. Тест, проверяющий энергию: дарует ли наша любовь энергию для творческих действий или же мы становимся медлительными, ленивыми и несообразительными?

3. Тест уважения: уважаем ли мы друг друга? Горжусь ли я своим партнером? Избрал бы я его или ее отцом или матерью для своих детей?

4. Тест принятия: любовь принимает партнера таким, каким он есть: с его обычаями, привычками, даже с ошибками, недостатками. Нельзя вступать в брак в надежде, что то или другое изменится. Итак, создаем ли мы себе воображаемый образ или же принимаем друг друга такими, какими фактически являемся?

5. Испытание спором: кто желает вступить в брак, должен основательно поспорить. Дело в том, что необходимо установить, имеется ли у желающих вступить в брак способность откровенно высказаться друг перед другом, а затем безоговорочно примириться друг с другом. Отсюда вывод: способны ли мы друг другу прощать и уступать?

